

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 4, № 4(16), 2022

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Веремenco В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Сулейманова Р.Н., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 4, Номер 4, 2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Особенности районирования уездов Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в.**
Э.Л. Дубман 5
- Волжане в борьбе за свободу Болгарии в русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг.**
Часть 1
Ю.П. Аншаков 16
- Конкуренты с юга (туристический рынок Российской империи второй половины XIX в.)**
М.И. Роднов 29
- Политическая работа по укреплению воинской дисциплины в войсках советского Восточного фронта в 1918 – 1919 гг.: некоторые аспекты проблемы**
Г.М. Ипполитов 37
- Хозяйственные ведомства во второй половине 1940-х гг.: к типологии «лоббистских групп» в советской плановой системе. Часть 1**
А.В. Захарченко 50
- Потребительский сектор торговли и бытовое обслуживание населения г. Куйбышева в начале 1980-х гг.**
В.А. Повлюченко 60
- Армянское население Среднего Поволжья в конце XIX- начале XXI в.**
Л.Г. Мкртчян 68

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- От большой игры к холодной войне: малые войны на востоке в британской и отечественной военной мысли первой трети XX в.**
С.Г. Малкин, А.И. Лёзин 77
- Маркус Валленберг – младший: финансист, промышленник, общественный деятель**
А.Б. Гехт 82

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Деятельность ЮНРРА в Польше 1945-1947 гг.: успехи и провалы международной гуманитарной миссии**
Ю.В. Запарий, К.В. Бородунина 94

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- Некоторые аспекты истории изучения проблемы культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е гг. –июне 1941 г. в материалах научных конференций и в статьях, опубликованных в начале XXI века**
С.А. Трибунский 101

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Научный вклад Л.В. Кузнецовой в развитие самарской археологии и музейного дела**
Н.П. Салугина, Д.А. Сташенков 115
- Неолитическая посуда с ногтевидными насечками лесостепного Поволжья**
А.В. Сомов 120

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Самарское губернское жандармское управление в контрреволюционной борьбе 1905-1917 гг.**
И.Д. Казаков, А.И. Репинецкий 147

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на: Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М., СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2022. 352 с.**
О.Б. Леонтьева 153

CONTENTS

Volume 4, Number 4, 2022

RUSSIAN HISTORY

- Features of Zoning the Counties of the Southern Middle Volga in the Mid XVII Beginning of the XVIII Centuries**
E.L. Dubman 5
- Residents of the Volga Region in the Struggle for the Freedom of Bulgaria during the Russian-Turkish War of 1877-1878. Part 1.**
Yu.P. Anshakov 16
- Competitions from the South (Tourist Market of the Russian Empire from the Middle to the End of the 19th Century)**
M.I. Rodnov 29
- Political Work to Establish Military Discipline in the Troops of the Soviet Eastern Front in the 1918-1919: Some Aspects**
G.M. Ippolitov 37
- Economic Establishments in the Late 1940s: Regarding the Typology of «Lobby Groups» in Soviet Planning System. Part 1**
A.V. Zakharchenko 50
- The Consumer Sector of the Trade and Household Service of the Population of Kuibyshev in the Earle 1980s**
V.A. Povlyuchenko 60
- The Armenian Population of the Middle Volga Region at the End of the 19th – the Beginning of the 21st Century**
L.G. Mkrtchyan 68

WORLD HISTORY

- From the Great Game to the Cold War: Small Wars on the East in the British and Russian Military Thought in the First Third of the 20th Century**
S.G. Malkin, A.I. Lezin 77
- Markus Wallenberg JR.: Financial, Manufacture and Public Man**
A.B. Gekht 82

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- UNRRA Mission in Poland 1945-1947: Successes and Failures of the International Humanitarian Effort**
Yu.V. Zapariy, K.V. Borodunina 94

METHODOLOGY, SOURCE STUDIES, HISTORIOGRPHY

- Some Aspects of the History of Studying the Problem of Cultural and Educational Work in the Red army Since the 1920s to June 1941 in the Materials of Scientific Conferences and Articles by Russian Scholars Published at the Beginning of the 21st Century**
S.A. Tribunsky 101

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Scientific Contribution of Lyudmila Kuznetsova to the Development of Archaeology and Museum Work in Samara**
N.P. Salugina, D.A. Stashenkov 115
- Neolithic Ceramics with Nail-Shaped Notches from the Forest-Steppe Volga Region**
A.V. Somov 120

SCIENTITFIC REPORTS

- Samara Provincial Gendarmerie Department in the Counter-Revolutionary Struggle in 1905-1917**
I.D. Kazakov, A.I. Repinetsky 147

REVIEWS

- Review on: *Frumkin, K.G. Admiring the Scientific Estate: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Arts and Public Rhetoric.* Moscow; S.-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022. 352 p.**
O.B. Leontieva 153

УДК 94(47).04

**ОСОБЕННОСТИ РАЙОНИРОВАНИЯ УЕЗДОВ ЮЖНОГО
СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.**

© 2022 Э.Л. Дубман

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

В статье рассмотрены особенности районирования уездов Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в. Источниковую базу для изучения темы составили документы из центральных архивов и опубликованные материалы. На примере одного из крупнейших пограничных уездов – Симбирского – показана специфика складывания внутренней военизированной административно-территориальной системы районирования и управления.

Ключевые слова: Южное Средневожье, Симбирский уезд, пригороды, оборонительные черты, административно-территориальная система.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-5-15

При изучении начального этапа российской колонизации Южного Средневожья историкам постоянно приходится сталкиваться с недостаточной сохранностью и слабой репрезентативностью источниковой базы. Архив и делопроизводство приказа Казанского Дворца, управлявшего всем европейским Юго-Востоком страны (а значительное время и Сибирью), практически не уцелели¹. Документы начала XVIII в. свидетельствуют, что: «...ведомости и чертежи в вышеписанной пожар в приказе Казанского Дворца згорели...»².

И все же к настоящему времени удалось выявить совокупность источников, позволяющих в некоторой степени компенсировать возникающие проблемы. К ним относятся: межведомственная переписка, отписки, копии различных дел и т.д. в фондах Поместного, Разрядного, Монастырского и других приказов, хранящихся в центральных архивах России (Российский государственный архив древних актов (Далее - РГАДА). Вклю-

чение их в научный оборот позволяет более углубленно рассмотреть ряд ранее слабоизученных тем.

Рассматриваемый регион в конце XVI – начале XVIII в. входил в пространство фронта, занимавшего южную и юго-восточную лесостепь европейской части России. Его заселение и хозяйственное освоение стало возможным только благодаря активной деятельности государства, направленной на формирование в пограничье с Полем (историки нередко используют для обозначения этого пространства термин «Дикое Поле») совокупности «городов» - крепостей, острогов и протяженных оборонительных черт с гарнизонами служилых людей. Через несколько десятилетий защищаемое ими пространство заселялось, площадь свободных для развития сельского хозяйства угодий резко сокращалась и излишнее население начинало уходить за границу укреплений, осваивая новые «порозжие» земли. Для их защиты далее к югу возводилась очередная, как правило, непрерывная система оборонительных сооружений – черт. Тем самым обеспечивалось последовательное включение

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории. E-mail: dubmane@mail.ru

ние в состав Московского государства новых территорий и их интенсивное социально-экономическое развитие.

Интерес историков к колониационным процессам, в которых важнейшую роль играла военно-государственная составляющая, является традиционным для отечественной исторической науки. В последнее время он получил особое развитие; значительно выросло количество исследований, посвященных данной проблематике³. Отметим, что указанная выше «военно-государственная составляющая» обеспечивала не только безопасность оседлого расселения на ранее пустынных землях, но и способствовала формированию специфического административно-территориального районирования новых регионов; а также существенно влияла на их хозяйственное развитие. Квинтэссенцию этого процесса наиболее ярко отразил Л.В. Милов, утверждавший, что в условиях нашей страны особое место занимала «... необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI - XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос...»⁴.

Это положение, выдвинутое известным историком, подтверждается особенностями колониационных процессов, характерных для эпохи формирования территории Московского государства. Наиболее очевидно, на наш взгляд, они проявились во второй трети - середине XVII в., когда была возведена непрерывная система оборонительных сооружений от границ с Речью Посполитой до Волги и далее в Заволжье до среднего течения Камы. Нередко в исторической литературе ее называют Белгородско - Симбирской чертой, тем самым подчеркивая значимость этих двух крепостей - городов. Укрепления данной, гигантской по протяженности черты, послужили ос-

новой для формирования совокупности новых уездов и складывания постоянного земледельческого населения по всей лесостепной окраине европейского Юга и Юго-Востока. Процессы, происходившие в пространстве пограничных уездов, имели свою специфику и первоначально существенно отличались от повседневных реалий старого, давно заселенного, центра.

Исследование возникновения и особенностей развития уездной системы Московского государства имеет давнюю историю. Краткий историографический обзор этой проблемы приводит Я.Е. Водарский⁵. Для нас среди работ по данной тематике особый интерес представляет монография Ю.В. Готье, в которой историк специально рассматривает поуездное «областное деление» Замосковского края в XVII в. и признает всю сложность и разнообразие его формирования⁶. Позднее В.М. Важинский, изучая процесс формирования уездов в южном пограничье по Белгородской и Севской чертам, приходит к аналогичному заключению. Он пишет, что «...слово “уезд” в XVII в. еще не получило строгого смыслового значения. Под уездом подразумевали любую сельскую округу, тянувшуюся к крупному населенному пункту. Бывало, что и село с деревнями именовалось уездом»⁷. Уже в начале нашего столетия итоги состояния изученности этой проблемы подводит И.В. Пугач и приходит к выводу, что процесс складывания и развития поуездного деления Московского государства весьма слабо исследован⁸. По нашему мнению, это прежде всего касается интенсивно колонизируемого пограничья европейской лесостепи, имевшего особое значение для развития российских государственности и общества во второй половине XVI-XVII в.

В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть один из важных аспектов в эволюции новых пограничных уездов, а именно выявить особенности внутреннего районирования и управления, складывающиеся в их пространстве.

Данное явление будет рассмотрено на примере Симбирского уезда (в середине -

второй половине XVII в. бытовало название Симбирский (от именованья «уездобразующей» Симбирской черты и ее главного города-крепости Симбирска). Еще одна черта, защищавшая западные земли уезда – Корсунская с крепостью - городом Корсун, также именовалась тогда иначе – Карсунская - Карсун. Симбирский уезд начинает складываться на рубеже 1640-х – 1650-х гг. Административно-территориальные изменения в его пространстве отражали отмеченный выше «пошаговый» процесс колонизации свободных земель в Среднем Поволжье в конце XVI – XVII в. На севере он граничил с Казанским, Свияжским и Алатырским уездами, по линии расположения, основанной еще в конце XVI в., совокупности засек и локальных укреплений от Тетюшей на Волге к Алатырю⁹. Основу уезда и его начальную южную границу в конце 1640-х - 1660-х гг. составили протянувшиеся от Суры до Волги крепости и остроги с военными гарнизонами Корсунской и Симбирской черт, а в Заволжье - западный участок Закамской черты. Под их защитой и происходило сельское расселение в пространстве уезда. К концу 1660-х гг. площади свободных для аграрного производства угодий здесь резко сокращаются. Поток переселенцев начинает уходить за «вал», на более южные черноземы волго-сурского междуречья. Для обеспечения безопасности нового земледельческого района в середине 1680-х гг. был подготовлен проект строительства между Волгой и Сурой Сызранской черты, но его так и не удалось осуществить¹⁰. Отчасти оборонительные сооружения этого проекта заместили укрепления Сызрани (1683 г.) и Кашпира (1687 г.), а также совокупность слобод, заселенных служилыми людьми¹¹.

Очевидно, что в данном конкретном случае каждое значительное продвижение на юг, в плодородные земли лесостепи сопровождалось возведением новых оборонительных сооружений и переселением на них служилых людей: стрельцов, казаков, мелкопоместного дворянства, а позднее и солдат. Все эти колонизационные процессы

оказывали существенное влияние на формирование системы внутреннего уездного деления и управления вновь осваиваемыми территориями.

Помимо того, правительственная администрация неоднократно вносила свои коррективы в сложившуюся в середине XVII в. систему уездов области Понизовых городов. До середины 1660-х гг. западный участок Закамской черты с Белым Яром и Ерыклинском состоял в ведении воевод Казанского уезда, и только в 1667 г. его присоединили к Симбирскому¹². Аналогичная ситуация в это же время возникла и на западных границах Симбирского уезда, когда в него вошли оборонительные сооружения Корсунской черты и сложившаяся под их защитой сеть сельских поселений, которые ранее относились к Саранскому уезду¹³. И это далеко не полный перечень приписывания новых, уже заселенных территорий, к Симбирску.

Сам термин «Симбирский уезд» в источниках того времени нередко замещали названием «город Симбирск с чертой». Эти и другие близкие к ним термины использовались в именовании документов, хранившихся в местной приказной избе и указанных в «Росписном списке» Симбирска 1670 г.¹⁴ Характерно и то, что первоначально в Москве считали, что Симбирская и Корсунская черты возводятся на территории Казанского уезда. Об этом свидетельствует фраза из текста царского указа 1686 г. «...преж сего строена старая Симбирская и Корсунская черта Казанского уезду»¹⁵.

Такая путаница в терминологии отнюдь не отрицает того, что название «Симбирский уезд» возникло и применялось уже при возведении укреплений Симбирской черты. Его, например, использовали составители несохранившейся писцовой книги 1650/1651 г.¹⁶ Но оно первое время относилось лишь к территории междуречья Волги и Барыша, где была возведена только Симбирская черта. Частично сохранившиеся стрелецкие книги 1649-1650 и 1653-54 гг. свидетельствуют, что администрация Сим-

бирска распределяла земли только в пределах защищенной ее укреплениями территории¹⁷. Эти книги, а также дополняющие их акты и делопроизводственные материалы отражали начальный этап хозяйственного освоения территории нового уезда, в котором основными его акторами являлись служилые люди по прибору (в основном русские) и отечеству.

Источники второй половины XVII в. свидетельствуют об интенсивном территориальном и экономическом развитии Симбирского уезда. Уже к середине 1660-х гг. он становится вторым по экономической значимости в Среднем Поволжье после Казанского. Уникальное описание роли Симбирска с округой среди других уездов Среднего Поволжья, перспектив его дальнейшего экономического развития дает в это время воевода И.И. Дашков. Характерно, что князь рассматривает Симбирск не в рамках юридически подвластной ему территории, а как центр более крупного средневожского региона, объединяющего несколько уездов¹⁸. При этом Симбирский уезд, также как Казанский и Саранский, по количеству служилых людей в гарнизонах резко выделялся не только среди других пограничных уездов Юго-Востока, но и всей европейской России (на 1662-1665 гг. в Симбирском - 4944 чел., Казанском - 4435, Саранском - 3479)¹⁹. Длительное время именно служилые люди и члены их семей составляли значительное, если не основное, население нового уезда.

Все эти обстоятельства обусловили формирование особой, военизированной специфики административно-территориальной системы его управления. «Структурирование» внутриуездного пространства невозможно рассматривать вне совокупности крепостей (городов), пригородов и острогов, существовавших в нем. О таких военизированных поселениях, входивших в состав Симбирского уезда, свидетельствуют самые различные источники. Так, например, когда осенью 1670 г. в Симбирск назначили очередным воеводой М.Л. Плещеева, ему указали ведать следующими военизи-

рованными пунктами: «...по Синбирской черте пригороды Юшанск, Тагаев, Уренск, и город Корсун и Корсунскую черту и остроги Малой Корсунов и Сокольской да Тальской остроги, город Аргаш и Сурской острог, Белый Яр, Ярыклинск, и от Белого Яру всякие засечные крепости»²⁰.

Очевидно, что подобные сведения, приведенные в различных документах, нуждаются в постоянном уточнении, сопоставлении друг с другом. Нередко их составители острог называли «городом» или пригородом и наоборот. В связи с этим обстоятельством приведем уточняющие данные по указанным военизированным поселениям. На Корсунской черте из шести основных укрепленных пунктов «городами» называли только Корсун и Аргаш, все остальные считались острогами²¹. Более мощными выглядят оборонительные сооружения Симбирской черты, продолжившей Корсунскую от р. Барыш к Волге. Возведенная в 1648-1654 гг., она состояла из города Симбирска, а также Юшанского, Тагайского и Уренского острогов (в источниках второй половины XVII в. эти остроги нередко определяют пригородами и даже городами)²². Из вошедшей в состав Симбирского уезда западной части Закамской линии Белый Яр сами строители называли городом (основу его укреплений составлял тарасный вал с возвышающимся над ним острогом) и Ерыклинский острог²³. И, наконец, в южной части уезда в 1683 г. была возведена Сызрань (в донесении ее основателя симбирского воеводы Г.А. Козловского говорилось: «Сызран город со всякими городовыми с каменными и з деревянными и з земляными крепостям зделан вновь...»²⁴) и в 1687 г. Кашпир (в документах того времени его называли «город», «городок» и т.д.)²⁵.

При решении задач, поставленных в данной работе, вряд ли имеет смысл рассматривать каждое из указанных военизированных поселений как отдельное типовое укрепление с определенными оборонительными функциями. Удобнее всего для их обозначения использовать понятие «при-

города». Уже Ю.В. Готье называл таковые в качестве местных административных центров при рассмотрении уездного районирования в Замосковном крае²⁶. По мнению В.Н. Глазьева, этот термин на южных территориях Московского государства входит в широкий обиход с середины XVII в., когда в пограничье страны начинают делить административные центры на «города» и «пригороды». В отличие от уездных городов, возглавляемых воеводами из центра, администрация пригородов по-иному формировалась и управляла сравнительно локальными, внутриуездными территориями. Как считает историк, во главе пригородов ставились, как правило, лица более низкого ранга, чем воеводы городов. Как считает Глазьев, «Их называли или приказные люди, или головы»²⁷.

В пограничном Симбирском уезде термин «пригороды» используется как основной в приходо-расходной книге Симбирской приказной избы 1665-1667 гг., а также в других документах административно-хозяйственного делопроизводства второй половины XVII в.²⁸ Очевидно, на рубеже XVII - XVIII вв. он приобретает статус официального. Окончательно система деления военно-административных пунктов на города и пригороды была оформлена в именном указе «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» 1708 г. По Казанской губернии в нем к Казани (как административному центру Казанского уезда) было приписано 13 пригородов; к Симбирску - 10 (все они являлись указанными выше укрепленными пунктами Симбирской, Корсунской и Симбирской части Закамской черты). Из 37 (с приписанной Пензой) городов губернии пригороды имели только 5 - Казань, Астрахань, Симбирск, Уфа и Пенза²⁹. При этом, неясно почему, среди пригородов Симбирска не указана Сызрань. Удивительно и то, что находившийся по соседству с ней Кашпир оказался даже не среди пригородов, а в группе городов Казанской губернии.

Обозначенные выше во врученном воеводе Плещееву списке пригороды можно

считать военно-административными центрами, формирующими внутреннее пространство уездов. Речь идет не только о том, что под их защитой складывалась сеть сельских поселений с тяглым населением нового уезда. В сельском расселении принимали активное участие и сами служилые люди по прибору, являвшиеся основной составляющей гарнизонов пригородов укрепленных черт. В отечественной историографии таких служилых приборных людей традиционно именуют «городовыми» (в основном этот термин исследователи относили к различным категориям служилого казачества). Подразделения служилых людей - сотни и полусотни - распределяли по оборонительным чертам и вместе с семьями селили отдельными слободами при укрепленных пунктах, по которым они несли службу. Но в окрестностях последних удобных земель зачастую не хватало. Выделенные пашни и угодья находились на значительном удалении, добираться до них было затруднительно. Это обстоятельство вызывало подачу коллективных челобитных с просьбами разрешить поселиться рядом с сельскохозяйственными угодьями³⁰. Как правило, такие просьбы удовлетворялись. Картирование расположения по территории уезда слобод, приписанных к одному пригороду, показывает, что нередко их совокупность занимала весьма значительное пространство³¹. В результате под началом администрации конкретного пригорода формировались обширные территории, где оказались расселенными подведомственные местным воеводам и головам приборные люди. Их следовало защищать и охранять с помощью указанных служилых людей, проводить сборы, мобилизационные мероприятия и т.д. Несомненно, что называть этих поселенцев «городовыми» вряд ли будет правильно. Скорее всего, их следует относить к сельскому населению, на что указывают и сохранившиеся источники. Например, в писцовых книгах по Корсунской черте 1685 - 1686 гг. такие селения именовались - «деревня Труслейская слобода», «деревня

Маисская слобода», и т.д. Если в подобном селении возводили храм, то менялось не только название (по именованию храма), но и его статус, например «село Козьмодемьянская слобода» и т.д.³² При этом термины «деревня» или «село» указывают только на различные типы сельских поселений, жителями которых являлись тяглые люди, занимающиеся сельским хозяйством; а «слобода» - на то, что в нем были поселены, как правило, служилые люди. Такое сельское расселение приборных людей и сближение их по роду занятий и отчасти по образу повседневной жизни с крестьянством является специфическим феноменом государственной-военной колонизации европейского Юго-Востока страны³³.

Тем самым при каждом пригороде Симбирского уезда, имевшем военный гарнизон, складывалась своя сельская округа, состоящая из слобод служилых людей и в некоторой степени деревень помещичьих крестьян и ясачного населения.

Можно сделать вывод, что в постоянно расширяющемся пространстве Симбирского уезда во второй половине XVII в. формировалась определенная административно-территориальная структура, где основными «структурирующими» каркасными элементами как раз и выступали пригороды во главе с уездным городом Симбирском. Как пример такого военизированного «структурирования» и использования его для решения определенных задач можно привести выделение местным воеводой - стольником П.М. Бестужевым-Рюминым на территории уезда 23 административно-территориальных округов при проведении переписи «оброчных статей» в начале XVIII в. В большинстве из них (14) сбор сказок и осмотр угодий проводили власти отдельных пригородов уезда, в том числе и сам Бестужев-Рюмин. Характерно и то, что помимо указанных пригородов и Симбирска в переписи «оброчных статей» отмечен еще Потешский, который располагался на территории Саранского уезда³⁴. Какими причинами это обусловлено, неясно.

Подчеркнем, что во всех обозначенных пригородах Симбирского уезда, в том числе и таких значимых, как Корсун и Сызрань, в гарнизонах отсутствовали служилые люди по отечеству. Значительный по численности «служилый город» из дворян и детей боярских имел только Симбирск.

И еще одну особенность уездных пригородов следует отметить. В большинстве из них не сложились посадские общины. Исключение составили только Тагай, Сызрань и Кашпир. Но и в них, кроме Сызрани, количество посадских людей и бобылей было невелико³⁵. Так, в Тагае по данным переписи 1678 г. насчитывалось 5 посадских дворов и 7 бобыльских³⁶.

Возглавлял каждый пригород с округой воевода или гораздо реже голова (например, в Ерыклинском и Сурском острогах, а также, возможно, и в других). При каждом из воевод (видимо, и голов) действовала съезжая (приказная) изба с подьячими и складывался свой штат должностных лиц. Уникальным документом, очерчивающим обязанности и права такого местного управленца, является наказ поставленному в 1691 г. воеводой в Малый Корсунов и острог Сокольский Ф.Д. Кольцову (характерно, что здесь 2 пригорода были объединены под руководством одного воеводы). Характерно, что заменил он на этой должности «синбиренина» Т. Пилюгина, то есть назначали на такие должности (воевод и голов) местных (или из соседних уездов, но, как правило, не из столицы) служилых людей по отечеству. Однако сам наказ утверждался в Москве и воевода посылался на службу по государеву указу. В наказе достаточно полно были определены прежде всего основные военные обязанности местного главы администрации и его ответственность перед уездным сибирским воеводой. Прежде всего он должен был руководить всеми вооруженными силами, находившимися в его распоряжении, «...жить с великим береженьем...» и о засеке и о засечных заповедных лесах» постоянно заботиться³⁷. В наказе особый упор был сделан на военных обязанностях воеводы, его от-

ветственности за укрепления, состояние засечной черты и сохранность «заповедных лесов». Администрация пригородов и их земледельческой округи во всех своих делах была подчинена уездным властям.

Сведений об учреждениях местной системы управления, прежде всего о съезжих (приказных) избах, сохранилось немного; но, видимо, они постепенно складываются едва ли не в каждом пригороде. Например, в приходо-расходной книге Симбирской приказной избы за 1665-67 гг. такое учреждение отмечено только в Уренске³⁸. Но позднее в окладных расходных росписях денежного и хлебного жалованья 1681 г. приказные избы были указаны в 3-х по Симбирской черте (в Симбирске, «Тагаеве», «Уренске», по Юшанску сведения отсутствуют) и 5 по Карсунской (в «Корсуне» (5 подьячих), «Малом Корсунове» (2 подьячих), Аргаше, Тальском и Сурском острогах³⁹). За исключением Корсуна и «Малого Корсунова», в других пригородах, которые указаны в росписи, указано по 1 подьячему. Почему-то в роспись не попали данные по Белому Яру (хотя о жаловании по другим категориям жителей в этом пригороде сведения приведены) и Ерыклинску (где указана таможня и кабак)⁴⁰. О роли и значимости Сызрани на рубеже XVII–XVIII вв. свидетельствуют данные переписи 1702 г., по которым при местном воеводе И.Т. Сукнакове (вар. Сукманове) было указано 9 приказных и 14 площадных подьячих. В соседнем Кашпире численность подьячих была значительно меньшей (при воеводе Ф.А. Сабанине соответственно 2 и 1)⁴¹. Таким образом, в уезде складывалась целостная система съезжих (приказных) изб, подчиненных главной, приказной, находившейся в Симбирске. Несколько странными в этом отношении выглядят количественные данные о приказных избах, приведенные в работе Н.Ф. Демидовой. По Симбирской и Сызранской чертам историк указывает на 1656 г. – 8, 1664 г. – 9, 1677 и 1682 гг. – по 10 и 1698 г. – 11 приказных изб. Но дело в том, что Сызранская черта так и не была построена, а на Симбирской, кроме уездного города Симбирска, числилось

всего 3 пригорода. Данные по Корсунской черте выглядят более правдоподобно, хотя в 1656 и 1664 гг. она входила в состав Саранского уезда и не могла быть указана в Симбирском. На ней, насчитывающей 6 пригородов, по тем же годам соответственно указано 5, 6, 6, 6 и 7 приказных изб⁴².

Еще одна сводная таблица в монографии Н.Ф. Демидовой по 1690-м гг. свидетельствует, что по 11 приказным избам Симбирской черты (автор здесь указывает и Сызранскую черту, которая не была построена, но, возможно, в свои подсчеты Демидова внесла данные по Сызрани и Кашпиру), из которых сведения имелись только по 4, числился 31 подьячий. По ее же данным, на этот период по 7 (4) «избам» Корсунской черты состояло 12 подьячих. Для пограничного Симбирского уезда (при отмеченной неполноте данных) это было весьма значительное количество. Так, по Саранской черте в документах были указаны только 11 подьячих⁴³.

Неясно, как администрация уезда трактовала деление Симбирского уезда на такие административно – территориальные единицы, как пригороды с подвластной им сельской округой. Несомненно, что они существенно отличались от станов и волостей. Характерными особенностями таких пригородов являлись «военизированность» их руководства и наличие на территории, прикрепленной к ним, совокупности слобод со значительным по численности служилым населением. Очевидно и то, что для более обоснованной идентификации подобных образований явно не хватает информативных источников.

Исследователи, занимавшиеся южным порубежьем Московского государства, отмечают, что между администрацией городов и пригородов могли возникать конфликтные ситуации, своеобразная борьба за первенство и преобладание в пространстве конкретного уезда⁴⁴. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют рассматривать эту тему на примере средневожских городов и пригородов.

В рамках изучения военизированного административно-территориального формирования российского пограничья интерес также представляет появление и последующее развитие так называемых «внутренних уездов». В делопроизводстве середины - второй половины XVII в. сохранилось значительное количество упоминаний о них. Вместе с тем «внутренние уезды» практически не отмечены в административно-территориальной уездной системе Московского государства. Крайне редко они встречаются в писцовых, переписных, дзорных и прочих книгах.

Их возникновение, очевидно, было обусловлено тем, что правительство стремилось найти наиболее приемлемые механизмы для формирования систем управления и защиты опасного пограничья. Поэтому, наряду с воеводской системой административного центра уезда, в отдельных особо значимых в военном и экономическом отношении пригородах могла создаваться локальная, занимающая значительную часть его пространства управленческая структура под руководством местного воеводы. Так, Д.А. Мустафина и И.П. Ермолаев при изучении писцовой книги Казанского уезда 1647-1656 гг. отмечают наличие в нем таких особых административно-территориальных образований, как «внутренние» уезды - Лаишевский, Сарапульский, Тетюшский⁴⁵. Тетюши с округой, как «внутренний уезд» Казанского, специально рассматривает в своем диссертационном исследовании и ряде статей Е.В. Пашина⁴⁶.

Позднее, уже в XVIII в., на месте таких «внутренних» возникали одноименные официальные уезды внутри уже иной, губернской территориально-административной системы управления.

В Симбирском уезде «внутренними» можно назвать два таких образования. Первое из них на основе оборонительных сооружений Корсунской черты сложилось в междуречье Барыша и Суры вокруг Корсуна. Второе появилось позднее - в 80-х - 90-х гг. XVII в. на самом юге уездной территории

вокруг Сызрани. Тема «внутренних уездов» в Южном Средневолжье специально рассматривалась нами в ряде работ, и поэтому лишь кратко остановимся на данном вопросе⁴⁷.

Особое место в составе Симбирского уезда занимал «внутренний» Корсунский. В сохранившихся источниках Корсунская черта и населенные пункты по ней зачастую рассматривались обособленно, в определенной степени автономно. Этому в значительной степени способствовало и начальное пребывание данной территории в составе Саранского уезда. Судить о Корсунском «внутреннем уезде» как о внутренней самостоятельной единице можно только с середины 1660-х гг., после того как его по царскому указу записали в состав Симбирского. Характерно, что в 1678 г. при составлении переписных книг Симбирского уезда в него были включены и описаны только селения, располагавшиеся в междуречье Волги и Барыша, но совершенно не указаны земли, прилегающие к Корсунской черте. Отметим, что в переписи отсутствуют сведения о районировании всей переписываемой территории⁴⁸.

Наиболее полные и систематизированные сведения о Корсунском «внутреннем уезде» как действительно существующем приведены в «писцовой книге» Корсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. И. Вельяминова и А. Андреева⁴⁹. В ней было произведено описание значительной, но далеко не всей территории, примыкающей к Корсунской черте. Эти территории между рр. Барыш и Сура осваивались гораздо медленнее соседних с ней земель Саранского и Симбирского уездов. По данным писцовой книги, здесь сложилось в основном военизированное население: совокупность стрелецких (1) и казачьих (6) слобод; деревень служилых татар, чувашей и мордвы (14); сел и слобод солдат выборного полка А.А. Шепелева (7)⁵⁰. Вся попавшая в писцовую книгу территория делилась на город Корсун (в книге Карсун) и станы с сельским населением. В пределах станов выделялись приходы с селами (с церквями или мече-

тями) и деревнями. Не вызывает сомнений тот факт, что местная администрация во главе с воеводой подчинялась симбирским воеводам. К данному выводу приходит автор предисловия Ю.Н. Мельников, готовивший рукопись к изданию⁵¹. Характерно и то, что в сохранившейся и опубликованной части писцовой книги отсутствуют данные о пригородах на черте и прилегающих к ним селениях.

Территорию в окрестностях Сызрани и Кашпира в конце XVII в. также традиционно считали «Сызранским уездом», в качестве «внутреннего» Симбирского⁵². В его состав в начале XVIII в. входило 15 населенных пунктов: 2 пригорода - Сызрань и Кашпир; село и сельцо, принадлежавшие столичной знати; 4 помещичьих села, 2 казачьи слободы, 3 деревни служилых татар и мурз и по 1 - ясачных чувашей и ясачных крестьян⁵³.

Столь сложную систему внутреннего районирования Симбирского уезда можно объяснить его пограничным расположением в зоне фронта и тем, что он сравнительно недавно начал складываться из разных территорий в единое целое. Несомненно, что необходимо дополнительное изучение процессов колонизации новых земель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в.: (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 3; Дубман Э.Л. Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 124–125.

² Российский государственный архив древних актов (Далее - РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 5–5об.; Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII – начале XVIII века / отв. ред. В.Д. Кочетков; сост. В.Д. Кочетков, М.В. Хацкевич, А.А. Чибис. Чебоксары: Новое Время, 2022. С. 19.

³ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 190 с.; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.; Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиарост, 2020. 264 с.; Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI-XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 561.

⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. С.138-142.

⁶ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экон. быта Моск. Руси. 2-е просм. изд. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 93-112.

⁷ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1974. С. 61.

⁸ Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI - первой половине XVII века // Устюжна. Краеведческий альманах. Вологда. 2004. № 4. <https://www.booksite.ru/fulltext/4us/tuz/hna/1.htm> (дата обращения 21.08.2022).

⁹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 255; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. С. 14-17.

¹⁰ Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3 (2), 2011. С. 326-332.

¹¹ Дубман Э.Л. Проблема Сызранской черты и начальный этап колонизации волгосурского междуречья (1680-е гг. - начало XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 161-171.

¹² Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665-1667 гг. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1896. С. 10-12, 125-126, 144.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Гуркин В.А. Симбирская черта: (Материалы XVII-XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья. М.; Ульяновск, 2000. С. 67, 79, 97-99, 107.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 489.

- ¹⁶ Гуркин В.А. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁷ Книга строельная города Синбирска / Симбирская Губернская Ученая Архивная Комиссия; ред. П. Мартынов. Симбирск: Губ. тип., 1897. 112 с.
- ¹⁸ Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1902. С. 353-356; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России: специфика экономического развития в конце XVI - VII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции. Москва, 2019. С. 28-29.
- ¹⁹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 106-108.
- ²⁰ Гуркин В.А. Указ. соч. С. 36-37.
- ²¹ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. С. 34-36.
- ²² Лебедев В.И. Указ. соч. С. 35-39.
- ²³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. С. 141-146; Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 180-182.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 3-8.
- ²⁵ Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. Вып. 19. С. 93-95.
- ²⁶ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 107.
- ²⁷ Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков // Вестник ВГУ. Серия: История. политология. социология. 2013. № 1. С. 27-28.
- ²⁸ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 90, 109, 111, 121-123.
- ²⁹ Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4. № 2218. С. 437.
- ³⁰ Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 78 - 79.
- ³¹ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685 - 1686 гг. / сост. Ю.Н. Мельников, вступ. статья, коммент. Ю.Н. Мельникова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2014. С. 454.
- ³² Там же. С. 24, 298, 342, 362, 433, 439.
- ³³ Дубман Э.Л. Земледельцы Южного Средневожья в XVII столетии // Региональное измерение аграрной модернизации в России. Материалы VIII Всероссийской (XVI региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Отв. редактор Г.А. Куршева. Саранск: Изд.: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. С. 101-108.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.
- ³⁵ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 54.
- ³⁶ Мартынов П.Л. Тагай: упраздненный город Симбирского уезда (историко-статистический очерк). Симбирск: Типо-лит. А.Т. Токарева, 1898. С. 5.
- ³⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссией. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. Т. 5. С. 358-360.
- ³⁸ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 261.
- ³⁹ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1861 г. (К истории гос. росписей XVII в.) / С предисл. А.Н. Зерцалова. М.: Унив. тип., 1893. С. 57- 60.
- ⁴⁰ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С.11-12.
- ⁴¹ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 53-54.
- ⁴² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. С. 31.
- ⁴³ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁴ Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков. С. 27-28; он же. «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века // Страницы российской истории: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н. Глазьев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. С. 15-19.
- ⁴⁵ Мустафина Д.А., Ермолаев И.П. Писцовая книга Семена Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. С. 18.
- ⁴⁶ Пашина Е.В. Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI - первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Казань, 2018. 27 с.; она же. Институт воеводства в Тетюшах в последней трети XVI-XVII в.: численность, состав, управление // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 23-34.
- ⁴⁷ Дубман Э.Л. «Внутренние уезды» юго-восточного фронта Московского государства в

XVII в. // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: СГАКИ, 2014. С. 65-70; *он же*. «Корсунский уезд» во второй половине XVII - начале XVIII в.: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII-XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург: Из-

дательский центр ОГАУ, 2014. С. 72-77.

⁴⁸ Описание городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск: Симб. губ. уч. арх. ком., 1902. 115, V с.

⁴⁹ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. 544 с.: ил.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 13.

⁵² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2145.

⁵³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

FEATURES OF ZONING THE COUNTIES OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA IN THE MID XVII - BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

© 2022 E.L. Dubman

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The author discusses the peculiarities of zoning of counties of the Southern Middle Volga region in the middle of the 17th – early 18th centuries. The source base for studying the topic is represented by documents from the central archives and published materials. On the example of one of the largest border counties, Simbirsk, the author reveals the specifics of the formation of an internal militarized administrative-territorial system of zoning and management.

Keywords: Southern Middle Volga region, Simbirsk county, suburbs, defensive lines, administrative-territorial system.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-5-15

УДК 94(4)

ВОЛЖАНЕ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ БОЛГАРИИ В РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877-1878 гг. Часть 1.

© 2022 Ю.П. Аншаков

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 14.11.2022

В статье анализируется участие волжан в рядах российской армии в боевых действиях в Болгарии в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Пришедшие из поволжских губерний в Болгарию полки принимали участие в таких наиболее важных сражениях русско-турецкой войны, как боевые действия при Ловче, штурме Плевны, переход в Забалканье через Троянов перевал в декабре 1877 г. Рассмотрен и проанализирован такой важный эпизод войны, как сражение в июле 1877 г. при Стара Загоре (Эски-Загре), когда под Самарским боевым знаменем сражались русские воины и болгарские ополченцы. В статье также рассматриваются сюжеты, связанные с реакцией населения Поволжья на те или иные события русско-турецкой войны.

Ключевые слова: Болгария, русско-турецкая война 1877-1878 гг., Самарское знамя, Стара Загора (Эски-Загра), Ловча, Плевна, Троянов перевал.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-16-28

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. за освобождение Болгарии от османского владычества стала завершающим этапом Восточного кризиса 70-х годов XIX века, начавшегося с антитурецкого восстания в Герцеговине и Боснии летом 1875 г., Апрельского восстания в Болгарии в 1876 г., вступившего в новую фазу в июне 1876 г., когда войну Турции объявили Сербия и Черногория. На всем протяжении этих событий российская общественность из самых различных слоев населения принимала живое участие в широком движении сочувствия славянам, оказывала денежную и вещевую помощь, а в 1876 г. в Сербию отправлялись отряды русских добровольцев, в том числе и из Поволжья, где они вливались в ряды Тимокско-Моравской армии, главнокомандующим которой был отставной русский генерал М.Г. Черняев¹. Здесь, под Черняевским знаменем, предназначенным для сербских воинов, должно было окрепнуть русско-сербское боевое братство².

Аншаков Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, начальник Отдела истории и археологии. E-mail: yuri.anshakov@mail.ru

По ходу развития событий на Балканах в народной среде стали шириться слухи о скорой войне с Турцией. Летом 1876 г. по Волге путешествовал старший брат знаменитого театрального режиссера – поэт, писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко. В городке Черный Яр Немирович-Данченко беседовал с рыбаком, который у него поинтересовался: «Скоро ль поведут воевать? – С кем? – С туркой? – Должно быть, и вовсе войны не будет... – Как не будет... За все-то лихие злодеяния да не будет...»³.

В.И. Немирович-Данченко также приводит разговор с отставным солдатом на астраханской пристани: «Скоро ли турку усмирять будем! – А что? – Да вот один сын у меня в солдатах, так я в случае войны и другого отдать хочу, да и сам пойду. – Стар ты? – Стар?... Курок-то спустить сумею...»⁴.

Начало войны с Турцией было успешным для Сербии, однако затем плохо вооруженные и слабо обученные сербские войска стали терпеть поражения. Окончательно удача отвернулась от сербов в сражении у Джуниса, тогда отступающих

сербов пришлось спасать русским добровольцам, в том числе и из Поволжья. Русский ультиматум Турции в октябре 1876 г. с требованием пойти на перемирие, заключенное 1 ноября 1876 г., спас Сербию от окончательного разгрома. Черногория также присоединилась к перемирию, но переговоры с Портой были безрезультатными, и еще до вступления в войну России они были прерваны, и Черногория вновь начнет воевать с Турцией.

Русская общественность все настоятельней требовала от правительства выступить в защиту славян и объявить войну Турции. В письменных обращениях дворянских собраний Самарской и Симбирской губерний к Александру II в октябре и декабре 1876 г. содержался призыв помочь братьям-славянам и объявить войну Турции⁵. Были в Поволжье и противники войны с Турцией. К таким относился помощник начальника Нижегородского губернского жандармского управления П.С. Перфильев. Он считал, что, несмотря на сочувствие России к угнетенным балканским славянам, ей не следует из-за них вступать в войну с Турцией, так как у России достаточно своих внутренних проблем, социальных и финансовых, и именно ими нужно заняться в первую очередь⁶.

Попытки урегулировать конфликт на Балканах средствами дипломатии закончились провалом. Александр II, сознавая, что дальнейшее промедление лишь усугубит ситуацию и приведет к ослаблению позиции России на Балканах, падению ее престижа среди балканских славян, 12 (24) апреля 1877 г., находясь в Кишиневе, издал Манифест о начале войны с Турцией. Вступая в войну с Турцией, Россия не имела планов территориальных приращений на Балканах. Главной задачей войны являлось освобождение Болгарии и создание независимых государств на Балканах (Сербии, Черногории, Румынии). Однако, вступая в войну, Россия преследовала и собственные геополитические интересы: она рассчитывала в скорой победоносной войне упро-

чить свое идеологическое и политическое влияние на Балканах.

Подавляющее большинство населения Поволжья приветствовало войну, считая, что это единственное средство освобождения балканских славян. Это относится как к православным, так и представителям иных конфессий. Так, в Адресе татарского населения Нижегородской губернии Александру II выражалась готовность не только молиться «о даровании победы русскому оружию», но и «лечь костями за достижение такой же счастливой жизни, какую пользуемся мы под высокою державою вашего величества»⁷.

В Поволжье началось и затем активизировалось движение помощи армии. Симбирская городская управа «пожертвовала 5 тыс. руб. в пользу больных и раненых воинов»⁸. Пожертвования носили массовый характер. Все Поволжье откликнулось на нужды армии, воюющей за освобождение братского болгарского народа. Более миллиона рублей было собрано по Поволжью на санитарные нужды армии. Только Саратовская губерния собрала 325 тысяч рублей⁹. Казанская городская дума пожертвовала 100 тысяч рублей для раненых и больных воинов и на санитарные нужды армии, и это вряд ли можно сравнить со 131 рублем, собранным казанскими купцами в пользу раненых во время Крымской войны¹⁰. Многие поволжские города и даже села по инициативе властей, местных отделений Общества попечения о больных и раненых воинах, Обществ Красного Креста и местных землевладельцев открывали госпитали и лазареты¹¹.

Ярким, впечатляющим событием, олицетворяющим дружбу русского и болгарского народов в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., стало вручение Болгарскому ополчению Самарского боевого знамени. Сразу же после объявления войны Самарская городская Дума издала постановление о вручении одной из дружин Болгарского ополчения, входящей в состав действующей армии, Самарского боевого знамени, испол-

ненного в художественном стиле, вышитого золотыми нитями монахинями Иверского женского монастыря*.

От Самары делегация в составе самарского городского головы Е.Т. Кожевникова и гласного Самарской думы П.В. Алабина со знаменем по Волге на пароходе доплыла до Сызрани, оттуда поездом – до Москвы. В Москву делегация прибыла 23 апреля (5 мая) 1877 года. Помещенное в Чудовом монастыре поверх мощей святого Алексия, покровителя Самары, оно стало предметом народного внимания, императора Александра II и его семьи.

Торжественное вручение знамени произошло 6 (18) мая в лагере Болгарского ополчения в полутора верстах от румынского города Плоешти, где тогда размеща-

* Во время апрельского восстания в Болгарии 1876 г. в Самаре приступили к изготовлению Самарского боевого знамени, предназначенного для болгарских повстанцев. Возглавил эту инициативу видный самарский общественный деятель Петр Владимирович Алабин, также являвшийся членом Петербургского отдела Московского славянского комитета. Однако подавление восстания в конце мая 1876 г. не позволило передать знамя, так во всяком случае полагают некоторые историки (См., например: Яковлев Н.Н. Дружба навечно. Куйбышев, 1969. С.34; Ценов Й. Знамя и губернатор. Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Петр Алабин и Самарское знамя. Самара, 2008. С.9; Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С.131). Однако реализовать тогда этот авантюрный план было практически нереально, даже если бы восстание продолжалось более длительный период. Поскольку это бы фактически означало прямую поддержку повстанцев с российской стороны, хотя еще 23 августа 1875 г. Александр II распорядился оказывать помощь лишь пострадавшим жителям Боснии и Герцеговины, но «не в пользу инсургентов» (Народы Поволжья и борьба южных славян... Док. 3. С. 18). Это распоряжение императора автоматически распространялось и на Болгарию.

Если бы это произошло и П.В. Алабин, о котором лидер славянского движения 70-х годов И.С. Аксаков отзывался как о деятеле «очень рьяном» («Я раскатаю этот колокол...» // Не смолкнет эхо над Балканами: Советско-болгарский сборник / Сост. В. Кастрева, Ю. Лоциц. М.: Молодая гвардия; София: Народна младеж, 1988. С. 183), все же сам или объединившись с другими радикальными славянофилами решился доставить знамя в Болгарию и это стало достоянием гласности, то трудно представить, как бы это им удалось сделать, так как Болгария была наводнена турецкими войсками и знамя бы неизбежно попало в руки турок, и у него не было бы столь славной героической истории.

лась Главная квартира (Ставка) Александра II. Сюда, проделав долгий путь, прибыла самарская делегация. Вручая знамя, П.В. Алабин сказал: «Прошел ряд веков после того, как в последний раз развевались болгарские знамена в рядах свободных болгарских дружин. Те знамена потонули в реках крови на полях Косова, и вот опять над болгарской дружиной вздымается родное знамя. Издалека, через всю русскую землю оно нами принесено к вам, как бы живое свидетельство того, что оно дается вам не одним каким уголком России, а всю русскую землю. ... Идите же под сенью этого знамени. ... Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения!»¹².

Церемония вручения знамени проходила в торжественной обстановке перед строем ополченческих дружин. Первым гвоздь в древко знамени вбил главнокомандующий Дунайской армией Николай Николаевич (старший), за ним – начальник штаба А.А. Непокойчицкий, затем – начальник Болгарского ополчения генерал Н.Г. Столетов, П.В. Алабин и Е.Т. Кожевников. Гвоздь также прибил ветеран освободительной борьбы, предводитель повстанцев Цеко Петков, получивший 28 ранений в боях и 2,5 года просидевший в турецкой тюрьме, прикованный за шею к стене железной цепью. Последними забили гвозди ополченцы – по одному от каждой из 5 дружин. Знамя было вручено 3-й дружине. Принимая его, командир дружины подполковник П.П. Калитин сказал, что «пока хоть один из ополченцев останется в живых, знамя врагу не отдадут... За себя же скажу, – умру под ним, но не сдам его»¹³. Первый знаменосец Антон Марчин занял свое место с Самарским знаменем в строю ополчения¹⁴.

Решение о создании Болгарского ополчения было принято Александром II в октябре 1876 г. в Ливадии, когда обсуждался план возможной войны с Турцией. Большая заслуга в этом принадлежит видному общественному деятелю, идеологу славянофилов И.С. Аксакову. Как отмечал современник описываемых событий, известный бол-

гарский и российский историк, профессор Харьковского университета Марин Дринов, именно Аксаков подал мысль о болгарском народном ополчении, изыскивал для этого необходимые средства, принял участие в разработке формы одежды для ополченческих дружин¹⁵. Первоначальное снабжение оружием, боеприпасами, обмундированием взял на себя Московский славянский комитет и его председатель И.С. Аксаков – отмечал начальник штаба болгарского ополчения Е.Е. Рынкевич¹⁶. Дружины формировались из болгарских эмигрантов, находившихся в Бессарабии и Румынии. Как добровольцы в Болгарское ополчение записались и иностранцы: 21 серб, 4 грека, 4 итальянца, 3 черногорца, 2 герцеговинца, 2 австрийца, 2 чеха и по одному поляку и молдаванину. Был в этих рядах и 1 турок¹⁷, вступивший в ополчение, будучи возмущенным жестокостью со стороны соотечественников в отношении мирных жителей. В дальнейшем он бился против своих единоверцев не хуже болгар. Командный состав комплектовался русскими офицерами и унтер-офицерами, а также служившими в русской армии болгарскими, рядовой состав – болгарскими добровольцами в возрасте от 16 до 60 лет. Русское командование поначалу не доверяло Болгарскому ополчению. Болгары, входившие в ополчение (это были крестьяне, ремесленники, интеллигенция), имели слабую подготовку к военным действиям. Относительно умело могли воевать только те болгары, которые принимали участие в сербо-турецкой войне 1876 года. Поэтому в Плоеште были организованы ускоренные двухмесячные курсы по обучению новобранцев, где более опытные ополченцы обучали военному делу новичков. И это принесло определенные плоды, поскольку даже штабс-капитан Усов из 3-й дружины признавал достигнутые успехи. «Гляньте, эти наши «бараны» начинают походить на солдат», – замечал он.¹⁸

Болгарским ополченцам следовало на деле доказать свою боеспособность, что и произошло в сражении под Стара Загорой (Эски-Загрой) 19 (31) июля 1877 г., ставшем

одной из самых ярких и памятных страниц боевой дружбы русских и болгар. В этом бою против 12-15-тысячного войска Сулеймана-паши участвовало 2000 болгарских ополченцев и 1500 русских кавалеристов. Кроме того, в бою участвовали местные жители и народная милиция. Бой начался в 9 утра огнем турок из артиллерийских орудий. Затем после часового обстрела турки безуспешно атаковали правый фланг защитников Стара Загоры, который защищали 2-я и 5-я дружины ополченцев (4-я дружина в бою не участвовала). Третья знаменная дружина сражалась на левом фланге, отбивая атаки турок. Тогда турки направили удар туда, где был стык позиций 3-й и 5-й дружин. Увидев это, подполковник Калитин пришел на помощь 5-й дружине, командир которой подполковник Нищенко, несмотря на ранение, оставался в строю. Подтянув свежие силы, Сулейман-паша стал атаковать левый фланг, где главный удар приняла на себя 3-я дружина. Турецкая артиллерия открыла огонь, и болгары слышали, как турки кричали: «Не бойтесь, это не москочы: это гяуры-болгары дерутся!». Однако дрались и те и другие. Русские воины шли в атаку с криком «Ура!», а болгары – с песнями «Шуми, Марица» и «Болгаре юнаци». Во время одной из атак раненый штабс-капитан Усов продолжал вести за собой ополченцев, ободряя их словами: «С богом, юнаци, напред», но вскоре пал, сраженный двумя пулями в голову. Наступил самый ответственный момент боя, ставшего героической страницей в истории знамени и Болгарского ополчения. В ходе сражения были тяжело ранены знаменосцы Антон Марчин и Булаич. Знамя переходит в руки унтер-офицера А. Цимбалюка, раненного турецкой пулей в живот. Убит знаменосец ефрейтор С. Минков, черногорцы знаменных рядов также погибли. В этот критический для боя момент прозвучал приказ командира 3-й дружины ополчения П.П. Калитина: «Все под знамя!». Ополченцы железным кольцом сплотились вокруг Самарского знамени. Калитин поднял знамя и с кличем: «За мной, вперед!» увлек за собой бойцов на

новый прорыв, но и он пал в сражении. Знамя с поля боя вынес русский унтер-офицер Фома Тимофеев. Участник ополчения Л. Филиппов в своих воспоминаниях замечал, что ополченцы дрались как львы за знамя, ибо позор при потере знамени, полученного от русского народа, пал бы на всю Болгарию¹⁹.

Потери 3-й знаменной дружины в этом бою были большими. Из 496 человек в строю осталось 207 воинов, а из 14 офицеров невредимыми из боя вышли только пятеро²⁰. Турецкие потери составили около 1500 человек. Стара Загору не удалось удержать, и полностью разрушенный и сожженный город был захвачен турками, но их расстроенные и деморализованные части в течение почти 3 недель не смогли продолжать наступление, что дало возможность русским войскам укрепиться на Шипкинском перевале. Впоследствии на суде, желая хоть как-то оправдать свои действия под Стара Загорой, Сулейман-паша утверждал, что ему казалось, будто он имеет дело с русским корпусом в 15-20 тысяч человек²¹.

Болгарский учитель Петр Иванов, вернувшийся в Стара Загору уже после ее освобождения русскими войсками в январе 1878 г., увидел удручающую картину турецкого погрома: «Города как бы не было... Это были кучи развалин одна другой страшнее... На другой день я решил обойти руины. Видел лишь грустные сцены. По улицам кости и головы 14 тысяч мужчин и женщин, вырезанных «героическим» Сулейман-пашой... Близ города были жертвенники, где заживо сжигали «герои» из орды Сулейман-паши»²². Знаменитый русский художник-баталист В.В. Верещагин, посетивший город через несколько месяцев после сражения, с горечью отмечал: «Страшно распорядились здесь турки с болгарами»²³.

Поражение под Стара Загорой не сломило болгар. Один из самых известных предводителей четников Панайот Хитов, встретившись с обрадованными победой при Стара Загоре турками, сказал им следующее: «Не смотрите на то, что турецкие войска победили в Старой Загоре. Может быть, и в другом месте победят, но пусть не обманываются в вере, что в конце кон-

цов победителями будут они. – Вы, – сказал им, – аж до Дуная прогоните русских, они все равно вернуться в Константинополь. Не оставят вас. И хорошо запомните, что я вам сказал. Если сейчас совершите убийства и грабежи болгар, никто вас не убережет, когда мы вернемся, потому бегите, чтобы мы уже вас тут не встретили»²⁴. **

** Следует сказать, что в русской военной среде бытовало неоднозначное отношение к четникам, их далеко не всегда воспринимали исключительно как героев освободительной борьбы болгарского народа. По этому поводу начальник штаба Болгарского ополчения подполковник Е.Е. Рынкевич сетовал: «И вот – пришли русские братья для освобождения от многолетнего рабства, с ними идут для той же святой цели болгарские дружины, но до сих дружин часто далеко – со всей Болгарии не соберешься! – и вот, образовывается несколько шаек, по номенклатуре некоторых русских, «разбойников», по взглядам болгар – борцов за свободу. Как же действуют эти шайки? Разумеется, око за око, зуб за зуб. Если турки в мирное время жгут болгарские села и мучают народ, то как же в военное-то время, в борьбе с неверными - не жечь непокорные турецкие села, не убивать непокорившихся турок и не воспользоваться, их имуществом, которое все-таки не представляет и тысячной доли того, что было награблено с болгарского народа?» (Рынкевич Е.Е. Записки о Болгарском ополчении // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С.654.). В свою очередь ротмистр В.В. Воейков, служивший в Кавказской казачьей бригаде, а затем в лейб-гвардии уланском полку, приводит следующий случай: «При нашей бригаде состоял проводником болгарин Бельчик, атаман разбойничьей шайки, много наделавший неприятностей туркам, но, с появлением наших войск, он, зная все тропинки, предложил свои услуги нам.

Его шайка мало-помалу собралась к нему и была хорошими лазутчиками. Но, как говорится: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить», так и этим головорезам не сиделось спокойно. Постоянно они шныряли где-то, принося какие-то узелки со всякой всячиной и всякие известия: мы полагали, что это они брали в брошенных турками деревнях, но как-то раз их застал на месте преступления прапорщик милиции Цамай: они грабили дом в какой-то болгарской деревне. Он донес об этом бригадному командиру, и как только они возвратились, сейчас награбленное отобрали, а их, разложив, наказали нагайками. Бельчика, как не участвовавшего, призвали только присутствовать, сказав, что если еще будут грабежи, то его также накажут, а их повесят. Назидание было внушительное и сразу положило конец их шалостям. Они участвовали с нами в делах, а Бельчик под огнем разъезжал верхом, и под Плевной был ранен под ним конь» (Воейков В.В. От Дуная и до Царьграда. 1877-1878. Записки участника. М., 2008. С. 35.).

Высоко оценивая героизм болгарских ополченцев, генерал И.В. Гурко, выступая перед ними, сказал: «Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом же деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами... Вы – ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, эта будущая болгарская армия скажет: «Мы потомки защитников Эски-Загры»»²⁵. Отчаянная храбрость болгарских ополченцев в бою под Стара-Загорой отмечалась не только в российской, болгарской, но и английской историографии²⁶.

В истории русско-болгарского боевого содружества в годы русско-турецкой войны есть немало славных страниц, но есть сражения-символы: Стара Загора, Шипка-Шейново, которые особо дороги для русских и болгар и навсегда сохранились в их памяти. И хотя в сражении при Стара Загоре не было волжан, но именно на волжской земле родилась и воплотилась в жизнь идея создания Самарского боевого знамени, которое и поныне является одной из главных святынь Болгарии, а Стара Загора стала побратимом Самары.

Волжане участвовали в боях с турками на Балканах в составе 2-й, 3-й и 35-й пехотных дивизий, дислоцировавшихся в различных губерниях Поволжья. 35-я пехотная дивизия состояла из следующих полков: 137-го Нежинского, 138-го Болховского (в рядах которого сражался и писатель В.М. Гаршин), 139-го Моршанского, 140-го Зарайского, расквартированных в Тверской и Ярославской губерниях. В данной статье мы остановимся на боевых действиях 2-й пехотной дивизии (в составе 5-го Калужского, 6-го Либавского, 7-го Ревельского, 8-го Эстляндского полков и 2-й артиллерийской бригады), 3-й пехотной дивизии (в составе 9-го Староингерманландского, 10-го Новоингерманландского, 11-го Псковского полка, 12-го Великолуцкого полка и 3-й артиллерийской бригады)²⁷. В кровопролитных боях у Ловчи и Плевны, происходивших в августе 1877 г., приняли участие офицеры и рядовые, прибывшие из поволжских губерний.

22 августа (3 сентября) 5-й Калужский, 6-й Либавский, 7-й Ревельский, 8-й Эстляндский пехотные полки 2-й дивизии, прибывшие из Казанской и Симбирской губерний, заняли свои позиции при г. Ловчи (Ловеч), неподалеку от Плевны (Плевена). Ловча представляла интерес для русского командования тем, что являлась важным транспортным узлом, ведущим на Плевну. Надо сказать, что за 6 недель до этого Ловча уже была занята русскими войсками. Тогда все обошлось без кровопролития, поскольку турки отступили, оставив город фактически без боя. Болгары радостно приветствовали своих освободителей. Как замечал участник военных действий в Болгарии А.В. Верещагин, младший из братьев художника В.В. Верещагина, болгары с неподдельным восторгом кричали: «Да живе царь Александр! Да живе князь Никола (Николай Николаевич-старший. – Ю.А.), хватали наши руки, края одежды, и целовали их со слезами на глазах»²⁸. Однако уже тогда один из казачьих есаулов предсказал: «Вот как мы уедем, они [турки] вам и пропишут кузькину мать»²⁹. Так вскоре и произошло. Турки обстреляли из артиллерии Ловчу, заставив сотню казаков, оставленных для защиты, поспешно ретироваться в близлежащий г. Сельви. В занятой турками Ловче была учинена расправа над мирными жителями. Особой жестокостью отличился местный мулла. Он на улицах убивал болгар одним ударом палки с медным крюком на рукояти. Впоследствии за свои злодеяния он был повешен³⁰.

Тогда потеря Ловчи не слишком обеспокоила русское командование. Ситуация изменится перед третьим наступлением на Плевну, поскольку, расположенная в 15 км от Плевны по берегам р. Осмы, она была важным узлом дорог, ведущих на Плевну. Через Ловчу плевенская армия Османа-паши получала подкрепление от расположенной в районе Шипка-Шейнова армии Сулеймана-паши. Взятие Ловчи также должно было обеспечить атаку Плевны с юга во время предстоящего третьего штурма Плевны.

Теперь предстояло повторно ее взять и уже не при таких благоприятных условиях. Для реализации этого плана был создан Ловче-Сельвинский отряд, в состав которого вошла вся пришедшая из Поволжья 2-я пехотная дивизия под командованием генерала князя А.К. Имеретинского. Ловчу обороняло 6 тысяч турок с 4 орудиями, а атаковало их 30 тысяч русских при 92 орудиях³¹.

Первоначальной целью русских войск была задача овладения турецким редутом, который располагался на высоком холме Червен-Бряг, с правой стороны р. Осмы, и тем самым прикрывал позиции турецких войск. Для действий против господствовавшей над Ловчей Рыжей Горы, прозванной так солдатами из-за отсутствия зеленого покрова, и против северной части Ловче-Плевненского шоссе был выделен отряд М.Д. Скобелева, чья левая колонна наносила главный удар. Генерал-майор В.М. Добровольский командовал правой колонной наступающих войск, которая играла вспомогательную роль.

В 3 часа ночи 22 августа (3 сентября) командир 5-го Калужского полка полковник К.Ю. Эльжановский выстроил полк под ружье. На боевой позиции позади калужцев заняли место либавцы, правее располагались 7-й Ревельский и 8-й Эстляндский полки. В 5 часов 45 минут граната, пущенная с батареи «Счастливой», подала сигнал к артиллерийскому бою, которым и открылось «дело под Ловчею»³². Первые часы Ловчинского боя – это непрерывная артиллерийская канонада – как с русской, так и с турецкой стороны. В артиллерийской дуэли значимую роль сыграла 2-я артиллерийская бригада, дислоцировавшаяся ранее в г. Казани. По распоряжению князя Имеретинского эта бригада располагалась на вершине высокой горы и производила стрельбу по Рыжей горе, куда около 10 часов направился в атаку Калужский полк. Однако по ходу боя ситуация изменилась: буквально изрытая артиллерийскими снарядами Рыжая Гора была занята другими частями. Тогда Калужский полк, объединившись с Либавским,

был направлен к высоте Червен-Бряг, окруженной 4 рядами траншей, в центре которой находился большой четырехугольный редут – его и предстояло взять волжанам. Для этого им пришлось под непрерывным турецким огнем переправиться где вплавь, где вброд через р. Осму. После переправы на правый берег ряды калужцев и либавцев перемешались, а «всякое руководство со стороны офицеров пропало... Были отдельные кучки, руководимые храбрейшими товарищами или офицерами своей или другой части»³³. Хотя и с трудом, но все же порядок удалось навести, и калужцы, а также пришедшие на помощь ревельцы устремились в дружную атаку на редут, и никакие турецкие штыки не могли сломить «ползущей вверх лавы. Первого убьют, второй встанет на бруствер, а третий вспрыгнет в редут. Полковник Эльжановский, поручик Сырнев и Карпов оказались передовыми между многими первыми офицерами и солдатами, ворвавшимися через вал во внутренность укрепления! К чему же теперь сопротивление врага! Зачем эта груда турецких тел и эти лужи правоверной крови! ... бегущего врага калужцы провожали залпами»³⁴. Внимательно следивший за ходом сражения А.К. Имеретинский приказал сотнику Владикавказского Терского казачьего полка А.В. Верещагину (в будущем – генерал-майор) взять два батальона Эстляндского полка и двинуть их на помощь Скобелеву. Однако вскоре раскатистое «ура» известило о победе. И, как вспоминал Верещагин, он, не помня себя от радости, карабкался вслед за Скобелевым на редут по изуродованным трупам, вспоминая при этом слова Лермонтова из «Бородино»:

«И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел»³⁵.

Турецкие войска, защищавшие Ловчу, были истреблены почти все. Князь Имеретинский в рапорте главнокомандующему армией отмечал: «Потери неприятеля громадны; 23 августа погребено 1200 тел только в центре на правом фланге бывшей неприятельской позиции. Наконец, во время

преследования наша кавалерия изрубила еще 3000 человек»³⁶. Пленный турок, служивший в штабе войск, оборонявших Ловчу, сообщил, что спаслось бегством не более полутора тысяч из семи защищавших Ловчу³⁷. Несмотря на благоприятный для русских войск исход боя под Ловчей генерал П.П. Карцов, о котором речь пойдет далее, все же отмечал, что, несмотря на громадный перевес в живой силе и артиллерии и имея все возможности окружить неприятеля, русские войска «дозволили ему драться с 4 часов утра до 6 вечера и увести свои пушки, причем у нас до 1500 человек выбыло из строя»³⁸. В сражении турки продемонстрировали умение вести встречный бой, в ходе которого применялся штыковой удар.

По итогам битвы за Ловчу 6-му Либавскому полку были дарованы Георгиевские знамена с надписью: «За взятие г. Ловчи 22 августа 1877 г.»³⁹. Артиллеристы 2-й бригады получили Георгиевские кресты, некоторые были награждены надписью на шапках: «За отличие в русско-турецкую войну 1877-1878 гг.»⁴⁰. Другие поволжские полки также были отмечены наградами.

24 августа (5 сентября) 1877 г. вся 2-я пехотная дивизия стала наступать к Плевне***. Из дневниковых записей 5-го Калужского полка видно, что Плевна была самой главной целью русских воинов и их душевной болью: «Плевна, Плевна! Тяжело отзываясь в сердцах калужцев, имя это искренно и неудержимо порождает желание скорее двинуться к тому очарованному городу, который вызвал

столько горя в России и заставил пролить столько жгучих материнских слез»⁴¹.

8 (20) июля и 18 (30) июля 1877 г. состоялись два неудачных штурма Плевны, приведшие к большим потерям союзных русско-румынских войск, в которых волжане не принимали участие. Третий штурм Плевны был назначен на 30 августа (11 сентября), однако предварительно артиллерия должна была продолжительное время обстреливать турецкие укрепления, а в свою очередь пехота должна была приблизиться к укреплениям Плевны и атаковать их. 26 августа (7 сентября) 1877 г. начался интенсивный обстрел Плевны, продолжавшийся 4 дня. Генерал М.Д. Скобелев, приводя в исполнение план постепенного приближения пехоты к укреплениям Плевны, выдвинул 5-й Калужский полк и 9 рот Эстляндского полка к гребням Зеленых гор (Зелени Гори), 2-й и 3-й гребень которых находились в черте турецких укреплений, а 1-й был покинут турками, но находился в зоне их огня. Днем 27 августа (8 сентября) Скобелевым было сказано офицерам: «За дело, господа!»... и Калужский полк в один миг стоял уже под ружьем⁴². Был получен приказ атаковать 2-й гребень Зеленых гор и на нем закрепиться. В три часа дня под аккомпанемент рева турецких орудий начиналась атака второго гребня. Во время боя приходилось отражать атаки турецкой кавалерии и пехоты. Увидев 2-й гребень, «вся лава» калужцев бросилась в штыки и, опрокинув турок, заняла гребень. Таким образом, приказ Скобелева был выполнен. Однако со 2-го гребня вся цепь калужцев спустилась вниз, а затем, подымаясь по скату, атаковала уже 3-й гребень Зеленых гор. «Но тут, на крутом скате, их встретили неприятельские резервы и в свою очередь атаковали наших малочисленных и усталых храбрецов...» – вспоминал ординарец Скобелева П.А. Дукмасов⁴³. Непродуманная и неподготовленная скоротечная атака 3-го гребня, произведенная по приказу командира Калужского полка полковника Эльжановского, была грубейшей ошибкой с его стороны и привела к потере

*** Войска Западного отряда под командованием Н.П. Криденера 4 (16) июля 1877 г. штурмом взяли Никополь. Получив приказ после взятия Никополя двигаться к Плевне, до которой было всего 40 километров, Криденер, заявив о неготовности наступать на Плевну, остался на месте. Таким образом, была упущена блестящая возможность завладеть Плевной с ходу, пока она оборонялась слабым гарнизоном. Это стало невозможным после того, когда войска Осман-паши, преодолев за шесть дней 190 километров, 7(19) июля вступили в Плевну, где срочно началось строительство оборонительных сооружений и Плевна превратилась в сильно укрепленный рубеж (Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига, 1877-1878. М., 1994. С.126-127).

свыше 700 человек. Эта неудача произвела тяжелое впечатление на Скобелева, и он сожалел, что доверил командовать калужцами полковому командиру вместо того, чтобы самому возглавить их⁴⁴. Калужцам пришлось теперь отступить, отражая беспрерывные атаки турецкой кавалерии. С помощью Скобелева, лично возглавившего атаку 1-го батальона калужцев против наседавших турок, наступление удалось остановить. Лишь в 10 часов вечера, когда редуты и траншеи турок замолкли, калужцы и пришедшие им на выручку эстляндцы сумели окопаться на удержанном 2-м гребне Зеленых гор. М.Д. Скобелев позже назвал бои 27 августа (8 сентября) «кровавой расправой калужцев». Эта кровавая неудача полка привела к большим потерям: убито – 2 офицера, 172 нижних чина, ранено – 10 офицеров, 622 нижних чина⁴⁵. Ротмистр В.В. Воейков, чья Кавказская казачья бригада в эти дни занимала позиции неподалеку от воинов-волжан, вспоминал, что среди турок были умевшие говорить по-русски, и они кричали нам: «Счастлив Бог, что мы не знали, что восемнадцатого июля вас было мало; мы думали, что это только ваш передовой отряд, а то бы мы вас всех перетопили в Дунае»⁴⁶.

В день именин Александра II – 30 августа (11 сентября) – начался третий штурм Плевны силами Передового отряда, в который входил и 7-й Ревельский полк под общим командованием генерала М.Д. Скобелева. В 6 часов 30 минут началась бомбардировка Плевны, которой сильно мешал густой туман, застилавший поле сражения. Время штурма было выбрано явно неудачно. Всю ночь и полдня 30-го шел дождь. Почва размокла, и это создавало дополнительные серьезные препятствия атакующим русским войскам. Штурм следовало отложить, но такое предложение никто сделать не осмелился: именно то, что это был день именин императора, делало его неизбежным. На левом фланге, где действовал отряд Д.М. Скобелева, костяк которого составляли волжане, ключевой позицией обороны турок

были мощные укрепления, состоявшие из двух редутов, располагавшихся на юго-западной окраине Плевны, большого (№ 1 – Казанлык) и малого (№ 2 – Иса-Ага). Для их штурма, а это являлось основной задачей отряда Скобелева, занятие 3-го гребня Зеленых гор теперь уже стало необходимостью. Атакой турки были сбиты с 3-го гребня и отступили. Теперь Скобелеву предстояло выполнить главную задачу – взятие двух редутов. Наступление на них началось около 15 часов, но выступавшие в первом эшелоне Владимирский и Суздальский полки, неся большие потери от артиллерийского и ружейного огня турок, вынуждены были залечь в ложнине у Зеленогорского ручья. Видя это, Скобелев двинул вперед второй эшелон – 7-й Ревельский полк. Передвигаясь, ревельцы «карабкались по скользкому, вязкому грунту, скользили, карабкались вновь, падали убитыми и ранеными»⁴⁷. Тогда Скобелев двинул вперед свой третий и последний эшелон – направив в атаку 12 рот либавцев и 2 стрелковых батальона. «Пять свежих батальонов скрылись в злоеющей долине, которая также быстро проглотила их, как уже проглотила 11 батальонов, ранее посланных. Эта ложнина представлялась каким-то чудовищем, которое ненасытно требовало и поглощало все новые и новые жертвы», – вспоминал офицер 6-го пехотного Либавского полка И. Лопатин⁴⁸. Видя, как полк за полком исчезает в пекле боя, Скобелев решил бросить «на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя»⁴⁹. В критическую минуту боя М.Д. Скобелев на коне появился среди атакующих войск, что воодушевило солдат. В 16 часов 30 минут русскими войсками был занят редут Казанлык. Редут Иса-Ага пал в 6 часов вечера.

Утро 31 августа (12 сентября) началось с мощных штурмовых атак турок против редутов. С 7-ми часов утра до 16 часов турки четыре раза атаквали редуты, которые представляли «страшную картину, массы трупов русских и турок лежали грудями. Внутренность редута была особенно напол-

нена ими. В глубокой траншее, связывающей редуты, продольные выстрелы неприятеля клали сразу десятки людей, и груды трупов, заполнявших траншею, чередовались с еще живыми защитниками»⁵⁰. Пятая атака оказалась решающей, русская оборона редута была взломана турецкими батальонами, прошедшими специальную подготовку. Скобелев дал приказ оставшимся в живых ревельцам и либавцам к отступлению. Отступление было совершено в полном порядке под прикрытием 8-го Эстляндского полка, сформированного из волжан. Четыре роты калужцев, также оборонявших редуты по приказу Скобелева, их покинули, а вместе с ними были оставлены и Зеленые горы. Калужцы до середины октября были отправлены в резерв. Надо сказать, что именно калужцы за время боев в Болгарии понесли наибольшие потери среди волжан. Прибыв из Симбирска в Болгарию в составе 42 двух офицеров и 4000 нижних чинов, Калужский полк отбыл в резерв, имея в своих рядах лишь 11 офицеров и 700 годных в бою штыков. Причем эта убыль в полку образовалась в течение 25 походных и всего 5 боевых дней⁵¹. В ходе боев под Плевной 30 августа (11 сентября) – 31 августа (12 сентября) 7-й Ревельский полк потерял ранеными – 9 офицеров, убитыми – 203 нижних чина, ранеными – 476 нижних чинов, без вести пропавших – 56 человек⁵². 8-й пехотный Эстляндский полк потерял убитыми 4 офицера, ранеными – 11 офицеров, нижних чинов выбыло из строя до 1600 человек⁵³.

Большие боевые потери, плохое командование войсками высшими военачальниками, злоупотребления интендантской службы в продовольственном снабжении войск – все это вызывало крайнее недовольство поволжской общественности⁵⁴, и не только ее. Раскол в общественных настроениях в вопросе о ходе и задачах войны отразил очевидец штурмов Плевны и других военных операций публицист Е.И. Утин в своих «Письмах из Болгарии в 1877 г.», публиковавшихся в журнале «Вестник Европы». В частности, он замечал: «Россия,

повторяется на тысячу ладов, - должна быть оплотом, на который опирались бы все славяне; ее роль определена: она должна быть руководительницей, освободительницей всех славянских племен». Прекрасно; я не отрицаю исторического призвания России, но я только говорю, что для того, чтобы она могла выполнить эту высокую роль, нам нужно еще много поработать над самими собою: у нас – внутри, дома, у себя, еще слишком много работы, чтобы мы могли с успехом приступить к осуществлению нашей задачи ... Вот отчего чтобы подвести итог всем нашим спорам, я и говорю, что эта война будет войною из-за минутного сентиментализма, а не войною из-за исторического призвания, из-за хорошо понятных и глубоко продуманных интересов всех славянских народов»⁵⁵.

В сражениях за Плевну 26 августа (7 сентября) – 31 августа (12 сентября) 1877 г. русские потери составили 13 тыс. человек, румынские – 3 тыс. человек (Виноградов В.И. Русско-турецкая война ... С.178). Под влиянием неудачи третьего штурма Плевны главнокомандующий Дунайской армией Николай Николаевич (старший) и начальник штаба А.А. Непокойчицкий предложили отступить от Плевны в Румынию. В растерянности был и Александр II, считавший, что «нынешняя кампания не удалась». На совещании в штабе 1(13) сентября военный министр А.А. Милютин, оценив обстановку, настоял на том, чтобы с помощью блокады принудить гарнизон Плевны к капитуляции. Из Петербурга был вызван генерал Э.И. Тотлебен – один из организаторов обороны Севастополя во время Крымской войны, известный военный инженер. Он заявил императору, что «четвертой Плевны не будет». Русско-румынские войска обложили Плевну. К началу ноября численность союзных русско-румынских войск составляла 130 тыс. чел. при 560 полевых и осадных орудиях⁵⁶. После отчаянной попытки отбросить русские войска, когда в бой шли раненые турки и жители Плевны, 28 ноября (11 декабря) 1877 г. 45-тысячная армия

Османа-паши все же капитулировала. Как отмечалось в приказе главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича (старшего), в плен сдались 40 000 турок, в том числе 10 пашей, 128 штаб-офицеров, 2 000 обер-офицеров⁵⁷. Падение Плевны вызвало неподдельный энтузиазм среди воинов-волжан. Вот как вспоминал радостное и долгожданное известие генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии П.П. Карцов: «Всякий спешил сообщить радостную весть первым, кому бы то ни было. Не прошло 5 минут, как болгары – мужчины и женщины, солдаты, офицеры – бежали из лавки в лавку, из дома в дом с возгласами радости и обуявшего всех восторга»⁵⁸. Всем войскам плевенского Отряда обложения была предоставлена возможность пройти по занятой Плевне, которая стоила им столько крови. Вот как описал это один из участников событий при взятии Плевны в дневнике 5-го Калужского полка: «Идут час, идут и другой! Нечего сказать, было, где разгуляться туркам внутри своего укрепленного лагеря! А редуты-то сколько! И выглядят они как с иголочки, как будто артиллерия наша и не тронула их! Но душа уже рассталась с телом! Еще вчера полные кипучей боевой жизнью, эти грозные укрепления выглядели теперь, как те показательные редуты и ложементы, которые в мирное время воздвигаются саперами в учебных лагерях»⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *Аншаков Ю.П.* Помощь народов Поволжья освободительной борьбе южных славян. 1875-1878 гг. (архивные материалы, мемуарное наследие, пресса) // Архивы и история Российской государственности. СПб., 2011. С. 108-110; *Он же.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // РУСИЈА И СРБИЈА НА ПРЕЛОМУ ВЕКОВА Српске теме Андреја Шемјакина. Београд, 2020. С. 136-142; *Шепелева А.Ю.* Добровольческое движение из поволжских губерний в Сербию в сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г. // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 370-373.

² О черняевском знамени см: *Вишняков Я.В.* «Путь далек у нас с тобою, веселей солдат гляди». Черняевское знамя и его судьба. // Россия и Балканы: геополитика и общественные связи. / Отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М., 2022. С. 385-402.

³ *Немирович-Данченко В.И.* По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). М., 2008. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Адрес Самарского губернского дворянского собрания Александру II в связи с его намерением объявить мобилизацию армии, не ранее 30 октября 1876 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов / Составители: Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, А.Н. Сквозников. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. Док. 148. С. 137; Адрес Симбирского дворянского собрания Александру II 4 декабря 1876 г. // Там же. Док. 157. С. 150.

⁶ Политический обзор начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Макарьевском уезде П.С. Перфильева, 2 июля 1876 г. Секретно // Там же. Док. 23. С. 35-36.

⁷ Донесение и.о. начальника Нижегородского губернского жандармского управления подполковника П.С. Перфильева в III отделение с препровождением адреса татарского населения по случаю начала войны с Турцией, 14 июня 1877 г. // Там же. Док. 204. С. 192.

⁸ Донесение начальника Симбирского жандармского управления полковника П.М. фон Бракке шефу жандармов Н.К. Мезенцеву о реакции населения губернии на объявление войны Турции, 1 мая 1877 г. Секретно // Народы Поволжья и борьба южных славян ... Док. 182. С. 172.

⁹ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. Сб. документов. 1875-1878. М., 1978. С. 386.

¹⁰ *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2007. С. 568.

¹¹ Народы Поволжья и борьба южных славян ... Док. 206. С. 193; Док. 207. С. 193; Док. 213. С. 198-199; Док. 230. С. 209-210 и др.

¹² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах / Под ред. С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.К. Бурмова, Н.Т. Тодорова. М., 1964. Т. II. С. 101-102.

¹³ См. об этом: Из дневника военного корреспондента Н.Н. Каразина // Русско-турецкая война 1877-1878 гг. Забытая и неизвестная. Харьков, 2013. С. 56-58; *Яковлев Н.Н.* Дружба навечно. Куйбышев, 1969. С. 41-43; *Ценов Й.* Знамя и

- губернатор. Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Петр Алабин и Самарское знамя. Самара, 2008. С. 10-13.
- ¹⁴ Торжественное вручение знамени впечатлило самарскую делегацию: «Господа, – не раз повторяли привезшие знамя гости-самарцы, – да для такой минуты не только три тысячи верст, тридцать тысяч проехать можно!» (Из дневника военного корреспондента Н.Н. Каразина. С. 59.).
- ¹⁵ Горина Л.В. Марин Дринов и Москва // Славянский альманах. М., 1996. С. 183.
- ¹⁶ Рынкевич Е.Е. Записки о Болгарском ополчении (За период с конца апреля по 9 августа 1877 года) // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 645.
- ¹⁷ Вълков Георги. Подвизите на Българското опълчение – бойни и нравствени измерения // Освободительная война 1877-1878 гг. и роль Болгарского ополчения. Сборник докладов и сообщений, прочитанных на юбилейных научных конференциях в Казанлыке, Стара Загоре и Самаре в 1987-1988 гг. Самара, 1992. С. 65.
- ¹⁸ Кисов С. Действия III дружины // Не смолкнет эхо над Балканами: Советско-болгарский сборник / Сост. В. Кастрева, Ю. Лошиц. М.: Молодая гвардия; София: Народна младеж, 1988. С. 128.
- ¹⁹ О сражении под Стара Загорой см: Кисов С. Действия III дружины // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 673-677; Депрерадович Ф.М. Бой под Эски-Загрой // Там же. С. 692-694; Стессель А.М. 3-я дружина Болгарского ополчения в бою под Ески-Загрой (Из дневника участника) // Там же. С. 694-701; Яковлев Н.Н. Дружба навечно. С. 49-51; Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг... С. 152-157; Генев Цонко. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979. С. 56-59; Максимов Н. Две войны // Шипка и Плевна. Слава русского оружия: Из истории Балканской войны 1877-1878 гг. М., 2003. С. 83-85.
- ²⁰ Генев Цонко. Русско-турецкая война 1877-1878 гг... С. 61.
- ²¹ Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 157.
- ²² Иванов П. Воспоминания // Не смолкнет эхо ... С. 170-171.
- ²³ Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М., 2007. С. 281.
- ²⁴ Хитов П. «Бунтовщики словно сквозь землю провалились» // Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. Сборник воспоминаний. М., 2017. С. 133.
- ²⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. Вып. 24. С. 323.
- ²⁶ Миллер У. На руинах Османской империи. Новая Турция и свободные Балканы. 1801-1927. М., 2020. С. 379.
- ²⁷ Вследствие военных реформ 1860-х гг. названия полков не всегда совпадали с названиями населенных пунктов. В связи с этим начальник 3-й пехотной дивизии П.П. Карцов замечал: «К сожалению, наши реформаторы 60-х годов при осуществлении своих идей не обращали внимания на то, что своими переделками они подрывали нравственную и историческую связь прошедшего с настоящим» (Карцов П.П. Из прошлого. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. Ч. II. 1876-1878 год. СПб., 1888. С. 535).
- ²⁸ Верещагин А.В. Ловча. // Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX в. М., 2003. С. 324.
- ²⁹ Там же. С. 326.
- ³⁰ Генев Цонко. Русско-турецкая война 1877-1878 гг... С. 119.
- ³¹ Карцов П.П. Воспоминания участника минувшей войны // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 382.
- ³² Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 315.
- ³³ Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877-1878 гг. // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 586.
- ³⁴ Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 322.
- ³⁵ Верещагин А.В. Ловча // Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX-начала XX в. М., 2003. С. 329-330.
- ³⁶ Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877-1878 гг.) // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 590.
- ³⁷ Воейков В.В. От Дуная и до Царьграда. 1877-1878. Записки участника. М., 2008. С. 207.
- ³⁸ Карцов П.П. Воспоминания участника минувшей войны // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 382.
- ³⁹ Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877-1878 гг.) // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 590.
- ⁴⁰ Описание походных движений и военных действий 2-й арт. бригады в течение кампании 1877-1878 года // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 365.

- ⁴¹ Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Там же. С. 325.
- ⁴² Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Там же. С. 327.
- ⁴³ Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне (Воспоминания о русско-турецкой войне 1877-1878 годов и о М.Д. Скобелеве // Стою за правду и за Армию! / Скобелев Михаил. М., 2012. С. 209.
- ⁴⁴ Куропаткин А.Н. Скобелев Михаил Дмитриевич. Библиографический очерк: семья, детство, учеба // Русский орел на Балканах. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания / Сост. Н.В. Ильина, Л.Я. Саэт. М., 2001. С. 157-158.
- ⁴⁵ Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 332.
- ⁴⁶ Воейков В.В. От Дуная и до Царьграда 1877-1878. Записки участника. С. 50.
- ⁴⁷ Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877-1878 гг.) // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 597.
- ⁴⁸ Там же. С. 598.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 602.
- ⁵¹ Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 334.
- ⁵² Журнал военных действий 7-го пехотного Ревельского полка за время минувшей русско-турецкой войны 1877-1878 годов // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 349-350.
- ⁵³ Дневник походных движений 8-го пехотного Эстляндского полка на 1877 год // Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 357.
- ⁵⁴ П.М. фон Бранке – шефу жандармов Н.В. Мезенцеву, 1 октября 1877 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док. 222. С. 204.
- ⁵⁵ Россия и Болгария ... С. 290.
- ⁵⁶ Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 68.
- ⁵⁷ Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 518.
- ⁵⁸ Карцов П.П. Воспоминания участника минувшей войны//. Народы Поволжья и борьба южных славян ... С. 436.
- ⁵⁹ Дневник 5-го пехотного Калужского полка за время войны 1877-78 гг. // Там же. С. 340.

**RESIDENTS OF THE VOLGA REGION IN THE STRUGGLE FOR THE FREEDOM
OF BULGARIA DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878.
PART 1.**

© 2022 Yu.P. Anshakov

Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the participation of the residents of the Volga region in the hostilities on the territory of Bulgaria during the Russian-Turkish war of 1877-1878. The regiments that arrived in Bulgaria from the provinces of the Volga region took part in the most important battles of the war, such as the battle of Lovcha, the assault on Plevna, and the crossing of the Troyan Pass to the Trans-Balkan region in December 1877. The author examines such an important event of the war as the battle of Stara Zagora (Eskizağra) in July 1877, when Russian soldiers and Bulgarian militia fought under the Samara flag. He also discusses some subjects related to the reaction of the population of the Volga region to certain events of the Russian-Turkish war. *Keywords:* Bulgaria, Russo-Turkish war of 1877-1878, Samara Flag, Stara Zagora (Eskizağra), Lovcha, Plevna, Troyan Pass.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-16-28

УДК 947 (470.55/58)

**КОНКУРЕНТЫ С ЮГА
(ТУРИСТИЧЕСКИЙ РЫНОК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)**

© 2022 М.И. Роднов

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Статья поступила в редакцию 01.11.2022

В статье исследовано влияние и взаимодействие основного центра внутреннего туризма Российской империи – черноморского побережья Крыма, с другими лечебно-туристическими регионами страны, в первую очередь с «кумысным районом» в Заволжье – Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниями. Изученные публикации и реклама в периодике «столицы» Южного берега Крыма – Ялты показывают глубокий интерес предпринимательского и редакторско-журналистского сообщества к конкурентам в туристической сфере. При этом оно не забывало давать читателям их негативную оценку. Особенно такой подход применялся к Заволжью, чей комплекс услуг по излечению больных чахоткой кумысом, во многом совпадал с предложениями крымчан. Одновременно владельцы кумысолечебных заведений Заволжья стремились проникнуть на богатый туристический рынок в Крыму.

Ключевые слова: экономика, туризм, пресса, Крым, Ялта, Самарская губерния, Уфимская губерния.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-29-36

Со второй половины XIX в. основным центром внутреннего туризма России становится Таврическая губерния, в первую очередь ЮБК – Южный берег Крыма. Помимо сложившейся сети дворянских поместий, многие из которых стали принимать постояльцев, здесь возводят дворцы члены правящей династии, что делало отдых в Крыму одним из символов престижа. А проведение железных дорог обеспечило доступность Черноморского побережья для массового туристического потока.

Но Крым был не единственным местом летнего отдыха. Ему приходилось конкурировать с давно функционировавшими туристическими центрами Западной Европы, а также многими внутривосточными курортами. Туристическая отрасль приносила огромные доходы, начиналась жест-

кая борьба за отдыхающего, что отразила крымская пресса¹.

По количеству периодических изданий Крым далеко обгонял внутренние губернии страны, здесь расцвела частная печать, выходили многочисленные разноформатные газеты в Симферополе и Керчи, Севастополе и Ялте. Например, в Феодосии с 1909 г. издавались «Феодосийский справочный листок», «Феодосийский листок», «Феодосийская жизнь» (1910 г.), «Феодосийские новости», «Феодосийский вестник», «Голос Феодосии», «Феодосийская жизнь» (1912–1913 гг.), «Феодосийская газета», «Жизнь Феодосии».

Местное журналистское сообщество, редакторы и издатели внимательно следили за развитием туристического бизнеса страны и Западной Европы, стараясь привлечь поток отдыхающих в свои города, тем более что крымскую прессу могли выписать в любом уголке Российской империи.

В первую очередь крымчане укоряли состоятельных отдыхающих за «идоло-

*Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Башкортостана.
E-mail: rodnov@ufacom.ru*

поклонство» перед Западом, деньги надо оставлять внутри своего Отечества, с другой стороны, внимательно изучали достижения европейской туристической сферы. В Ялтинском отделе Горного клуба В. Дмитриев выступает с большим докладом «В Неаполе и на Ривьере прошлой зимой»². Некий, очевидно, крымчанин Е.Д. в письме из Швейцарии сообщал, что ему хочется «описать, как мы здесь устроились и что такое из себя представляет Davos»³. С явной завистью ялтинская пресса публикует материал с одного из самых модных и дорогих европейских курортов, французского Биаррица. Там начинался «русский сезон», потому что «les russes arrivent regulierement fin septembre et s'établissent a Biarritz jusque fin novembre»⁴.

Это купальное местечко богатые и знатные русские посещали десятилетиями (например, С.Ю. Витте), об одной соотечественнице перепечатали репортаж «Русских ведомостей». «В Биаррице, уже несколько сезонов, анекдотический фурор производит одна вдовствующая помещица, большая чудачка, которая могла бы занять, как тип, среднее место между гоголевской Коробочкою и щедринскою «тетенькою». Ежегодно она привозит с собою из своего Пошехонья в Биарриц, за три с половиною тысячи верст, кроме повара, горничной, казачка и приживалки, еще пару вороных, очень по виду невзрачных, лошадей, крытую для одиночной русской, в дугу, запряжки, пролетку московского фасона, значительно подержанную, и кучера Феофана, который разъезжая по Биаррицу со своей барынею, похожею и по внешним приемам, и по манере одеваться, на мелкопоместную салоппницу, пронзительным голоском покрикивает на прохожих по-русски: «берегись, мусью!» Надобно полагать, что один лишь перевоз по железным дорогам этой вотчинной группы обходится затейливой барыне в несколько тысяч рублей. Подобно ей, в свое время, разъезжал по Европе покойный откупщик В.А. Кокорев: он повсюду возил с собою, кроме повара, кадку с кислую капустою для изготовления щей.

Но салоппная барыня, ежедневного выхода которой из пенных волн Атлантического океана, громко зевая, поджидает против «Скалы Богородицы» («Rocher de la Vierge»), Феофан в порыжевшем кафтане на доморощенной «Недвиге», – единственный курьез «нашего сезона»⁵.

В российской, русской ментальности высших, образованных слоев уже тогда прочно закрепилось преклонение перед западноевропейской культурой, к которой обязательно надо прикоснуться лично. С 1907 г. в Санкт-Петербурге даже выходил журнал «Поездки за границу». Крымский журналист осуждающе писал: «Мы, русские сделались какими-то «космополитами»-путешественниками. Из города в город, из курорта в курорт, из Франции в Бельгию [...] А на свои российские курорты [...] не показываем носа, что называя тратя свои русские деньги»⁶.

Впрочем, сами иностранцы живо интересовались быстро развивавшимся ЮБК. В августе 1899 г. в Ялту из Севастополя на 34 экипажах приехало 120 французских туристов⁷.

С большим вниманием крымская печать следила за ближними курортными зонами на Северном Кавказе (район Минеральных Вод) и сочинским побережьем, где схожий климат и наличие морских пляжей предоставляли отдыхающим почти такой же набор услуг, что и на ЮБК. Например, в 1897 г. в главной ялтинской газете выходят публикации о Кисловодске, как он превращался из слободы в город, об итогах виноделия на Кавказе, сообщалось, что «группы кавказских минеральных вод будут соединены к будущему году телефонной сетью», напечатали статью «О кавказских минеральных водах»⁸. В следующем году вышли статьи «Климат Батума», «Сухум-Кале и Ялта», заметка о новом курорте в Кутаисской губернии⁹, в 1899 г. – большой материал «Картинки Кавказа. В зарождающемся курорте» Ивана Наживина, «Переустройство Кавказских минеральных вод»¹⁰ и снова о Батуме. Корреспондент ялтинской газеты не

жалел красок: «Батум, как курорт, не представляет никаких жизненных удобств для больных», заключая, что «при существующих условиях Батум с его мягким климатом и живописными окрестностями вряд ли может сравняться с чудными уголками южного берега Крыма [...] песенка Батума спета»¹¹. В схожих тонах описывалось кавказское побережье Черного моря, «настоящее Туапсе – довольно мрачное»¹².

Между прочим уже тогда устанавливаются связи между соседними курортами. В сентябре 1907 г. сообщалось в ялтинской печати, что «пришедшие вчера утром с Кавказа пароходы были переполнены пассажирами. Большинство приезжих из Кисловодска, где сезон уже заканчивается»¹³. В следующем году ялтинская пресса информировала курортников о празднике цветов в Гаграх 9 июня, куда можно доехать пароходами РОПИТ¹⁴. А 28 ноября 1909 г. на набережной Ялты, в даче «Джалита», открывался казенный склад нарзана и прочих минеральных вод Кавказа¹⁵.

Крымская пресса отслеживала возникновение новых курортов даже под Петербургом (Полюстрово и Сестрорецк), писала о термальных станциях Славянск и Цехоцинск, вплоть до Дальнего Востока – ялтинские подписчики читали перепечатку «Даурия, как будущая лечебница мира»¹⁶. Сообщалось даже о незначительных событиях, что около Одессы на Куяльницком лимане нашли артезианский источник, близкий к курортным¹⁷.

Особое внимание крымчане обращали на восточных конкурентов – Заволжские губернии, где уже сложился мощный анклав туризма, связанный с лечением от туберкулеза (чахотки). Из-за этой болезни в Крым приезжало тоже немало отдыхающих, здесь строились санатории, действовало серьезное медицинское обслуживание. Но одним из проверенных способов борьбы с туберкулезом являлся кумыс (лошадиное молоко), во многом благодаря энтузиазму самарского врача Н.В. Постникова (1821–1913) о нем знала вся Россия. Постников еще в 1858 г. в

окрестностях Самары открыл кумысолечебницу¹⁸. А наличие железнодорожного и речного сообщения позволяло жителям обеих столиц и центральных регионов быстро добираться до заволжских степей. Вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги сложился целый район кумысного промысла. Так, в 1909 г. в Уфимскую губернию прибыло 4704 кумысника, в Самарскую – 1950, Оренбургскую – 555 чел.¹⁹ Вполне сопоставимый поток туристов с ЮБК. Для сравнения: в Ялту с 1 апреля по 1 августа 1907 г. приехало 11 438 чел., в 1906 г. было 7824 чел.²⁰

Для больных чахоткой стоял выбор куда поехать – в теплый Крым или в благодатные степи Заволжья, многие ездили в обоих направлениях, как А.П. Чехов. И уже в 1890-е гг. первые частные газеты Тавриды рассказывали о ситуации на востоке, не забывая «ущипнуть» конкурентов. Ялтинские журналисты раскопали, что «одна маленькая, неизвестная почти никому, газета «По морю и суше» сообщает, не обозначая источника, довольно интересные сведения о кумысном лечении. Самарский кумыс в последние годы заметно теряет свою привлекательность. В нынешнем году съезд больных в самарские кумысолечебные курорты не особенно велик. Так, в заведении Аннаева, в котором имеется 150 номеров, занято не более 10-ти номеров; в заведении доктора Постникова, число номеров в котором 130, занято всего 12, в заведении Среднева занято 18 номеров. Одной из главных причин слабого съезда служит здешняя дороговизна содержания: лечение и жизнь обходятся в месяц с человека минимум в 200 рублей; при этом жизнь шумная, – без покойная для действительно больных людей. Люди, желающие серьезно полечиться кумысом и пользоваться при этом хорошим воздухом и спокойною жизнью, нашли другие, более дешевые и удобные кумысолечебные места; они отправляются или к киргизам в оренбургские степи, или к башкирам в Уфимскую губернию. В последние два-три года особенно много стало приезжать больных на башкирский кумыс; эти

кумысники располагаются на летнее житье вблизи станций уфимской железной дороги Белебей-Аксаково, Абдулино, Шингак-куль и Шафраново. Много гостей приезжает на станцию Шафраново; там кумысники располагаются в татарской деревне Слак (в 2-х верстах от железнодорожной станции) и в русском селении Никифорово (в 12 верстах от станции)²¹ [надо Никифарово, татарская деревня. – авт.].

На эту заметку откликнулся «известный публицист, пожелавший скрыть свою фамилию». Этот «В.», между прочим, из курортного местечка Териоки на Карельском перешейке, даже здесь интересовались новостями, 27 июля 1893 г. прислал письмо. «Потребность в кумысолечении ежегодно увеличивается. Сосредоточенное в самарской губ. кумысолечение в какие-нибудь 20 лет охватило губернии Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Ставропольскую, отчасти Саратовскую и Таврическую, практикуется даже в Петербургской губ. (Царское Село, станц. Преображенская, etc.) и во многих больших городах аптеки продают кумыс. И такой большой спрос не в состоянии удовлетворить масса известных и неизвестных предпринимателей. Причина неуспеха гнездится в натуре русского человека и характере болезни (чахотки). натура русского человека не выносит немецких курортов с их обязательным режимом. Не выносит их и карман русского человека, по преимуществу не богатого. [...] В старых, больших курортах (их не больше полудюжины) допевают свою лебединую песнь сами хозяева (Постников, Каррик), или их арендаторы (Аннаева, Чарыкова), или новые смельчаки оренбургской губ. готовятся к той же участи. Самый же распространённый способ кумысопользования есть, если можно так выразиться, кустарный, т. е. кумысом довольствуются 2–3 человек первый встречный азиат (татарин или башкирец), а жизнь больные устраивают сами, селясь враздробь по деревушкам у железной дороги. Здесь больные страдают от грязных азиатских хат, от недостатка и однообразия (всё ба-

ранина) пищи и от самого кумыса, испорченного и, зачастую, разбавленного водой. Азиат кумыс делает для себя и для «своих», а больному продаёт остатки. Кумыс же, для азиата-кочевника, при недостатке пищи, есть «еда», которую он воспринимает в количестве ведра на человека и, чтоб было дёшево и сердито, пьёт его всяковский и разбавляет водой более, чем на половину. Как можно пить неразбавленный кумыс, азиат органически не понимает: «много пьяна будешь!»²².

Тем временем в Крым нарастал поток отдыхающих из Поволжья. Например, 10 июля 1895 г. из Казани в Ялту приехал мещанин Пётр Иванович Зверинцев и остановился в «Гранд-отеле». В шикарной гостинице «Россия» в самом центре знаменитой ялтинской набережной 28 июля поселились купец 1-й гильдии М.П. Маркин и его казанский земляк дворянин Е.М. Креллибери, 17 августа приехал оренбургский дворянин А.С. Максименко, арендовав комнату у Иванова, у Киндяковой в той же Ялте квартировал надворный советник Н.К. Моисеенко из Казани²³. А 22 июля 1896 г. в ялтинской «России» снял апартаменты епископ Оренбургский и Уральский Николай²⁴.

Без сомнения, чтобы скомпрометировать конкурента с востока, в ялтинской газете выходит анонимный фельетон «Кумысная легенда». Крымчане сражались на рекламном рынке. «С наступлением летнего сезона ежедневно органы печати как столичные, так и провинциальные, начинают наполняться рекламами кумысолечебных заведений. Все эти рекламы имеют между собою то общее, что они много, чрезвычайно много обещают несчастным чахоточным. Последние, как известно, страдают иллюзиями и вследствие этого крайне доверчиво относятся ко всякого рода рекламам и целыми толпами тянутся в так называемый «кумысный район», т.е. в Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. Здесь они ждут чуда, здесь их легкие должны получить прежнюю эластичность, изнурительная лихорадка исчезнуть, вес тела подняться, –

одним словом, должна произойти полная метаморфоза во всем их надтреснутом организме... Ради этого кумыса больные приезжают в кумысный район за тысячи верст, часто из прекраснейших в климатическом отношении мест, как, напр., из наших юго-западных окраин, из Крыма, из Кавказа. Пароходы и железнодорожные вагоны переполнены больными, которые, бросив свой очаг, своих родных, все удобства домашней обстановки и хорошего ухода, отправляются в какой-нибудь Белебей, Давлеканово, Марычёвку, Богдановку и т.п. прелестные места, единственно потому, что, с одной стороны, им жить хочется, и они готовы на всякие жертвы, лишь бы заручиться хотя бы надеждой на сохранение жизни, с другой – им сулят столько обещаний...»

В жестокой заметке, не случайно анонимной, автор разоблачает кумысолечебные заведения (куча «жалких бревенчатых лачужек, без всяких удобств, без самого необходимого комфорта»), медицинскую помощь (если есть врач, он «распорядитель танцев и пикников»), саму веру в чудодейственный кумыс (якобы стоит «выпить несколько ведер», и ты здоров).

При этом излечивающий чахотку кумыс «непрерывно должен приготавливаться в степи, другими словами – в Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях. Это привилегия, данная этим губерниям по какому-то странному недоразумению». Тогда как анализ аннаевского кумыса, произведенный доктором Штанге в 1887 г., показывал, что он мало отличается от кумыса из-под Елабуги, Петербурга, Кавказа²⁵. Автор статьи откровенно напоминает, что «в особенности досадно, если в «кумысный район» приезжают больные из средней и юго-западной полосы России, из Крыма и Кавказа, где климатические условия для грудных больных неизмеримо лучше».

«Пресловутый степной климат с его резкими переменами, континентальным зноем днем и быстрым падением температуры ночью, с его безпрестанными ветрами и малярией, столь же мало пригоден для

чахоточного, как и сибирская тундра»²⁶. Вывод очевиден – легенда про степной кумыс ничем не оправдана, вперед к солнечным берегам Тавриды! Только там и счастье.

Разоблачать конкурентов с востока не забывали ялтинские журналисты, из «Самарской газеты» они перепечатают статью «Результаты осмотра кумысо-лечебных заведений в Самарской губернии», где говорится и о хуторе доктора Постникова²⁷. Очередным поводом стало появление в магазине Ялтинского общества потребителей «Самарского стерилизованного кумыса», «что, несомненно, соблазняет больных».

Некий Ф. Тимофеев в январе 1897 г. сильно сомневался в качестве продукта неизвестной фирмы, добрая слава самарского кумыса «сменилась уже дурною». Автор сообщает интересные подробности о жалком положении кумысного дела в Самарском районе. Владельцы кумысолечебных заведений, «терпя убытки, стали изыскивать способы долгосохраняющегося кумыса для того, чтобы сбывать его в других местах России. Первым достиг этой цели д-р Постников, который, как инициатор кумысолечения, считается специалистом по кумысному делу, хотя и пользуется далеко не хорошею славою. Нынешним летом (в июне) он выпустил в Петербурге и Москве первую партию кумыса, изготовленного им, как гласили его объявления в столичных газетах, «специально для экспорта», причем склады этого кумыса были образованы в Петербурге у Штоля и Шмидта, а в Москве – у Феррейна».

Однако начальник Самарской губернии назначил комиссию для санитарно-ветеринарного осмотра, которая «обнаружила в заведении д-ра Постникова *сап прямо в табуне дойных маток*» (ссылка на «Самарскую газету»). Тимофеев предлагает изъять сомнительный самарский кумыс из ялтинского магазина. А редакция газеты желчно добавила, чтобы и другие газеты курортного района «обратили внимание на вышеизложенное сообщение»²⁸.

Такая поддержка со стороны редакции неудивительна. Редактор-издатель Надежда

Рафаиловна Лупандина не только была хозяйкой газеты «Ялта» с типографией - «в Заречной части» Ялты она купила бывшую дачу царского архитектора Монигетти²⁹, где сдавала квартиры и комнаты, здесь можно было заказать полный пансион, «дом заново отделан», большой тенистый сад, все удобства, «восемь минут ходьбы до моря»⁵⁰. В Алуште Лупандина арендовала дачу на майоратной земле⁵¹. Прямая заинтересованность в привлечении клиентов была неоспорима.

Озабоченность крымских отельеров была понятна, конкуренты не дремали, и весной 1900 г., накануне нового сезона, в столице ЮБК, в той самой ялтинской газете Н.Р. Лупандиной появляется реклама... уфимского кумыса! Как говорится, деньги не пахнут.

Помещица А.Н. Ахмаметьева через ялтинский пансион княгини Барятинской зазывала небогатых читателей, «людей без больших претензий», к себе в Уфимскую губернию: «Кумыс с полным пансионом 50 рублей в месяц, для людей без больших претензий. Подробности: Уфимская губ., Белебеевский уезд, село Бокалы, хут. Глазки, А.Н. Ахмаметьевой. Обращаться к Л.П. Воскресенскому, Ялта, пансион Кн. Барятинской»⁵². Дешевле! – выделялось главное преимущество. Журналисты, между прочим, были правы: в подобных объявлениях умалчивалось, что добраться до Бакалов

весьма непросто, это непонятный хутор, и, по всей видимости, кроме кумыса там все скромненько, мягко говоря. Действительно, на 1896 г. в Бакалинской волости хутор Глазки при колодце состоял из одного двора, где находилось 11 человек. Никаких кумысолечебных заведений там не числилось⁵³.

Конкуренты с востока упрямо пытались пробиться на богатый крымский рынок. В марте 1910 г. уже самарские кумысники проплатили рекламу в ялтинской прессе⁵⁴ (фото ниже). Снова мелкие землевладельцы старались реализовать свою продукцию.

На расцвет крымских курортов, массовый приток отдыхающих в 1910-е гг. отреагировали заволжские владельцы кумысолечебных заведений, оплачивавшие свою рекламу в газетах ЮБК. С апреля 1912 г. доктор Романов с хутора Дергачи Самарской губернии приглашал на кумыс с 1 мая, «полный пансион от 50 руб.» А в имении А.Т. Елисеева у станции Гамалеевка Ташкентской железной дороги предлагался кумыс «Тургай»⁵⁵. Кумысолечебное заведение доктора Монастырева при станции Шафраново Самаро-Златоустовской магистрали в живописной гористой местности зазывало на оздоровительный отдых по цене 2 руб. в сутки⁵⁶. Возле станции Александров-Гай Самарской губернии обещали кумыс Ахматовых (бывш. Шергородского), к услугам постояльцев степь, река, врач, пансион, неограниченное количество



кумыса, пианино и другие развлечения³⁷. Шла просто атака конкурентов с востока. В отдельных номерах ялтинской газеты публиковались объявления сразу четырёх кумысолечебных заведений.

Таким образом, анализ крымской прессы обнаружил неожиданное явление – жесткую конкуренцию регионов за туристические потоки, включая лечебный отдых. Во-первых, это свидетельствует о большом значении туризма для экономики регионов Российской империи уже со второй половины XIX в. Во-вторых, в стране фактически возникла единая, тесно связанная система туристической отрасли. И пресса являлась главным индикатором ее состояния. Каждую весну тысячи россиян внимательно просматривали газеты, сопоставляли набор и стоимость услуг в различных регионах, выбирали между Западной Европой и Крымом, заволжскими степями и Минеральными водами. В-третьих, отечественный туризм активно заимствовал достижения мировой индустрии отдыха и внедрял их у себя.

Особенностью экономики туризма и тогда, и сейчас является активное участие среднего и мелкого бизнеса. В ялтинской прессе рекламу проплачивали хозяева скромных хуторов Самарской и Уфимской губерний, где держали небольшие стада дойных кобылиц. В России сложилась к концу XIX в. единая транспортная система (железные дороги, речное и морское судоходство, бурно развивалась автомобилизация), добраться даже до самых отдаленных уголков страны без чудовищных дорожных мучений становилось обыденной реальностью.

Изучение периодической печати и конкретно рекламы позволяет увидеть межрегиональную конкуренцию, запретную тему советской литературы, маложелательную в современной. Лишь в имперскую эпоху ее открыто обсуждали и принимали практические решения (челябинский перелом, например). Столкновение интересов, казалось бы, таких чрезвычайно удаленных регионов, как Крым и Заволжье, и в такой специфической сфере, как туризм, есть яр-

кое подтверждение существования единого общероссийского рынка.

Наконец, важно отметить, что исследователями крайне редко изучается пресса чужих, даже соседних регионов, а зря. Например, в номерах ялтинского «Крымского курьера» за 1899 г. неожиданно обнаружилась масса материалов о голоде в Поволжье. При участии А.П. Чехова в Ялте начался активный сбор средств голодающим сельчанам Казанской, Самарской, Уфимской губерний. Получавшие деньги руководители благотворительных организаций из Поволжья в ответ присылали в ялтинскую прессу отчеты об использовании средств, рассказывали о ситуации в деревне. На страницах крымской газеты опубликованы уникальные сведения о положении в поволжской деревне, которые не дублировались в местных изданиях. Эти материалы совершенно неизвестны историкам Поволжья, а там содержится масса конкретной и весьма важной историко-краеведческой информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мальгин А.В. Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2016. С. 307–309, 325–326.

² Крымский курьер (Ялта). 1899. 11 мая.

³ Там же. 17 ноября.

⁴ Русские регулярно прибывают в конце сентября и остаются в Биаррице до конца ноября.

⁵ Крымский курьер. 1899. 11 сентября.

⁶ Ялтинский вестник. 1910. 2 (15) мая.

⁷ Крымский курьер. 1899. 26, 28 августа.

⁸ Ялта. 1897. 23 января, 6 февраля, 24 сентября, 14 ноября. См. также статью «Кисловодск как климатическая станция» (Русская Ривьера (Ялта). 1908. 1 февраля), заметку о возведении в 1908 г. «второго громадного санатория» на Эссентукской группе Кавказских минеральных вод (Ялтинский вестник. 1909. 24 сентября.). А в 1910 г. публиковалась серия «курортных очерков» про Пятигорск, Эссентуки, Железноводск и в итоге: «Неоправданные жемчужины» (Русская Ривьера. 1910. № 201, 206, 209, 211).

⁹ Ялта. 1898. 27 февраля, 8, 19 марта.

¹⁰ Крымский курьер. 1898. 15 августа, 3 ноября.

¹¹ Там же. 1 декабря.

¹² Там же. 1899. 28 июля.

¹³ Русская Ривьера. 1907. 6 сентября.

- ¹⁴ Там же. 1908. 1 июня. РОПИТ – Русское общество пароходства и торговли.
- ¹⁵ Ялтинский вестник. 1909. 28 ноября.
- ¹⁶ Ялта. 1897. 16, 22 марта, 14 ноября; Крымский курьер. 1899. 15 января.
- ¹⁷ Крымский курьер. 1899. 4 ноября.
- ¹⁸ Самарское земство: опыт практической деятельности (1865-1918 гг.) / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Самарская Губернская Дума, 2009. С. 198.
- ¹⁹ Гуляев А.А. Очерки кумысолечебных заведений Уфимской губернии. Вып. II. Уфа: Электрическая губернская типография, 1913. С. 3.
- ²⁰ Русская Ривьера. 1908. 5 августа.
- ²¹ Ялта. 1893. 18 июля.
- ²² Там же. 8 августа.
- ²³ Там же. 1895. 16 июля, 1, 22 августа.
- ²⁴ Там же. 1896. 25 июля.
- ²⁵ В Крыму делали свой кумыс (Русская Ривьера. 1908. 7 мая).
- ²⁶ Ялта. 1895. 22 августа.
- ²⁷ Там же. 1896. 25 июля.
- ²⁸ Там же. 1897. 15 января.
- ²⁹ Монигетти Ипполит Антонович (1819–1878), известный архитектор, автор ансамбля дворцовых и хозяйственных построек в Ливадии, возведенных в 1863–1866 гг. (см.: *Земляниченко М.А. Ливадия доимператорская: от отважного корсара Кацониса до польского аристократа Потоцкого*. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 109–117).
- ³⁰ Крымский курьер. 1899. 26 июня.
- ³¹ Русская Ривьера. 1907. 8 августа.
- ³² Крымский курьер. 1900. 9 мая.
- ³³ Полный список населенных мест Уфимской губернии / под ред. Н.А. Озерова. Уфа: Типография Губернского Правления, 1896. С. 426.
- ³⁴ Русская Ривьера. 1910. 28 марта.
- ³⁵ Вестник Юга (Ялта). 1912. 2, 11 апреля.
- ³⁶ Там же. 20 апреля.
- ³⁷ Там же. 2 мая.

**COMPETITORS FROM THE SOUTH
(TOURIST MARKET OF THE RUSSIAN EMPIRE
FROM THE MIDDLE TO THE END OF THE 19TH CENTURY)**

© 2022 M.I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

The author considers the influence and interaction of the main center of domestic tourism in the Russian Empire, the Black Sea coast of Crimea, with other regions of medical tourism, primarily with the «koumiss area» in the Trans-Volga region: Samara, Ufa, and Orenburg provinces. Publications in the periodicals of the «capital» of the Southern coast of Crimea, Yalta, as well as the study of advertising, demonstrate the deep interest of the business and editorial-journalistic community of Crimea in monitoring the development of competitors in the field of tourism, while not forgetting to give readers a negative assessment of them. This is especially true of the Trans-Volga region, whose range of services for the treatment of tuberculosis patients with koumiss largely coincided with the proposals of the Crimeans. On the other hand, the owners of koumiss clinics in the Trans-Volga region sought to enter the richest tourist market in Crimea.

Keywords: economy, tourism, press, Crimea, Yalta, Samara province, Ufa province.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-29-36

УДК 94(470+571)1918/1920

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
В ВОЙСКАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В 1918 – 1919 ГГ.:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

© 2022 Г.М. Ипполитов

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 26.04. 2022

В период братоубийственной Гражданской войны в России во фронтовой стадии ее протекания (1918 - 1920 гг.) зародился, окреп и утвердился военно-исторический феномен политической работы в Красной армии. Именно в том числе посредством его функционирования решалась задача укрепления воинской дисциплины в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В настоящей статье ее автор выносит на суд научной общности анализ некоторых аспектов политической работы по укреплению воинской дисциплины, проводимой в войсках советского Восточного фронта в 1918 - 1919 гг. Ядро источниковой базы исследования составили ряд делопроизводственных документов и материалов, отложившихся в отечественных архивах, а также опубликованные материалы, преимущественно документального характера. Автор опирался также на историографические наработки предшественников.

Ключевые слова: Красная армия, советский Восточный фронт, действующая армия, политическая работа, воинская дисциплина, репрессии, методы убеждения, политорганы, организации РКП (б), В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-37-49ы

*Там, где наиболее заботливо проводится
политработа в войсках, там тверже
их дух и крепче дисциплина.*

В.И. Ленин¹

Автором статьи взята в качестве эпиграфа максима, рожденная основателем Советского государства. Максима, ставшая во истину хрестоматийной, уникальной. Ведь в ней соединились воедино краеугольные камни функционирования любой воору-

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского научного центра Российской академии наук.
E-mail: ipro1953@yandex.ru*

женной силы любого государства (особенно действующей армии). Причем вне зависимости от тех или иных цивилизационных измерений.

Речь идет, во-первых, о политработе в войсках; во-вторых, о духе армии; в-третьих, о дисциплине. Не станет лишним дать краткое толкование данных ленинских краеугольных камней в форме дефиниций. Это подчеркнет их актуальность (см. табл. 1).

Таблица 1

Дефиниции краеугольных камней функционирования вооруженной силы любого государства (особенно действующей армии), содержащиеся в ленинской максиме

Дефиниция	Содержание
Политработа (политическая работа, партийно-политическая работа ²)	Идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политических органов, партийных организаций Советской армии и Военно-морского флота (СА и ВМФ). Причем, что представляется исключительно принципиальным подчеркнуть, политическая (партийно-политическая) работа являлась составной частью руководства Коммунистической партией Советского Союза (КПСС) Вооруженными силами СССР (ВС СССР)
Дух (моральный дух) армии	Состояние сознания личного состава армии, характеризующее духовную способность и готовность вооруженных сил к действиям в соответствии со своим предназначением и поставленными задачами в военное и мирное время.
Дисциплина (воинская дисциплина)	строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников)

Источники: Советская военная энциклопедия. Т.8. М.: Воениздат, 1980. С. 246; Военный энциклопедический словарь (ВЭС). М.: Эксмо, 2007. С. 573-574; 314; 683-684; 734; 735³.

Объект исследования данной работы - политическая работа в войсках советского Восточного фронта⁴. Предмет исследования - некоторые аспекты политической работы по укреплению воинской дисциплины в войсках советского Восточного фронта, проводимой в 1918 - 1919 гг. Цель исследования - обобщить опыт политической работы по укреплению воинской дисциплины в войсках советского Восточного фронта, проводимой в 1918 - 1919 гг.

Автор статьи опирался на историографические наработки предшественников, обеспечивая к ним бережное, корректное и критическое отношение⁵. Ядро источниковой базы исследования составили ряд делопроизводственных документов и материалов, отложившихся в отечественных архивах, а также и некоторые опубликованные материалы, преимущественно документального характера.

Исследование рассматриваемой проблемы следует начать с такой констатации: **состояние воинской дисциплины в войсках РККА, втянутых в братоубийствен-**

ную Гражданскую войну во фронтовой стадии ее протекания (1918 – 1920 гг.), нельзя классифицировать в качестве полностью удовлетворительного, полностью обеспечивающего выполнение объединениями, соединениями, частями задач по боевому предназначению. Не являлись здесь исключением и войска советского Восточного фронта. Так, командующий IV армии М.В. Фрунзе издал в марте 1919 г. приказ № 92/39 «О нарушениях в армии». В нем, в частности, командарм отмечал буквально следующее: «За время моего всего лишь месячного командования армией я натолкнулся на целый ряд фактов, составляющих крупные подчас нарушения порядка службы и дисциплины; случаи эти тем более странны и тем менее извинительны, что нарушителями дисциплины являются иногда лица высшего строевого командного состава и отчасти даже военные комиссары»⁶.

Подобное положение детерминировалось рядом основных факторов:

1. Фактор динамики боевых действий в

целом. Здесь проявились общие закономерности, установленные отечественной и зарубежной военной наукой. А они, в частности, гласят: уровень воинской дисциплины зависит в значительной степени от того, каков характер боевых действий (особенности ТВД⁷, климатические условия, соотношение сил и средств противоборствующих сторон и др.)⁸.

2. Фактор серьезных поражений от белой армии. Например, так называемая пермская катастрофа – сдача в ночь с 24 на 25 декабря 1918 г. частями РККА Перми и отход по линии железной дороги на Глазов. Это создало угрозу захвата белыми Вятки и крушения левого фланга Восточного фронта⁹; провальное контрнаступление Южного фронта против ВСЮР (август - сентябрь 1919 г.)¹⁰.

3. Фактор резкого ослабления морально-психологического состояния частей и

4. Фактор неудовлетворительного материально-технического и медицинского обеспечения войск. «Железные дороги, - отмечали официальные советские источники, - совершенно разрушены противником. Между Красной Армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни провести эвакуацию, ни подвести пополнение, ни организовать санитарную помощь было невозможно»¹³. Проинспектировав в апреле 1919 г. Восточный фронт, Л.Д. Троцкий доложил В.И. Ленину, что раненым не оказывалось никакой помощи, поскольку не было врачей, медикаментов, санитарных поездов¹⁴.

5. Фактор роста дезертирства в Красной армии (см. рисунок 1), в том числе и на советском Восточном фронте, существенно детерминированный факторами 1-3.

6. Фактор прямого уклонения от мобили-

Сведения о количестве дезертиров в РККА (1919 г.)

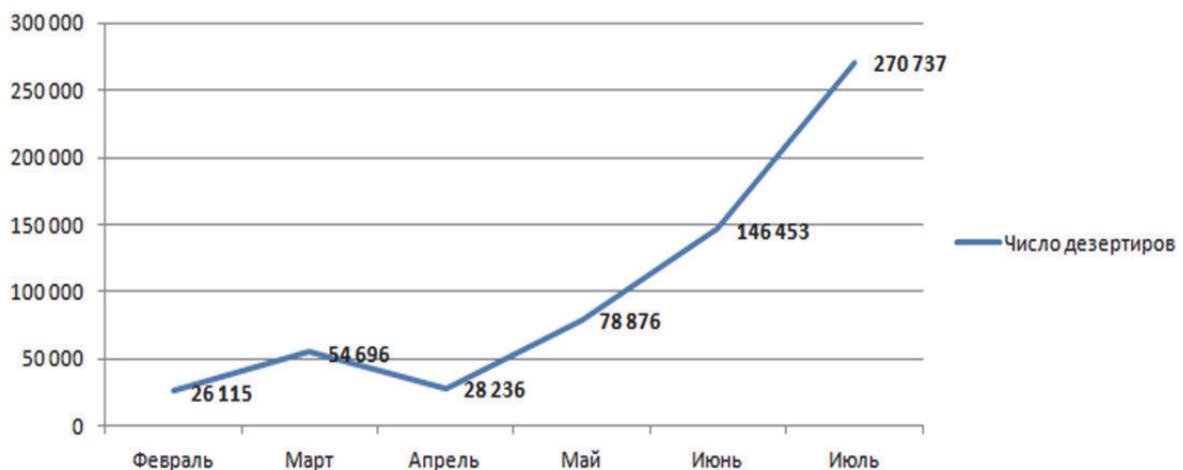


Рисунок 1¹⁵

соединений, серьезно детерминированный наличием второго фактора. Так, в составленном И.В. Сталиным и Ф.Э. Дзержинским отчете Комиссии ЦК РКП (б) по расследованию причин «пермской катастрофы»¹¹ записано буквально следующее: «Это не было, строго говоря, отходом, это было форменное беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее и сколько-нибудь учесть заранее неизбежную катастрофу»¹².

лизации в РККА. Например, общее число уклонений от призыва в армию за период с октября 1918 г. по апрель 1919 г. Когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн человек, не явилось на призывные пункты 917 тыс. человек, или 25% от общего числа граждан, подлежащих призыву¹⁶.

Дезертирство и уклонение от службы привели, в частности на советском Восточном фронте, к тому (разумеется, в комплексе с другими причинами), что, судя по материалам заседания ЦК РКП (б) 29 июля

1918 г., созданного, в том числе и для рассмотрения причин сдачи Симбирска, сформированные красные войска «показали организационную слабость и недостаточную боеспособность». Причем ЦК РКП (б) особенно подчеркнул следующее обстоятельство: «формирование частей идет наспех, у красноармейских масс имеется недостаточная политическая сознательность, они не всегда понимают смысл чехо-белогвардейского восстания и его опасность для судеб революции»¹⁷.

Разумеется, органы государственной власти и военного управления молодого Советского государства не могли смириться с подобным положением дел, ибо оно грозило развалом РККА. При этом необходимо подчеркнуть, что в комплексе мер по укреплению воинской дисциплины в красных войсках доминировали репрессии. Так, партийное и военное руководство объявило дезертиров врагами народа и перешло к решительным действиям. Для явных и заведомых дезертиров предусматривался расстрел. Причем оформилась устойчивая тенденция к перманентному ужесточению репрессий. Так, в приказе Председателя РВСР Л. Д. Троцкого № 160 по 10-й армии от 8 января 1919 г. выдвигалось требование «беспощадной расправы с дезертирами и шкурниками, которые парализуют волю 10-й армии»¹⁸.

Не явился здесь исключением и советский Восточный фронт. Именно здесь в августе 1918 г. применили по приказанию Л. Д. Троцкого (и с одобрения В. И. Ленина) принцип казни каждого десятого, взятого из строя¹⁹. Всего расстреляли 20 человек, включая комиссара и командира полка²⁰. Видимо, Председатель Реввоенсовета Республики реализовал на практике свою психологическую установку: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет

ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади»²¹.

Заметим также и то, что по инициативе Л. Д. Троцкого были созданы в Красной армии и заградительные отряды, которые расстреливали бойцов, покидавших боевые порядки войск²². И что характерно: получается, что, судя по сведениям, введенным в научный оборот Е. О. Наумовым, один из первых заградительных отрядов в Красной армии создали именно на советском Восточном фронте. В середине июля 1918 года заградительный отряд был создан по инициативе М. Н. Тухачевского в I армии (Е. О. Наумов приводит в данной связи телеграмму командарма М. Н. Тухачевского от 12 июля 1918 года на имя начальника штаба I армии И. Н. Захарова: «Примите все меры к остановлению отступающих. Назначьте линию, за которую никто не имеет права отойти. Отошедшие за эту линию будут расстреляны броневиками. Бронированный дивизион... этот вполне надежен. Он сам арестовал своего командира и Муравьева, а меня освободил»²³.

Между тем, как убедительно свидетельствует военно-исторический опыт, одними репрессиями (тем более когда они зачастую проводятся огульно) невозможно обеспечить надлежащий уровень морально-психологического состояния личного состава частей и соединений. Тот уровень, который сопутствовал бы в полной мере качественному выполнению войсками действующей армии задач по их боевому предназначению. И неправильно полагать, что органы государственной власти и военного управления применяли с целью укрепления воинской дисциплины в РККА только меры репрессивного характера. В высших эшелонах власти имелось четкое понимание того, что одними репрессиями невозможно обеспечить тот уровень воинской дисциплины, который бы смог стать цементирующим началом в деле обеспечения высокого уровня боеспособности частей и соединений Красной армии. Например, Пленум ЦК РКП (б) 13 апреля 1919 г. рассмотрел вопрос об усилении

лении борьбы с дезертирством. Политбюро ЦК 23 апреля своим решением обязало «развернуть самую широкую агитацию против дезертиров»²⁴.

И подобная политическая линия стала настойчиво претворяться в жизнь. Так, командующий IV армией Восточного фронта М.В. Фрунзе в приказе № 92/39 от 3 марта 1919 г. отмечал буквально следующее: «... современная дисциплина тем и отличается от дисциплины прежней армии, что, основываясь не на одном лишь чувстве страха перед ответственностью и сопряженными с ней карами, дисциплина Красной Армии зиждется главным образом на высоком чувстве сознания революционного долга. Это обстоятельство должно класть резкий отпечаток на всех действиях и поступках каждого военнослужащего, вынуждая его, вполне сознательно и добровольно, соблюдать точную исполнительность и беспрекословное повиновение всем законным требованиям»²⁵.

Внедрили в практику, к примеру, новую интересную форму (это нашло отражение в отдельных справках и отчетах, сохранившихся в делах РВСР) – публикация в советской периодике списков тех, кто дезертировал из частей и соединений действующей армии и кого признали в данной связи так называемыми злостными дезертирами. Причем к таким спискам прилагался перечень наказаний, применявшихся к их семьям. Одновременно дезертиров стали призывать к добровольной явке, а семьи – воздействовать на уклоняющихся от военной службы в рядах Красной армии²⁶. Стали практиковать и рассмотрение уголовных дел дезертиров в открытых судебных заседаниях революционных военных трибуналов. Причем, на эти мероприятия привлекалось большое количество зрителей. На такие открытые судебные заседания Революционных военных трибуналов, судя по сведениям, почерпнутым из аналитических документов, подготовленных в аппарате Реввоенсовета Республики, привлекались в обязательном порядке представители частей РККА, дислоцировавшихся в

соответствующих гарнизонах. Под конвоем доставлялись на подобные мероприятия и дезертиры, которые пока что содержались в местах временного заключения. В целом на открытых судебных заседаниях революционных военных трибуналов, о которых речь идет выше, создавалась, судя по сведениям, почерпнутым из аналитических документов, подготовленных в аппарате РВСР, обстановка торжественности и эмоционального накала, что обеспечивало некоторый воспитательный эффект²⁷. Относительно часто практиковалась в городской и сельской местности такая неординарная форма работы: дезертиров привлекали к ответственности посредством «судов-митингов». Что характерно: приговоры на этих «судах-митингах» отличались мягкостью. Подсудимым определяли, как правило, условную меру наказания и предлагали незамедлительно отправиться на фронт, где «искупить свою вину перед трудовым народом»²⁸.

Видимо, неслучайно во второй половине 1919 г. было казнено по всей РККА всего лишь 612 дезертиров²⁹. Думается, что здесь рельефно проявилась на практике ленинская максима: «Убеждать, завоевывать, управлять»³⁰.

Анализ историографических и исторических источников показывает следующее: своего рода задающими генераторами в организации политической работы по укреплению воинской дисциплины стали в войсках советского Восточного фронта политические органы соединений и объединений, а также и войсковые организации РКП (б). Политические органы, созданные в 1918 году, в плане их функционирования стали в конечном итоге носить двойственный характер: с одной стороны – руководящие партийные органы РКП (б) в Красной армии объединяли всех армейских коммунистов³¹; с другой стороны – в военно-административном отношении подчинялись соответствующему армейскому командованию³².

Что характерно: политорганы были вынуждены в борьбе за укрепление воинской дисциплины (особенно в войсках действу-

ющей армии) смещать часто акценты на ее военно-административные аспекты. Подобное детерминировалось тем, что в рассматриваемой деятельности политические органы и делили ответственность за ее результаты (в отличие, например, от организационно-партийной работы), в первую очередь с реввоенсоветами оперативных объединений, военными комиссарами, командирами и начальниками всех рангов и степеней, а также со штабами и тыловыми учреждениями. Кстати, это вытекало в том числе и из двойственного характера политорганов. Как следствие, политические органы стали зачастую здесь даже дублировать деятельность командиров и штабов. Более того, имели место случаи, когда отдельные политорганы действующей армии присваивали себе даже некоторые карательные функции, присущие правоохранительным органам и учреждениям РККА³³. Это явно выходило за пределы их функций. Здесь ярко прослеживается специфика именно российской братоубийственной Гражданской войны.

Следует подчеркнуть, что сказали свое веское слово в данной связи и армейские партийные организации РКП (б). Так, текстологический анализ резолюции 3-й армейской конференции коммунистических ячеек 1 армии Туркестанского фронта (14 страниц текста), проходившей в начале 1919 г., показывает, что делегаты полностью поддержали политическую линию советской власти и правившей в РСФСР компартии о проведении красного террора, потребовали также жесткой расправы с паникерами, трусами, грабителями и пр.³⁴

Однако постепенно политические органы и организации РКП (б), в том числе и советского Восточного фронта, стали практиковать формы и методы работы, в которых уже не доминировали военно-административные начала. В первую очередь улучшилось использование потенциала коммунистов в деле борьбы за укрепление воинской дисциплины. Положительные результаты не заставили себя долго ждать:

- политотдел II армии докладывал в марте 1919 г. во фронтовой политотдел следующее: в 28-м кавалерийском полку на состояние воинской дисциплины оказывали отрицательное влияние анархисты. Но вскоре их главари были выявлены и изгнаны. В полк послали 25 коммунистов, прибывших по мобилизации. Они усилили политработу. «Влияние анархистов упало, полк постепенно становится дисциплинированной, боевой единицей»³⁵;

- член Реввоенсовета Восточного фронта С.И. Гусев писал в своем донесении 15 апреля 1919 г. о том, что в связи с тяжелыми боями, которые вел 227 полк 26 стрелковой дивизии политико-моральное состояние личного состава было плохое, но «с прибытием партийного пополнения улучшилось»³⁶.

В интересах достижения требуемого уровня воинской дисциплины политические органы и ячейки РКП (б), функционировавшие в войсках советского Восточного фронта, резко усиливали агитационное воздействие на красноармейскую массу (причем во всех формах). Особенно в тяжелой оперативно-тактической обстановке и при резком падении уровня морально-психологического состояния личного состава частей и соединений. Здесь было определено направление сосредоточения основных усилий – устная агитация. Причем выбор ее форм детерминировался исключительно низким уровнем грамотности красноармейцев в красных войсках. Было учтено здесь и то, что устная агитация являлась действенной в общении командования с широким кругом рядовых бойцов (уместно напомнить в данной связи мысль В.И. Ленина о том, что личное воздействие и выступление на собраниях «в политике страшно много значит»³⁷). Так, в период напряженных наступательных боев III армии среди личного состава провели следующие беседы: «Советская власть», «Значение и развитие Красной Армии», «Для чего велись войны прежде и сейчас», «Значение гражданской войны», «Отношение Советской

власти к среднему крестьянству», «Отделение церкви от государства» и др.³⁸

Ведущее место в агитационной работе по укреплению воинской дисциплины заняли агитационные плакаты, листовки, воззвания, тексты, литературный стиль которых отличался краткостью, целеустремленностью, легкостью восприятия и запоминания. Например, текстологический анализ листовки «О Чапаеве», изданной политотделом Южной группы армий Восточного фронта, показывает, что в ней эмоционально и очень доступно излагается жизненный путь В.И. Чапаева, военачальника, ставшего в советское время легендарным. Листовка призывала брать пример с него, быть таким же бесстрашным и смелым³⁹. Причем листовки выпускались в большом количестве. Так, только за апрель - май 1918 г. политотдел Южной группы войск Восточного фронта распространил в войсках до 56 названий различных листовок и плакатов в количестве 1 800 000 экз.⁴⁰

Показательно здесь (в плане воздействия на умы и сердца красных воинов) обращение к войскам южной группы войск Восточного фронта ее командующего М.В. Фрунзе от 10 апреля 1919 г. Приведем его полностью.

«На Колчака!

Солдаты Красной Армии!

Внимание трудовой России вновь приковано к вам. С затаенным вниманием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на востоке.

Здесь в лице Колчака помещиками и капиталистами ставится последняя ставка. Надежды богачей на прочих кандидатов в цари – украинского пана гетмана Скоропадского, донского атамана Краснова, царского генерала Деникина – разлетелись прахом. Геройские армии Южного и Украинского фронтов очистили почти весь юг России от банд белогвардейских разбойников и поддерживающих их французских, английских и греческих наемников.

Херсон, Николаев, Одесса, Крым вновь возвращены трудовой России.

Красное знамя развевается над всей великой российской равниной вплоть до берегов Азовского и Черного морей. Казалось, что отныне народ наш, истомленный непрерывной тяжелой борьбой, сможет свободно вздохнуть и приступить к мирному труду. Но момент торжества опять удален временными неудачами нашего оружия на Востоке.

Чужая близость позорного конца, видя рост революции на Западе, где одна страна за другой поднимают знамя восстания, колчаковцы делают последние усилия. Собрав и выучив на японские и американские деньги армию, заставив ее слушаться приказов царских генералов путем расстрелов и казней, Колчак мечтает стать новым державным венценосцем.

Этому не бывать. Армия Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не допустит торжества паразитов. Слишком велики жертвы, принесенные рабочим классом и крестьянством. Слишком много крови пролито ими, чтобы теперь, накануне своей полной победы, позволить врагу вновь сесть на плечи трудового народа.

Дело идет о его настоящем и будущем. Не место малодушию и робости в наших рядах перед лицом неудач. Эти неудачи временны и объясняются главным образом тем, что нам пришлось отвлечь часть сил наших на Южный фронт. Ныне наша задача близка к завершению, и глаза России вновь обратились к нам на восток.

Помощь идет. Вперед же, товарищи, на последний решительный бой с наемником капитала – Колчаком!

Вперед, за счастливое и светлое будущее трудового народа!

*Командующий войсками Южной группы Восточного фронта – Михайлов-Фрунзе».*⁴¹

Для пропаганды, которую вели политические отделы армий, дивизий, бригад Восточного фронта, организовывалась коллективная и индивидуальная читка газет⁴². Прочно вошла в практику передача газет из рук в руки. Тем самым обеспечивалось

многократное их использование. При этом особенное внимание уделялось тем газетным материалам, в которых обосновывалась необходимость сознательной воинской дисциплины в массе красных бойцов. Подобная практика всецело одобрялась ЦК РКП (б). Так, в одном из писем Центрального комитета большевистской компартии, адресованных Реввоенсовету ВС Восточного фронта, содержится такое предложение: шире использовать статьи, опубликованные в «Правде», «Бедноте», «Известиях»⁴⁵.

Здесь необходимо подчеркнуть одно принципиальное обстоятельство: при помощи ЦК РКП (б) Политическое управление Реввоенсовета Республики создавало свои газеты в действующей армии. Одной из первых стала газета «Красноармеец-коммунист», которая возникла на так называемом Уральском фронте, войска которого послужили вскоре основой для формирования IV армии Восточного фронта⁴⁴. Несколько позже появились красноармейские газеты в III армии. В I армии выходила газета «Набат революции»; во II армии – «Известия 2-й армии» («Красный воин»).

Более того, наличие в РККА венгров, поляков, чехов и других воинов-интернационалистов привело к созданию красноармейской печати на их языках. К концу 1918 г. в III армии издавались газеты на чешском, венгерском, немецком, китайском и румынском языках⁴⁵. На Восточном фронте чувашская секция политотдела V армии издавала газету «Голос пролетариата» (на чувашском языке)⁴⁶. Выходила регулярно, три раза в неделю, на татарском языке газета I армии⁴⁷.

При этом необходимо подчеркнуть, что литературный стиль пропагандистских тезисов отличался исключительной простотой изложения, рассчитанной на низкий уровень грамотности красных бойцов (даже практиковался такой простой, но в чем-то и оригинальный способ – печатание крупным шрифтом речевых конструкций «ударного» характера).

Небезынтересно, что армейские газеты размещали на своих страницах не только ак-

туальный пропагандистский материал, но еще стремились обеспечить обратную связь со своими читателями – рядовыми красноармейцами. Так, заведующий политотделом V армии И. Чугурин сообщал в декабре 1918 г. о том, что издаваемая в 26 стрелковой дивизии «Окопная правда» «пользуется большой популярностью у красноармейцев, которые сами сотрудничают с нею»⁴⁸, а в отчете политотдела III армии за 1918 г. отмечается, что сотрудниками газет являлись сами красноармейцы, которые «помещали в газеты свои статьи, стихи, письма, заметки, рисовали карикатуры»⁴⁹.

Силами политорганов советского Восточного фронта сложилась практика чтения политических лекций, преследовавших главную цель – вооружить бойцов элементарными политическими знаниями. Это, по замыслу организаторов, помогло бы красноармейцам уяснить военно-политическую обстановку и обеспечило бы более глубокое понимание политики РКП (б), что в свою очередь оказало позитивное влияние и на течение процесса укрепления сознательной воинской дисциплины⁵⁰. Причем в январе 1919 г. политический отдел II армии Восточного фронта смог собственными силами и средствами разработать тезисы и конспекты лекций, предназначенных для помощи лекторам, и издать их типографским способом, о чем и доложил в Реввоенсовет Республики⁵¹.

В интересах укрепления воинской дисциплины использовали и процесс функционирования войсковых библиотек. Так, в начале октября 1918 г. прошло собрание военных комиссаров V армии (созвано по инициативе политического отдела армии). В принятом на нем решении военкомам вменили в обязанность организацию библиотек при каждой части с отделениями в ротах⁵². Как следствие, на Восточном фронте (к концу 1918 г.) создали красноармейские библиотеки почти во всех частях⁵³. Нашли применение и так называемые ранцевые библиотеки. Они насчитывали, по данным, предоставлявшимся политорганами дей-

ствующей армии в Политуправление РВСР, «150-200 экземпляров книг, которые через 2-3 месяца обменивались на другой комплект книг»⁵⁴.

В то же время нельзя не отметить одно принципиальное обстоятельство: читательские запросы красноармейцев находились под жестким контролем. И это, собственно говоря, выглядит естественным в свете директив советской власти и правившей в РСФСР компартии большевиков. Например, на I-м съезде политработников РККА (проходил в декабре 1919 г.) указывалось, что библиотека в качестве центра культуры «обязана иметь в своем книжном составе все лучшее, бодрое, зовущее на борьбу, из художественной литературы, а также все ценное из литературы по научным вопросам»⁵⁵. Поэтому Политуправление Реввоенсовета Республики разрабатывало специальные списки книг, подлежащих распространению, а также не соответствующих «заданиям советской власти»⁵⁶. Последние подлежали изъятию. Политические органы, в том числе и Восточного фронта строго придерживались таких списков.

В целом можно констатировать, что политическая работа по укреплению воинской дисциплины в войсках советского Восточного фронта сопутствовала, причем в значительной степени, тому, чтобы боеспособность частей и соединений повысилась. Одним из подтверждений тому является то, что 8 марта IV армия успешно начала наступление, рассеяв и отбросив противника на 120 километров к югу от Уральска. В короткий срок были изжиты расхлябанность, пережитки партизанщины, наблюдавшиеся ранее в частях IV армии. Она быстро окрепла и стала способной выполнять важные боевые задачи⁵⁷. Неслучайно к началу марта 1919 г. войска советского Восточного фронта (командующий С. С. Каменев) освободили обширную территорию Южного Урала и своим центром вышли к предгорьям Среднего Урала⁵⁸.

Однако в организации политической работы по укреплению воинской дисциплины

в войсках советского Восточного фронта имелись и недостатки:

во-первых, не хватало порою оперативности и гибкости при резких сменах боевой обстановки (особенно в худшую сторону);

во-вторых, не всегда обеспечивались личный пример и ответственность всех коммунистов. Более того, имели место случаи отрыва коммунистов от красноармейской массы. Например, в обзоре политической работы на Восточном фронте за январь - февраль 1919 г. зафиксировано, что в одной из частей IV армии коммунисты устроили столовую и не пускали туда красноармейцев, чем последние были возмущены. Политотдел армии принял решительные меры и доложил, что инцидент этот исчерпан и теперь «столовая доступна для всех»⁵⁹;

в-третьих, политорганы и организации РКП (б) не смогли оказать радикально позитивного политического влияния на повышение эффективности и качества решения задач материально-технического и бытового обеспечения личного состава частей и соединений всем необходимым;

в-четвертых, при применении репрессий не всегда обеспечивался соответствующий уровень гласности.

Таким образом, выглядит логичным то, что кроме обеспечения реализации на практике политической линии на укрепление воинской дисциплины посредством жесточайших репрессий в политической работе, проводимой в войсках советского Восточного фронта, уделялось соответствующее внимание и практике методов убеждения с привлечением различных форм и методов.

Разумеется, не все здесь получалось у политических органов и организаций РКП (б) частей и соединений действующей армии. Имелись недостатки, которые привели в конечном итоге к тому, что уровень воинской дисциплины был все-таки не столь высоким, каковым он должен был быть в войсках с точки зрения военно-исторического опыта. Тем не менее тот факт, что войска советского Восточного фронта одержали в конечном итоге внушительные победы над

белой армией, позволяет заключить следующее: политическая работа по укреплению воинской дисциплины, проводимая в войсках советского Восточного фронта, стала одним из условий достижения победы над противником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 56.

² Спрашивается, почему употребляется два термина – политическая работа и партийно-политическая работа? Дело в том, что изначально появились термины «политическая работа», «политработа». В частности, они фигурируют в военной переписке В.И. Ленина (См., например: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51.С. 328). Отдельно фигурировал также в документах того времени термин [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.157.Оп. 2. Д. 160. Л.99] «политическо-просветительная работа» (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 49.), «культурно-просветительная работа» (РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 1.). После окончания российской Гражданской войны утвердился термин «партийно-политическая работа». Небезынтересно, что в молодой советской историографии первой половины 1920-х годов предпринимались попытки вывода ее дефиниции «партийно-политическая работа». Так, Л.С. Дегтярев писал, что партийно-политическая работа в РККА в 1918- 1920 гг. представляла собой «своеобразное сочетание внутривартийной, политико-просветительной, административно-политической и организационно-политической работы» (Дегтярев Л.С. Политработа в Красной армии. М.; Л., 1925. С. 5.). С точки зрения современного уровня накопления исторических знаний подобная дефиниция в основном охватывает сущность и содержание военно-исторического феномена «партийно-политическая работа» (в современной его трактовке). Ниже в статье термины «политическая работа», «партийно-политическая работа», «политработа» употребляются на равных основаниях. Хотя заметим, что некоторые различия (правда, несущественные) в них все-таки имеются.

³ Более подробно см., например: О серьезных недостатках в работе партийных организаций и политорганов Одесского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота по приему в партию и воспитанию молодых коммунистов: постановление ЦК КПСС 22 июня 1965 г. // КПСС о Вооруженных Силах Советского

Союза. М.: Воениздат, 1969. С. 377-378; О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте: постановление ЦК КПСС 21 января 1967 г. // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1981. С. 414-417; Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918–1973 гг.): исторический очерк. М.: Воениздат, 1974. 394 с.; Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: историко-теоретический очерк. М.: Воениздат, 1983. 344 с.; Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк. М.: Воениздат, 1984. 432 с.; Семенов И.П. Духовный потенциал войск и сил флота // Военная мысль. 1985. С. 67-76; Волков И.Н. В чем сущность воинской дисциплины // Военная мысль. 2002. № 3. С. 63–66; Ильичев Н.М. К вопросу о сущности воинской дисциплины // Военная мысль. 2003. № 12. С. 60–63; Шаваев А.Х. Военная мощь государства и ее взаимосвязь с политикой // Военная мысль. 2010. №3. С. 58-71; Воронов В.Н. К вопросу о моральном духе в войне /В.Н. Воронов, Г.М. Ипполитов//Мир образования — образование в мире. Научно-методический журнал. 2014.№4 (60).С.15-21; Арзамаскин Ю.Н. Воинская дисциплина в Вооруженных Силах России (XVIII – XX вв.): учеб. пособие / Ю.Н. Арзамаскин, Л.А. Бублик, В.Д. Петров; под общ. ред. И.И. Ефремова. М.: ВУ, 2000. 308 с.; Мальцев Л.С. Деятельность органов военного управления по поддержанию и укреплению воинской дисциплины. Минск: Прогресс, 2002. 140 с.

⁴ Восточный фронт РККА – оперативно-стратегическое объединение советских войск во время российской Гражданской войны. Сформирован 13 июня 1918 года на восточном направлении (постановлением СНК). Расформирован 15 января 1920 года [Директивы Главного командования Красной Армии (ДГКА). М.: Воениздат, 1969. С. 597-598]. Армии Восточного фронта РККА (1-я; 2-я; 3-я; 4-я; Туркестанская армия; Запасная армия Республики) участвовали в боевых действиях в Среднем Поволжье, Прикамье и на Урале против Чехословацкого корпуса, Народной армии КОМУЧа, Сибирской армии, армий русского Восточного фронта адмирала А.В. Колчака. В 1919 году заняли предгорья Урала, а затем всю Сибирь. Командующие армиями фронтов: М.А. Муравьев (июнь - июль 1918), И.И. Вацетис (июль - сент. 1918), С.С. Каменев (сент. 1918 - май 1919, май - июль 1919), А.А. Самойло (май 1919), П.П. Лебедев (июль 1919), М.В. Фрунзе (июль - авг. 1919), В.А. Ольдерогге (авг. 1919 - янв. 1920) [см., напри-

- мер: *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М.: Наука, 1969. – 280 с.; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 352 с.; *Агеев А.* Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 года. // Военно-исторический журнал (ВИЖ).1982. № 3. С. 66-73; *Агеев А.* Оборона войск Красной Армии на Восточном фронте весной 1919 года. // ВИЖ.1984. № 10. С. 75-81; Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918–февраль 1921 гг. : Сб. док. и материалов. Ашхабад: Ылым, 1972. 285 с.; В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920). Сб. док. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. 416 с.; М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. Куйбышев: Кн. изд-во, 1985. 272 с.; *Ганин А.В.* Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // ВИЖ, 2016. №8. С. 14-18 и мн. др.].
- ⁵ *Колычев В.Г.* Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918-1920. М.: Наука, 1979. 407 с.; *Капитонов А.Г.* Партийно-политическая работа в частях Красной Армии Восточного фронта в 1918 - 1919 годах // Куйбышевский авиационный ин-т. Труды Вып. 65. Куйбышев [Б/и], 1975.С. 29-45; *Семькин В.А.* Организационно-партийная работа политических органов и партийных организаций РКП (б) действующей армии в 1918-1920 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 451-457; *Кисилев А.С.* Партийно-политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции / А.С. Кисилев, С.Д. Половецкий // Военный академический журнал.2019. №1 (21). С.51-59; *Фоменцов, В. В.* Некоторые аспекты организаторской и партийно-политической работы властных структур по укреплению воинской дисциплины в Красной армии (1918 - 1920 гг.): историческое исследование. Вольск: ВВТУТ, 2006. 86 с.; *Константинов С.Н.* Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Восточного фронта в годы военной интервенции и гражданской войны. 1918 – 1920 гг.: Дис ...канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1990. 247 с.; *Ситников В.В.* Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918–1919 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2008. 299 с.; *Наумов Е.О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2017. 291 с. и др.
- ⁶ *Фрунзе М.В.* Военная доктрина Красной армии / Ред. Селин О.В. М.: Родина, 2018. 240 с. [Электронный ресурс] ЛИТМИР. Электронная библиотека [сайт] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=615601&pr=2> (дата обращения: 24.04.2022).
- ⁷ *ТВД* – театр военных действий. Как синоним термину «ТВД» в основном в иностранной литературе используется понятие «театр войны» (см. ВЭС. М.: Эксмо, 2007.С. 903).
- ⁸ См., например: *Энгельс Ф.* Армия //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.14. С. 5-50; *его же.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 170-178; *Какурин Н.* Как сражалась революция. Т.1. 1917 – 1918. – 2-е изд. уточн. М.: Политиздат, 1990. С.105-126;190-208; Т. 2. 1919 - 1920. 2-е изд. уточн. М.: Политиздат, 1990. С. 115-132; Актуальные проблемы укрепления морального духа социалистических армий. М.: ВПА, 1989. 388 с.; *Золотарев В.А.* Военная история России / В.А. Золотарев, О.В. Саксонов, С.А. Тюшкевич. М., 2003. 736 с.; *Дудник В.М.* Оружие, которое всегда с нами (о морально-политическом потенциале и политико-моральном состоянии войск). М.: ВПА, 1990. 32 с. *Инполитов Г.М.* Из истории генезиса Красной армии (ноябрь 1917 - первая половина 1918 гг.) // Клио. Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2017. № 2(122). Февраль. С. 134-143 и др.
- ⁹ См., например: *Федоров А.М.* Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М.: Гос. воен. издат., 1939. 191 с.; *Праздников Н.Ф.* Борьба за Пермь: пермские события в Гражданской войне. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. 194 с.; *Войтиков С.С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 19-25, и др.
- ¹⁰ Данное контрнаступление захлебнулось, а Вооруженные силы Юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина (по состоянию на начало октября 1919 г.) взяли под свой контроль территорию 16-18 губерний и областей. А это около 810 тыс. кв. км. площади, на которой проживало 42 млн чел. (более подробно см., например: История гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. Март 1919 г.- февраль 1920 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959. С. 216–227).
- ¹¹ Эта комиссия работала в январе 1919 г. – Г.И.
- ¹² Отчет комиссии ЦК Партии и Совета Обороны

- товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 года //Правда. 1935. 16 янв.
- ¹³ Военная наука и революция. Кн. 1. М.: Гос. воен. изд-во, 1921. С. 91-92.
- ¹⁴ См.: *Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918 - 1924. М.: Изд. дом Захаров, 2005. С. 78.
- ¹⁵ Диаграмма разработана на базе анализа специальной литературы: *Оликов С.* Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л.: Изд. воен. тип. Управ. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. С. 30-31; *Муклевич Р.* Политработа в боевой обстановке. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. С. 11; *Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 3. С. 77. Попутно заметим, что дезертирство из рядов РККА продолжалось и после завершения фронтовой стадии российской Гражданской войны. Так, в 1922 г., согласно сведениям из отчетных документов, отложившихся в РГВА, дезертировало из армии 112 224 человека (в том числе 3 763 человека из числа комсостава) [РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 285.Л. 246-248].
- ¹⁶ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. Т. 4. М.: Высш. воен. ред. совет. 1933. С. 133.
- ¹⁷ *Аникеев В.В.* Деятельность ЦК РСДРП (б) – РКП (б) в 1917 - 1918 годах. Хроника событий. М.: Мысль, 1974. С. 349.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 13. Л. 12.
- ¹⁹ Так называемая децимация – высшая мера дисциплинарных наказаний в армии Древнего мира, представляющая собой смертную казнь каждого десятого по жребью. См., например: Революция и гражданская война в России: 1917-1923 гг. Энциклопедия в 4 томах. Т. 3. М.: Терра, 2008. С. 316.
- ²⁰ Реввоенсовет Республики. М.: Политиздат, 1991. С. 48-49.
- ²¹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. С. 401.
- ²² *Троцкий Л.Д.* Вокруг Октября. М., 1924. 16 с. *Боевой порядок* – построение (расположение) соединений, частей и подразделений с их средствами усиления для ведения боя (см.: ВЭС... С. 121-122)
- ²³ *Наумов Е.О.* Указ. соч. (дис.). С. 219.
- ²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 3. Л. 2.
- ²⁵ *Фрунзе М.В.* Военная доктрина Красной армии /Ред. Селин О.В. М.: Родина, 2018. 240. [Электронный ресурс] ЛИТМИР. Электронная библиотека [сайт] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=615601&p=2> (дата обращения: 25.04.2022.
- ²⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 543. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Д. 569. Л. 34.
- ²⁸ Там же. Л. 34, 38, 111.
- ²⁹ *Оликов С.* Указ. соч. С. 33.
- ³⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 65. Автор статьи полагает, что в выработке курса власти на применение мер убеждения в борьбе за крепкую воинскую дисциплину в войсках многое зависело от принципиальной позиции В.И. Ленина. Да, он являлся не только сторонником, но и проводником в жизнь политики репрессий в Красной армии. Так, выступая на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., председатель Совнаркома сказал, что расстрелы в армии в целях укрепления воинской дисциплины и правопорядка большевики «ввели сознательно». Причем В.И. Ленин подчеркнул, что таких расстрелов «не видело даже прежнее правительство» (имеется в виду царское – Г.И.) [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.С. 56]. Но основатель Советского государства не считал насилие постоянным и тем более главным средством поддержания боеспособности войск. Он по крайней мере декларировал в период Гражданской войны такие тезисы: «сначала убедить, потом принудить» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 216]; «...дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали» [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88]. Это еще раз подтверждает то, что к В.И. Ленину как к государственному и политическому деятелю периода Гражданской войны неприемлемы односторонние диаметрально противоположные оценки.
- ³¹ В начале января 1919 г. ЦК РКП (б) подтвердил, что политотделы являются партийными органами (Инструкция ЦК РКП (б) партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла, 5 января 1919 г. // Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 - февраль 1919): документы. М.: Воениздат, 1961. С. 50).
- ³² Об утверждении единой структуры политорганов Красной Армии. Приказ Революционного военного совета Республики № 117 от 22 января 1920 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 54–54 об.
- ³³ *Инполитов Г.М.* «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 - декабрь 1920 гг.):

- опыт компаративного анализа. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2005. С. 306-307; 309.
- ³⁴ Резолюция 3-й армейской конференции коммунистических ячеек первой армии Турк-фронта. [Б. м.], 1919. 14 с.
- ³⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 148. Л. 49.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 560. Ч. 2. Л. 113.
- ³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 54.
- ³⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 162. Л. 70.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 55. Л. 7.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 190. Л. 16.
- ⁴¹ Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т.1. М.: Воениздат, 1957. С. 166-167.
- ⁴² Что представляется принципиальным подчеркнуть: огромная масса газетной продукции поступала в Красную армию. Только во второй половине 1919 г. в РККА ежедневно отправлялось 520 674 экземпляра центральных газет (около половины общего тиража) [см.: Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. С. 136-137]. Всего же с марта 1919 г. по февраль 1920 г. совокупный тираж газет для Красной армии составил 142 515 460 экз. [Молчанов Л.А. Указ. соч. С. 137].
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 67. Л. 554.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 594. Л. 5.
- ⁴⁶ Там же. Д. 190. Л. 3.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 4. Д. 8. Л. 114.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 561. Л. 2.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 594. Л. 5.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 174. Л. 30-32.
- ⁵¹ Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 149. Л. 10.
- ⁵² Там же. Ф. 9. Оп. 13. Д. 97. Л. 385.
- ⁵³ Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918–1973 гг.): исторический очерк. М.: Воениздат, 1974. С. 64.
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 53. Л. 86.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 13. Д. 701. Л. 61.
- ⁵⁶ Там же. Оп.12. Д. 27. Л. 9-10, 20.
- ⁵⁷ История Гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. - февраль 1920 г.). М.: Госполитиздат, 1959. С. 93-94.
- ⁵⁸ Гражданская война в СССР. Т.2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922). М.: Воениздат, 1986. С. 56.
- ⁵⁹ Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919–1920 гг.): документы. М.: Воениздат, 1964. С. 229.

POLITICAL WORK TO ESTABLISH MILITARY DISCIPLINE IN THE TROOPS OF THE SOVIET EASTERN FRONT IN THE 1918-1919: SOME ASPECTS

© 2022 G.M. Ippolitov

Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

The military-historical phenomenon of political work in the Red Army was born, matured and established itself during the period of the fratricidal Civil war in Russia, at its frontline stage (1918 - 1920). It was developed to solve the problem of strengthening military discipline in the Workers' and Peasants' Red Army. The author discusses some aspects of political work to strengthen military discipline in the troops of the Soviet Eastern Front in 1918-1919. The core of the source base of the study is represented by official documents from the Russian archives, as well as published documentary materials. The author also relied on the historiographical works of his predecessors.

Keywords: Red Army, Soviet Eastern front, field force, political work, military discipline, repressions, methods of persuasion, political bodies, organizations of Russian Communist Party (Bolsheviks), V.I. Lenin, L.D. Trotsky.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-37-49

*Georgy Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Department of History and Archaeology.
E-mail: ippo1953@yandex.ru*

УДК 94 (47+571)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВЕДОМСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГГ.: К ТИПОЛОГИИ «ЛОББИСТСКИХ ГРУПП» В СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ СИСТЕМЕ. ЧАСТЬ I

© 2022 А.В. Захарченко

Общеобразовательная школа при Посольстве России в Венгрии, г. Будапешт

Статья поступила в редакцию 10.10.2022

В статье анализируются механизмы коллективных действий участников ведомственной борьбы по отстаиванию своих хозяйственных интересов. Хронологически исследование охватывает 1945-1950-е годы. Специфика данного периода определяется конверсионным переходом, в ходе которого все отрасли советской экономики были адаптированы к работе в мирное время. Борьба наркоматов-министерств за более приемлемые условия выполнения хозяйственных обязательств вынуждала их руководителей создавать неформальные объединения, которые автор называет «лоббистскими группами». Они формировались для защиты интересов той отрасли, которую представляли. В статье предлагается типология таких групп исходя из анализа материалов переписки хозяйственных ведомств с заместителями И.В. Сталина в правительстве, от которых зависел успех той или иной инициативы отраслевых лоббистов.

Ключевые слова: Послевоенное развитие СССР, плановая система, наркоматы, министерства, Госплан, Совет Министров СССР, межведомственные конфликты, И.В. Сталин, Н.А. Вознесенский, Л.П. Берия, лоббистские группы.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59

После окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны первостепенными задачами для Советского Союза являлись восстановление разрушенного хозяйства на западе страны, решение вопросов разбалансировки отраслей экономики в результате ее милитаризации и приоритета военных расходов над гражданскими секторами в 1941-1945 гг., разработка перспектив развития на четвертую (1946-1950) и последующие пятилетки. Еще до открытия российских архивов западные специалисты, опиравшиеся на официальные данные советской статистики, отмечали, что восстановление народного хозяйства в условиях выхода из войны осуществлялось быстрыми темпами, при этом во внимание принимался и фактор тех материальных ресурсов, которые для советской промышленности были получены посредством репараций с

побежденных стран бывшей гитлеровской коалиции¹. В основе своей базовые принципы советской экономической модели остались в послевоенные годы неизменными, поскольку сама система сложилась еще в 1930-х гг. Прежде всего это использование административных и репрессивных методов управления экономикой. Не изменилась и цель экономической политики – приоритетное и максимально быстрое развитие тяжелой промышленности².

Как полагает О.В. Хлевнюк, тяжелая экономическая обстановка, связанная с острой нехваткой материальных и людских ресурсов при напряженных плановых заданиях, заставляла хозяйственных исполнителей активнее бороться за дополнительные преференции, проявляя «ведомственный эгоизм»³. В этой связи актуальным остается вопрос о механизмах функционирования советской плановой системы в условиях выхода из войны, адаптации к новым реалиям, связанным с конверсионным переходом.

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, учитель истории и обществознания. E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

В это понятие мы вкладываем следующий смысл: конверсионный переход - процесс реорганизации производства и управления народным хозяйством, адаптации всех его отраслей, и прежде всего военно-промышленного комплекса к работе в условиях мирного времени. Данный процесс характеризовался следующими изменениями: сокращением производства обычных вооружений; переводом значительной части мощностей традиционных отраслей оборонной промышленности (танковая, авиационная, промышленность боеприпасов и вооружений) на гражданский выпуск и увеличением его доли в экономике страны. Гражданским ведомствам увеличили капиталовложения, под их управление передавалась часть предприятий, входивших в годы войны в оборонный сектор народного хозяйства. Однако начавшееся противостояние с западом («холодная война») добавило к указанным изменениям еще одно – сокращение производства обычных вооружений, которое сопровождалось увеличением инвестиций на разработки новых образцов боевых систем, связанных с передовыми технологиями в радиолокации, реактивной технике, атомной промышленности, ресурсов на которые не жалели.

При рассмотрении конфликтов между хозяйственными исполнителями, вступавшими в столкновение друг с другом за ресурсы, возникает несколько вопросов. Какие формы объединений для более эффективных действий в этой ведомственной борьбе существовали в условиях послевоенного периода в советской экономике? Каково содержание этого процесса, из каких интересантов формировались подобные союзы?

Для ответа нам необходимо вернуться к проблеме функционирования советской плановой системы как таковой.

Исследовательские подходы к объяснению принципов функционирования плановой системы СССР

В качестве рабочего понятия «плановая система» мы будем использовать определение, данное Ю. Ольсевичем и П. Грегори.

Плановую систему они характеризовали как «систему народного хозяйства, в которой определяющую роль играют взаимосвязанные централизованные директивные задания предприятиям на более или менее длительный срок, обеспеченные централизованным снабжением <...> и сбытом»⁴.

Авторы выделяют три элемента этой системы: 1) инфраструктурный (организации); 2) технологии составления планов; 3) технологии выполнения планов. Сразу отметим, что в целом такой подход к анализу структуры нам представляется верным. Вопрос заключается в том, каково содержание процессов, происходивших в данной системе?

Первым элементом - *центром инфраструктуры планирования* - выступал Госплан, опиравшийся на плановые подразделения общеэкономических и иных ведомств, другие организации хозяйственного профиля⁵. Эта структура дублировалась по вертикали от Госплана до отдельных предприятий. Госплан управлял и сетью своих региональных подразделений на местах (в краях, областях, республиках и т.д.).

Второй элемент системы – *технология составления планов*. Ю. Ольсевич и П. Грегори в качестве особенности этой технологии указывали на отсутствие последовательности в плановых операциях. Согласно авторам, «процесс планирования <...> начинался во всех звеньях плановой системы одновременно». Каждый участник этого процесса по вертикали: предприятие – отраслевые ведомства – Госплан самостоятельно разрабатывал предварительные предложения с горизонтом планирования на пять лет, а также оперативные планы на более короткий срок, исходя из решения тех проблем, которые выявлялись в ходе их работы⁶.

Именно здесь, если следовать аргументации авторов, формировались ведомственные интересы, суть которых заключалась в концентрации усилий «вокруг предложений по созданию – за счет бюджета – новых мощностей вообще и строительства новых предприятий в особенности <...>. Предприятия при этом старались

прежде всего обосновать необходимость увеличения материально-технического снабжения, строительство нового жилья и других объектов своей социально-культурной инфраструктуры»⁷.

В этом процессе Госплан должен был стоять над ведомственными интересами, распределяя между наркоматами (с марта 1946 г. их переименовали в министерства⁸) плановые задания на основе полученной от них информации об имеющихся производственных мощностях. Со своей стороны, «предприятия и отрасли стремились ограничить свои предложения безопасным минимумом» обязательств.

Поступающие от ведомств в Госплан предложения о планировании хозяйственной деятельности перерабатывались в соответствии с собственными проектировками плановиков, направленными, по словам Ю. Ольсевича и П. Грегори, «прежде всего на смягчение хронических дефицитов: капиталовложений, материалов, рабочей силы и т.д.»⁹. Промежуточным результатом работы плановиков являлся первоначальный проект «Директив к составлению пятилетнего плана». После его составления шла череда многочисленных согласований в правительственных инстанциях, в ходе которых «первоначальный текст мог измениться до неузнаваемости»¹⁰.

После утверждения «Директив» правительством наступал черед собственно составления пятилетнего плана: Госплан разверстывал определенный в «Директивах» объем заданий и ресурсов между отдельными отраслевыми и региональными ведомствами; последние распределяли их между предприятиями. По образному выражению Ю. Ольсевича и П. Грегори, эта процедура представляла собой «битву богов с титанами», поскольку «каждое ведомство и регион, мобилизуя всю доступную ему политическую и экспертную поддержку, до последней возможности доказывало, что выполнить директивы оно может лишь при дополнительном выделении ресурсов». Госплан держался как мог, урезал

заявки, но при этом все равно вынужден был учитывать относительную силу ведомственного лобби¹¹.

Наконец, третьим элементом плановой системы, по словам Ю. Ольсевича и П. Грегори, выступает *технология выполнения перспективного плана*. Это работа по составлению годовых и квартальных планов, заключению на их основе конкретных договоров о поставках. Как полагают авторы, «годовые народнохозяйственные планы выражали увязку текущих планов ведомств и регионов»¹², которой на постоянной основе занимался Госплан. «Главным содержанием «оптимизации» плана было согласование перспективных интересов основных группировок правящей элиты – партбюрократии и ее региональных фракций, хозяйственной бюрократии, армейского генералитета, карательных органов». Сама плановая система, как полагают Ю. Ольсевич и П. Грегори, была далека от стабильности, поскольку этому мешала «борьба интересов между и внутри правящих группировок», что являлось источником нарушения сбалансированности плана¹³.

Предложенная авторами схема советской плановой системы дает нам общее представление о структуре и параметрах ее работы. Однако за широтой обобщений (речь шла вообще о плановой экономике как таковой) не улавливается временная специфика и конкретное содержание процессов, проходящих внутри системы. Период форсированной индустриализации и первых пятилеток конца 1920-х – 1941 гг., Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и годы послевоенного восстановления (четвертая пятилетка 1946-1950 гг.) накладывали свой отпечаток на межведомственные отношения, процедуры обсуждения, подготовки и реализации планов. В более позднем исследовании П. Грегори детально на обширном архивном материале рассмотрел механизм функционирования институтов советской экономики в 1930-е гг., назвав ее «иерархической диктатурой», в которой большинство хозяйственных решений распределя-

лось от Сталина и его окружения на нижние этажи бюрократической системы, которыми управляли диктаторы, отличавшиеся друг от друга занимаемым местом и объемом власти в партийно-государственной иерархии¹⁴. Шагом вперед стало изучение автором проблемы ведомственных отношений и конфликтов между плановиками и производителями в процессе планирования. Однако вопрос о способах организации бюрократических групп, отстаивавших ведомственные интересы в ходе подготовки и реализации хозяйственных планов (третий элемент плановой системы по Ольсевичу и Грегори), исследователями специально не рассматривался.

С другого ракурса взглянул на процессы, происходившие в плановой системе, содержанием которых выступали ведомственные взаимодействия по поводу реализации хозяйственных задач, венгерский исследователь Я. Корнаи. Анализируя принципы функционирования плановой экономики, он пришел к выводу, что хозяйственные руководители на разных уровнях бюрократической пирамиды находились в условиях конфликта ценностей¹⁵. Данный конфликт отражал реалии плановой системы хозяйствования, к которым приспособивался как директорский корпус, так и чиновники более высокого ранга, включая глав министерств.

Содержание ценностного конфликта заключалось в непростом выборе: если хозяйственный руководитель получал заведомо невыполнимые плановые задания, его репутация в любом случае оказывалась под ударом. С одной стороны, принятие напряженного плана к исполнению без возражений могло привести к срыву производственной программы. Погоня за выполнением плана влекла за собой рост брака, перерасход материалов, аварии и т.д. Как итог – взыскания в отношении исполнителей вплоть до увольнения или даже обвинения во вредительстве. В период форсированной индустриализации первых пятилеток в конце 1920-х и в 1930-е годы подобная практика

наказаний имела широкое распространение. Авторы сборника документов о репрессиях в советской промышленности в данный период отмечали: «Наверное, не было ни одной отрасли промышленности и сельского хозяйства, где бы не нашли виновных во вредительстве»¹⁶. С другой стороны, возражения, означавшие отказ принять в первоначальном виде вышестоящую директиву, могли быть расценены как саботаж и опять же грозили неблагоприятными последствиями для исполнителя. Угроза быть привлеченным к уголовной ответственности для директоров заводов и отраслевых руководителей за срыв производственной программы или попытки обосновать нерезультативность плановых заданий особенно возросла во второй половине 1930-х гг., в период массовых репрессий¹⁷.

Казалось бы, хозяйственные руководители были поставлены перед фатальным выбором, который предполагал только наихудшие варианты. Однако ситуация не была тупиковой. Как полагал Я. Корнаи, все участники адаптировались к ней, используя адекватную стратегию поведения. Ведомственные отношения в такой стратегии он назвал «вертикальными сделками» между руководителями и исполнителями¹⁸. В качестве примера руководителя автор использовал понятие «главк», а для характеристики исполнителя – «фирма». Чтобы избежать абстрактной терминологии, дав себе возможность работать с реальными историческими объектами применительно к советской экономике, позволим себе поставить на место руководителя правительство, опиравшееся на Госплан, а на роль исполнителей – наркоматы (министерства). Это не только не исказит смысла суждений Я. Корнаи, но позволит проверить его выводы на высшем уровне заключения «вертикальных сделок».

Согласно Я. Корнаи, существовало расхождение между идеальной моделью разработки и реализации планирования и реальными ведомственными отношениями. В идеале правительство через Госплан (рас-

пределитель ресурсов) до выдачи плановых заданий по министерствам (просители ресурсов) заинтересовано в получении от них точной информации о производственных мощностях их предприятий, соотношении между затратами и объемом выпуска продукции¹⁹. На основе полученных данных Госплан распределяет средства между министерствами, будучи уверен, что ресурсов хватит на выполнение плана, а перерасход средств (если таковой возникнет) удастся свести к минимуму. В действительности практика ведомственных отношений в советской плановой экономике была далека от указанной модели. В соответствии с логикой «вертикальных сделок» главы ведомств, преодолевая угрозу фатального выбора «из двух зол», стремились получить менее напряженные планы и как можно больший объем трудовых и материальных ресурсов для их выполнения. Это, по мнению Я. Корнаи, «сводило вероятность конфликта к минимуму и существенно уменьшало риск лишиться премии и даже понести наказание за срыв плана»²⁰. В этой ситуации исполнители (от министерств до подчиненных им предприятий) вынуждены были, как полагал Я. Корнаи, «искажать информацию путем предоставления заниженных по сравнению с ожидаемыми в плане данных о мощностях, и завышенных – о необходимых ресурсах»²¹. Автор приходит к выводу, что «вертикальные сделки» приводили к систематическому искажению идущих вверх потоков информации «в направлении недооцененных мощностей и сокрытия объемов деятельности»²². Пол Грегори в своем известном исследовании назвал такое поведение исполнителей «оппортунизмом производителей», а саму советскую плановую систему хозяйства – «экономикой обмана»²³. Однако возникает вопрос, как в таком случае поступал руководитель, распределявший ресурсы, в интересах которого было стремление избежать их перерасхода и при этом добиться выполнения плана? В указанной работе П. Грегори не останавливается на этой проблеме. Несколько ранее свое

видение предложили Е. Залески и Я. Корнаи.

Е. Залески, изучая вопрос о том, как советское руководство решало проблему планирования экономического роста, показал, что при работе над пятилетним планом и его реализацией (на примере послевоенной пятилетки 1946-1950гг.)²⁴ Госплан, получая от министерств отчетные данные за истекший год, увеличивал планируемые показатели на следующий год. Причем делалось это, даже если производственная программа была перевыполнена (автор показал это на примере увеличения плановых заданий для министерств в 1948 г. по сравнению с 1947 г.)²⁵. Предположение Е. Залески позднее поддержал Я. Корнаи, отметив, что на языке плановиков такой подход назывался «планированием от достигнутого уровня». Другие исследователи предпочитали более образное определение: «эффект храповника» (ratchet effect), когда постоянное увеличение плановых заданий сравнивалось с храповым (зубчатым) колесом, которое движется только поступательно²⁶.

Однако утверждение о том, что годовые плановые задания в СССР ежегодно пересматривались в сторону увеличения, а исполнители каждый год докладывали об очередном их выполнении и перевыполнении, отнюдь не означало, по мнению того же Е. Залески, реального выполнения годовых и тем более пятилетних планов, которые «имели мало общего с действительностью»²⁷. Пол Грегори исходя из анализа документов советских хозяйственных ведомств за 1930-е гг., развивая эту идею, пришел к выводу, что если советская экономика и работала на основе планов, то это были не пятилетние, а краткосрочные (оперативные) планы, «которые содержали конкретные задачи и инструкции»²⁸. Автор полагал, что «на практике все оперативные планы представляли собой предварительную договоренность между производителем и вышестоящим органом о том, кто производит и кому поставяет произведенную продукцию»²⁹. Сам Госплан, несмотря на то что это была его прямая обязанность,

не участвовал в составлении оперативных планов. Этим занимались сами производители. Более того, зачастую как таковых оперативных планов вообще не существовало. Например, годовые планы производители могли получить к середине года, а уже готовые планы могли постоянно корректироваться разными ведомствами. Согласно П. Грегори, планы устанавливали на основе догадок, интуиции, а вместо точных расчетов и вертикальной субординации осуществлялся торг на каждом уровне советской экономики³⁰.

По понятным причинам, прежде всего идеологического характера, в работах, вышедших в СССР, такие проблемы не могли быть поставлены в научную плоскость применительно к советской экономике, поскольку отрицался сам факт межведомственных конфликтов. Р.А. Белоусов в своем труде, посвященном теории и практике планирования, писал: «Единый народнохозяйственный план, выражающий интересы трудящихся, носит директивный характер, что обуславливает его действенность и препятствует проявлениям ведомственности, местничества, а также противопоставлению личных и общественных интересов»³¹.

Насколько это утверждение соответствовало действительности? Современная историография располагает опытом опровержения подобных тезисов.

Так, характеризуя состояние сталинской системы управления в послевоенный период, О.В. Хлевнюк в одной из своих работ приводит показательный пример: при обсуждении параметров плана на 1948 г. давление на Госплан со стороны руководителей министерств, требовавших дополнительных капиталовложений, привело к тому, что вопрос перенесли на специальное заседание политбюро, состоявшееся в конце 1947 г. у Сталина в его кремлевском кабинете³².

Е.В. Баев в своих публикациях исследовал проблему конфликтов ведомственных интересов между министерствами и Госпланом (на примере РСФСР). Автор полагает,

что позиция последнего учитывалась правительственными чиновниками (зампредами) в большей степени, поскольку именно Госплан обеспечивал связь правительства с ведомствами по хозяйственным вопросам, а окончательные решения принимались на основе справок и заключений плановиков³³. В конечном итоге в советской системе был выработан механизм урегулирования конфликтов, инициаторами которых были министерства, отстаивавшие свои позиции по вопросам разработки и реализации хозяйственных планов³⁴. В качестве составляющих такого механизма Е.В. Баев выделяет процедуру урегулирования разногласий в Госплане посредством рассмотрения запросов ведомств и принятия решений зампредами правительства.

Тем не менее работ, посвященных межведомственным отношениям и механизмам отстаивания интересов хозяйственных агентов (от отдельных заводов до министерств) в советской плановой системе пока недостаточно. Поэтому цель данной статьи состоит в определении механизмов организации «лоббистских групп» в советской плановой системе, а также практик межведомственной борьбы за получение максимальных хозяйственных предпочтений.

В качестве результатов исследования предлагается охарактеризовать роль Госплана в межведомственной борьбе как института, а также представителей сталинской элиты уровня заместителя СНК - СМ СССР; определить границы ведомственного лоббизма; предложить типологию лоббистских групп, в которые входили руководители разных уровней советской бюрократической иерархии. В данной типологии мы исходим из анализа источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Источники

Проблемы послевоенного развития советской экономики, процесс планирования развития народного хозяйства СССР во второй половине 1940-х гг. и развернувшаяся вокруг него борьба ведомств представлены в материалах сводного отдела Госплана,

хранящихся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)³⁵. Содержание докладных записок этого отдела руководству Госплана об итогах выполнения плана за 1945-1952 гг., переписка с правительством и министерствами позволяют говорить о непрерывном процессе согласований позиций хозяйственных агентов, который осуществлял Госплан, анализируя потоки информационных данных, поступающих от управлений, отделов и других структурных подразделений министерств, занимающихся планированием производственных показателей. Основной информационный массив фонда Госплана, связанный с межведомственными отношениями, столкновением интересов и разрешением конфликтов, представлен в документах отраслевых отделов, где сохранилась переписка с хозяйственными министерствами оборонного профиля, имеющими, учитывая специфику советской экономики, наиболее сильные «лоббистские» возможности.

Группу документов Госплана дополняют материалы Управления делами правительства (Совета Народных Комиссаров - Совета Министров СССР), находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Докладные записки наркоматов-министерств, адресованные заместителям Сталина в правительстве, дают представление о содержании ведомственных интересов, характере просьб, основных участниках «лоббистских групп»³⁶. Опубликованный комплекс документов Политбюро ЦК ВПК(б) и Совета Министров СССР за период 1945-1953 гг. позволяет проследить изменения в высших органах власти, ответственных за принятие ключевых для советской экономики решений (реорганизация правительства, формирование отраслевых бюро Совета Министров СССР)³⁷.

Ведомственные интересы на уровне директорского корпуса в условиях конверсионного перехода

Судя по содержанию переписки ведомств с правительством и Госпланом, в условиях конверсионного перехода интересы наркоматов-

министерств заключались в стремлении избежать размещения дополнительных заказов непрофильной продукции на своих мощностях. Правительственные решения о военном выпуске на гражданских предприятиях (как и наоборот, продукции мирного назначения на оборонных заводах) создавали для исполнителей дополнительные точки напряжения в реализации производственной программы: возникали проблемы с комплектованием рабочей силы и переподготовкой имеющихся кадров, перефилированием цехов под новый выпуск. Наконец, такие решения неизбежно требовали еще больших усилий в межведомственной борьбе за ресурсы.

В низовом ведомственном звене – на уровне директорского корпуса – руководители предприятий старались снизить для себя издержки конверсионного перехода. Наиболее заметно это проявлялось в стремлении любыми способами удержать на заводах работников, мобилизованных в годы войны, помимо их воли. При этом заводы переходили на условия работы в мирное время, их программа сокращалась, а чрезвычайные методы управления постепенно отменялись. Закрепляя административными мерами работников на предприятиях, директора создавали резерв рабочей силы на случай получения новых хозяйственных обязательств. Многие из удерживаемых работников стремились самовольно уехать домой и устроиться на прежнее место, где трудились до мобилизации. Однако в данном случае они автоматически попадали под действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и могли получить реальный срок заключения за «дезертирство»³⁸. Сотрудники прокуратуры районного, областного, республиканского уровня сообщали в центр о многочисленных случаях ухода мобилизованных с оборонных заводов. Опираясь на отчеты своих подчиненных, в феврале 1946 г. ис-

полняющий обязанности прокурора СССР Г.Н. Сафронов в записке главе Госплана Н.А. Вознесенскому указывал на то, что рост дезертирства рабочих связан с позицией директоров оборонных заводов, которые удерживают мобилизованных. Например, районный прокурор, проводивший в феврале 1946 г. проверку на заводе №172 Наркомата вооружений в Молотовской области, докладывал в Москву, что необходимости в насильственном удержании мобилизованных не было, поскольку выпуск продукции на заводе по сравнению с военным временем сократился на 60-65%. При этом на заводе держали на неквалифицированном труде рабочих, имевших до мобилизации высокую квалификацию в других отраслях народного хозяйства. Характерный пример – дело разнорабочего Сатарова, который самовольно ушел с завода и был оформлен как «дезертир». До мобилизации Сатаров – высококвалифицированный комбайнер, его труд в деревне оценивался гораздо выше, чем на оборонном заводе³⁹. Данный пример, на наш взгляд, подтверждает теорию Я. Корнаи о «вертикальных сделках», поскольку здесь мы видим позицию исполнителей в лице директоров минимизировать обязательства, расширив при этом ресурсную базу своих предприятий, в данном конкретном случае – сохранить кадровый состав предприятий военного времени при фактическом сокращении производственной программы в мирное время.

«Лоббистские группы»

в межведомственных отношениях: к постановке проблемы

Госплан испытывал давление с разных сторон – из центра шли директивы о повышении темпов роста и изыскании дополнительных возможностей для увеличения потребления, не сокращая капиталовложений. Руководители министерств и региональные лоббисты просили дополнительных инвестиций тем или иным регионам или отраслям. По словам Б. Ольсевича и П. Грегори, «Госплан как мог сопротивлялся напору партийных и ведомственных бонз, доказы-

вая неосуществимость их требований»⁴⁰.

Для более эффективного продвижения своих интересов представители экономических ведомств, партийная бюрократия создавали неформальные группы с разной степенью устойчивости (все зависело от конкретной ситуации, характера отношений между участниками). В качестве рабочего определения таких объединений мы будем использовать термин «лоббистские группы». Применительно к структуре плановой системы, предложенной Ю. Ольсевичем и П. Грегори, «лоббистские группы» рассматриваются как один из инструментов минимизации издержек при реализации технологии выполнения перспективного плана (третий элемент плановой системы согласно Ю. Ольсевичу и П. Грегори).

Методология изучения лоббистских групп

Для анализа деятельности и определения специфики лоббистских групп мы использовали историко-типологический метод, в соответствии с которым из информационного массива ведомственной переписки руководителей хозяйственных структур (наркоматов-министерств, заместителей председателя правительства, чиновников Госплана и т.д.) определялись специфические черты отдельных объектов (лоббистские группы), обладающие схожими признаками, по которым их можно разбить на типы. Подчеркнем, что данные группы не имели формального статуса и могли создаваться на основе неофициальных договоренностей. В силу этого мы располагаем только ведомственной перепиской как материалом для их реконструкции. Неофициальные договоренности на основе личных встреч, телефонных переговоров, к большому сожалению, не могут служить материалом для исследования, поскольку не зафиксированы. Небольшим подспорьем здесь являются интервью с представителями сталинской элиты, собранные историком Г.А. Куманевым.

Предложенную типологию следует рассматривать как исследовательскую модель,

которую можно использовать при изучении межведомственных отношений в СССР в 1930-1950-е гг. Полагаем, что, как любая модель, она включает в себя элементы условности и может быть в дальнейшем дополнена или изменена, доказательством чему служит то обстоятельство, что не все факты ведомственного лоббизма можно свести к групповой типологии. Так, например, участники межведомственных отношений могли действовать и индивидуально – обращаясь напрямую к Сталину, не выстраивая никаких союзов. В данном исследовании мы охарактеризовали такой тип, как лоббизм «ва-банк», при котором либо возростал риск потерпеть полное поражение с тяжелыми последствиями, преодолеть которые интересант уже не мог (выше обращаться некуда), либо получить поддержку, которая гарантировала 100% положительный результат.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Nove A. An Economic History of the USSR, 1917-1991. London: Penguin Books, 1992. P. 308-324.
- ² Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940-1950-х годов и «Дело Госплана» // Отечественная история. 2001. №3. С. 77.
- ³ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 103.
- ⁴ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000. С. 11.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 12.
- ⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953 / Составители О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002 г. С. 21-23.
- ⁹ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система... С. 13.
- ¹⁰ Там же С. 14.
- ¹¹ Там же. С. 15.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 16.
- ¹⁴ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.161, 338-341.
- ¹⁵ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. Пер. с англ. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000. С. 147
- ¹⁶ Политбюро и «вредители»: кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: сборник документов / под общ. ред. О.Б. Мозохина; [сост.: О. Б. Мозохин, Ю.А. Борисёнок, Е.Г. Галимзянова]. - Москва: Родина Медиа. Кн. 1. 2014. С. 31.
- ¹⁷ Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. С. 361-375.
- ¹⁸ Корнаи Я. Социалистическая система... С. 148.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма... С. 181-182.
- ²⁴ Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933-1952. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1980. P. 345-402.
- ²⁵ Ibid. P. 385.
- ²⁶ Корнаи Я. Социалистическая система... С. 149.
- ²⁷ Цит. по: Грегори П. Политическая экономия сталинизма... С. 154.
- ²⁸ Там же. С. 157.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С.159.
- ³¹ Белоусов Р.А. Исторический опыт планирования управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1983. С.103.
- ³² Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940-1950-х гг... С. 77-89.
- ³³ Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946-1953 гг.)// Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. №2. С.79, 80.
- ³⁴ Баев Е.В. Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945-1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 2021. С. 143-145.
- ³⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.4372. Оп.94.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф.-Р 5446. Оп. 113.
- ³⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953 / Составители О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002 г.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 1071. Л. 314.
- ³⁹ Там же. Л. 313.
- ⁴⁰ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система... С.14.

**ECONOMIC ESTABLISHMENTS IN THE LATE 1940S:
REGARDING THE TYPOLOGY OF «LOBBY GROUPS» IN SOVIET PLANNING SYSTEM.
PART 1**

© 2022 A.V. Zakharchenko

Russian Embassy School in Hungary, Budapest

The author decomposes mechanisms of cooperative actions taken by departmental struggling parties (People's Commissariats -Ministries above all else) to defend their economic interests. The study covers chronological time range between 1945 and 1950s, period of developing and implementation of the 4th Five-year industrial plan. The specificity of this period was determined by the conversion transition marked the "end of the war", during which all sectors of the Soviet economy were adapted to work in peacetime. The struggle between the People's commissariats (Ministries) for more reasonable conditions for the fulfillment of economic obligations forced their leaders to create informal groups, which the author calls «lobby groups». Each of them was formed to protect the interests of the industrial sector it represented. The author proposes a typology of such groups based on the analysis of correspondence between economic departments and Stalin's governmental deputies, who were responsible for the success of one or another initiative by industry lobbyists.

Keywords: post-war USSR development, planned economic system, People's commissariats, ministries, State Planning Committee of the USSR, USSR Cabinet, interdepartmental conflicts, Stalin, Voznesensky, Beria, lobby groups.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59

УДК 93/94(47+57)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СЕКТОР ТОРГОВЛИ И БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. КУЙБЫШЕВА В НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

© 2022 В.А. Повлюченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 01.11.2022

В статье проанализированы документы промышленно-транспортных, административных и торгово-финансовых органов Куйбышевского горкома КПСС, позволяющие реконструировать состояние торговли и бытового обслуживания в городе Куйбышеве в начале 1980-х гг. Выявлены основные проблемы в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами. Отмечается, что несмотря на оптимистичные показатели, указанные в постановлениях бюро горкома КПСС, и перечисленные в них достижения, реальное состояние торговых предприятий им не всегда соответствовало. На примере плодоовощной продукции отмечаются сложности снабжения населения продовольствием в 1980-1982 гг. Доказано, что наличие дефицита продукции было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Отмечается, что руководство горкома партии и отделов горисполкомов не только осуществляли функции координации и контроля за деятельностью предприятий торговли и бытового обслуживания, но и рассматривали предложения о дальнейшем совершенствовании и развитии их работы. Определены основные проблемы бытового обслуживания населения, связанные, в первую очередь, с финансированием города и его постоянно растущими потребностями.

Ключевые слова: СССР, Совет народных депутатов, Куйбышев, социально-бытовое обслуживание, здравоохранение, социокультурная сфера, бюджет.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-60-67

Одной из первоочередных задач социальной политики было повышение уровня благосостояния советских людей, для чего предпринимались меры по совершенствованию сферы обслуживания населения. Начиная со второй половины 1950-х гг. в российских регионах происходили постепенные изменения в развитии торговли и общественного питания. В городских магазинах открывались отделы по продаже полуфабрикатов, появилась возможность покупки в рассрочку бытовой техники, одежды, тканей, часов, мотоциклов и других промышленных товаров¹. Роль торговли в формировании уровня жизни населения была чрезвычайно велика. В 1980-е гг. покупка потребительских товаров составляла более 75% денежных расходов населения

страны². Изучение советской потребительской торговли послевоенного периода было начато экономистами в середине 1960-х гг.³ В исторических исследованиях были рассмотрены особенности государственной политики в сфере торговли, становление комиссионной торговли⁴, проблемы торгового дефицита⁵. В центре внимания современных исследователей - проблемы организации и управления советской торговлей, особенности и динамика ее развития⁶. Система бытового обслуживания населения чаще всего рассматривается в контексте истории повседневности или социальной истории⁷.

В программе социального развития и повышения народного благосостояния, выдвинутой XXVI съездом КПСС (февраль-март 1981 г.) на первый план была поставлена задача улучшения снабжения населения продуктами питания. С этой целью была

Повлюченко Владимир Анатольевич, аспирант кафедры Отечественной истории и историографии. E-mail: vladimir1243@rambler.ru

разработана Продовольственная программа на период до 1990 г., которая являлась важнейшей составной частью экономической стратегии партии. В соответствии с решением майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. и мерах по ее реализации», были разработаны областные программы. Например, совместным постановлением Ульяновского обкома КПСС и исполкома областного Совета народных депутатов от 11 сентября 1984 г. была принята Продовольственная программа Ульяновской области на период до 1990 г. В ней предусматривалось увеличение розничного товарооборота на 15%, строительство новых магазинов, предприятий общественного питания, крытого рынка в г. Ульяновске, расширение комиссионной торговли сельскохозяйственными продуктами, закупленными у населения. Объем бытовых услуг, предоставляемых населению, должен был возрасти в 1,3 раза, в том числе по сельской местности - в 1,4 раза⁸.

Одной из причин повышенного внимания партийных и советских органов власти к данному вопросу было состояние продовольственного снабжения населения в городах страны. Перечень компетенций Советов народных депутатов включал координацию и осуществление контроля за деятельностью всех подведомственных им предприятий, в том числе производства товаров народного потребления, а также бытового обслуживания населения. Этими вопросами занимался отдел торговли и бытового обслуживания горисполкома. Он составлял планы размещения, развития и специализации предприятий бытового обслуживания, торговли и общественного питания, в необходимых случаях выходил со своими предложениями в соответствующие вышестоящие органы.

Анализ документов отдела административных и торгово-финансовых органов Куйбышевского горкома КПСС позволил прийти к выводам об осуществлении кон-

троля партийными органами за снабжением населения города. В частности, 24 апреля 1981 г. в бюро горкома КПСС было принято постановление «О работе хозяйственного руководства и партийного бюро горплодоовощторга по улучшению снабжения населения города плодовоощной продукцией». В нем отмечалось, что хозяйственное руководство и партийная организация горплодоовощторга в годы десятой пятилетки осуществляли «...Определенную работу по улучшению снабжения населения города картофелем, овощами и фруктами», что привело к увеличению объема продажи овощной и удельного веса овощной продукции в общем объеме товарооборота. В постановлении указывалось, что работа «...по выполнению базами заявок на завоз товаров достаточного ассортимента и соблюдению магазинами ассортимента минимумов» велась успешно. Об этом свидетельствовало «...увеличение продажи товаров методом самообслуживания до 64,9 % против 32,7 % в 1975 г.». Перечислялись такие достижения, как перевод крупных магазинов на прогрессивную тогда форму торговли методом самообслуживания, развитие материально-технической базы овощехранилищ, улучшение условий хранения продукции и уровня механизации, который вырос более чем в 10 раз и составил в 1980 г. 40%. Были также построены и введены в эксплуатацию цеха фасовки, мойки и переработки овощей и картофеля⁹.

Что же скрывалось за столь оптимистичными показателями? Согласно отчету горплодоовощторга г. Куйбышева от 14 декабря 1981 г. были дополнительно вовлечены в товарооборот следующие виды товаров: яблоки свежие – 1151 тонна, картофель свежий – 680 тонн, лук репчатый – 990 тонн, морковь свежая – 505 тонн, помидора свежая – 759,4 тонны, капуста свежая – 1442,2 тонны, свекла – 127 тонн, редис – 151 тонна, помидора соленая – 478,5 тонны, огурцы соленые – 93,1 тонны, вино и консервированная продукция – на 1509 т.р., прочих (чай, лавровый лист, прочие овощи) – на 386,6 т.р., что со-

ставляет в общей массе 92% от выполнения годового плана.

В качестве причин невыполнения плана в отчете указывались неблагоприятные погодные условия (засуха) как в области, так и в целом по РСФСР и союзным республикам, в связи с чем снизились сборы картофеля и других овощей и фруктов. Это привело к недопоставкам от местных совхозов продукции на 4,5 млн. руб. Поставщики фруктов из союзных республик недозвезли продукции на 4 млн. руб. Были обозначены проблемы материально-технического обеспечения, в частности отсутствие финансирования на строительные материалы, лесоматериалы для изготовления бочек и другой деревянной тары, запасные части к имеющимся механизмам, горюче-смазочные материалы. Отмечалось, что уровень механизации был недостаточен, не хватало транспорта в магазинах. Все эти факторы негативно сказывались на работе мелкорозничной сети в период заготовок и массового поступления продукции в магазины. В целом за 1981 г. товарооборот горплодоовощторга составил 29569,4 тыс. руб.

Овощная продукция реализовывалась через мелкорозничную сеть. В 1981 г. в Куйбышеве было открыто 2 новых магазина № 51 и 201, а также 81 лоток, 5 овощных базаров и 66 павильонов.

Из новых форм и методов розничной торговли для того времени можно считать метод самообслуживания. Он позволил реализовать 71,7% продукции в общем объеме товарооборота. Еще одна новация – покупательские конференции, на которых организовывалась дегустация малоизвестной продукции, в основном, замороженных овощей. В 1981 г. было организовано 16 таких конференций. Практиковалась предварительная упаковка товаров. Продавцы стремились изучить потребительский спрос, дать привлекательную рекламу товару, оформить витрины, однако все эти процессы развивались очень медленно.

Кроме того, в городе организовывались выставки-продажи, ярмарки-базары и столы-заказы. Обслуживание покупателей шло

и выездным методом, например, в 1981 г. на 75 стройплощадках, что увеличило товарооборот на 500 тыс. рублей. В соседней Саратовской области на промышленных предприятиях и стройках в 1984 г. действовало 98 постоянных пунктов приема заказов и 223 магазина, торгующих по предварительным заказам населения¹⁰. Расширилась сезонная торговая сеть, что способствовало увеличению реализации ранних овощей. Для повышения культуры обслуживания в сфере торговли проводились такие мероприятия, как продажа расфасованных и мытых овощей, внедрение тары-оборудования, открытие в овощных магазинах отделов полуфабрикатов. Улучшалось санитарное состояние магазинов.

Вместе с тем население города Куйбышева испытывало проблемы с обеспечением отдельными видами товаров. В частности, не удовлетворялся спрос на свежие яблоки, свежую и квашеную капусту, картофель, морковь, огурцы, зеленый лук, а также пряные и салатно-шпинатные овощи. С 1982 г. вводится система снабжения овощами городских районов г. Куйбышева непосредственно из подшефных совхозов. С этой целью создавалась и внедрялась разветвленная структура информационно-диспетчерской службы. Совхозы стали сдавать овощную продукцию через приемосдаточные пункты.

План заготовки и реализации плодоовощной продукции в магазинах города Куйбышева был выполнен более, чем на 90%. При этом отчетные документы горкома КПСС приводят свидетельства о наличии дефицита фруктов и овощей в розничной торговле. Подобная же ситуация наблюдалась и в соседних областях. В Саратове, в августе 1983 г. чтобы купить картофель, надо было выстоять в очереди более часа, хотя, по свидетельствам горожан, Саратов «снабжался продуктами питания гораздо лучше, чем другие города»¹¹.

В Ульяновской области перебои в продаже ассортимента мясных и молочных продуктов, некоторых видов овощей и карто-

феля стали наблюдаться к середине 1980-х гг. 22 мая 1985 г. были приняты совместные постановления Ульяновского бюро обкома КПСС и исполкома областного Совета народных депутатов «О неотложных мерах по улучшению обеспечения населения г. Ульяновска продовольственными товарами» и «О мерах по улучшению обеспечения населения области картофелем и овощами в 1985-1986 гг.». В них обозначались меры не только по увеличению производства, но и выделение средств на строительство овощехранилищ, весенних теплиц, так как тепличный комбинат обеспечивал лишь часть потребностей области в ранних овощах, а основные закупки производились за пределами области – в Узбекской ССР, Азербайджанской ССР, Туркмении и Дагестане. Поэтому для строительства второй очереди тепличного комбината областная плановая комиссия выделила лимит подрядных работ на 50 тыс. рублей. Во всех населенных пунктах создавались пункты закупки продовольственного картофеля, а для поощрения производителей картофеля районам выделялось необходимое количество дефицитных непродовольственных товаров¹².

Количество и качество поставляемой плодоовощной продукции целиком зависело от таких факторов, как логистика и упаковка, что было слабым местом потребительской торговли. Овощи зачастую хранились в ненадлежащих условиях, доставка и разгрузка продукции проводились некачественно. Подобные условия хранения приводили к огромным потерям продукции еще на стадии ее приемки в магазинах. Отсутствовало достаточное количество оборудованных плодоовощных баз. Имеющиеся базы зачастую не отвечали задачам длительного хранения овощей и фруктов. В них не было должной системы вентиляции и охлаждения, что не позволяло сохранить большую часть поставляемой совхозами и иногородними организациями продукции. В этой связи сроки хранения продукции сокращались, а качество овощей и фруктов снижалось. Однако данные недостатки

на всех участках обеспечения населения овощами – от производства до торговых предприятий – чаще всего замалчивались. Представители торговых организаций списывали основные потери на неурожай и недопоставки, а производители – на неурожай и плохие условия хранения на складах и в магазинах. Отметим, что инфраструктурные проблемы торговли – недостаток площадей складов, отсутствие на них необходимого оборудования (холодильного, фруктохранилищ, картофелехранилищ с активной вентиляцией), характерны в целом для состояния всей отрасли¹³. Тем не менее положительной тенденцией являлась работа над ошибками и внедрение новых методов и форм советской торговли в непростых условиях финансирования, а порой и при полном его отсутствии.

Для решения проблем снабжения населения со стороны руководства горкома партии стали поступать предложения о модернизации одежды и обуви, проведении выставок и ярмарок-продаж, рекламе производимой продукции, что, безусловно, способствовало оздоровлению системы, сложившейся в начале 1980-х годов в г. Куйбышеве.

Снабжение горожан товарами, производимыми легкой промышленностью, также не полностью отвечало потребностям населения. Исследователи отмечают, что, несмотря на большую сеть специализированных складов, складское хозяйство торговли было недостаточным. Так, в 1985 г. 85% непродовольственных товаров хранилось на предприятиях розничной торговли, из них основная часть – в подсобных помещениях магазинов¹⁴. Торговлю товарами для детей осуществляли магазины «Детский мир», ЦУМ «Самара» и предприятия Куйбышевского и Красноглинского райсмешторгов. Обеспеченность детскими товарами в магазинах города и районов составляла 12 – 59% от необходимой нормы. В 1980 г. магазины заказали швейных товаров на 21 млн руб., а за первое полугодие было продано товаров лишь на 7,5 млн руб. 70% поставляемой про-

дукции должны были обеспечивать предприятия местной промышленности. Однако торговые предприятия испытывали дефицит продукции. В том же 1980 г. детской обуви было заказано на 7,5 млн руб., 4,5 млн руб. выделено из фонда, а продано за первое полугодие на 2,5 млн руб. Наблюдались недопоставки детской обуви в магазины. Не удовлетворялся спрос покупателей на наиболее дешевую и качественную продукцию, например утепленные хромовые сапожки для девочек, утепленные школьные ботинки и полуботинки для мальчиков, школьные туфли для девочек, сандалии, спортивную обувь. Не хватало валенок и резиновой обуви. Кожгалантерейные товары были обеспечены только на 50%. Кроме того, наблюдалось существенное количество брака. Только за 1-е полугодие 1980 г. было отбраковано 16% обуви местного производства и 30% иногороднего. Обувь и одежда зачастую поставлялись не по сезону, шло затоваривание продукцией, не пользующейся спросом.

Внешний вид магазина «Детский мир» также оставлял желать лучшего. Несмотря на то, что здание было 1972 года постройки, оно требовало капитального ремонта, протекала крыша, было выбито 6 витринных стекол, нуждалась в капитальном ремонте охранно-пожарная сигнализация, система отопления, вентиляции¹⁵. Однако были и положительные моменты. Для решения проблем снабжения населения со стороны руководства горкома партии стали поступать предложения о модернизации одежды и обуви, проведении выставок и ярмарок-продаж, рекламе производимой продукции, что безусловно способствовало оздоровлению системы, сложившейся в начале 1980-х гг. в Куйбышеве.

Перемены в облике еще одного сектора торговли - службы быта, оснащение ее современной на тот момент техникой создали условия для развития прогрессивных форм обслуживания, таких как прием заказов на ремонт по телефону, доставка на дом бытовой техники после ремонта, абонементное обслуживание, услуги проката. Населению г.

Куйбышева в начале 1980-х гг. оказывалось 744 вида бытовых услуг. Основными из них являлись: ремонт сложной бытовой техники, ремонт холодильников, ремонт теле-радиоаппаратуры, ремонт одежды и обуви, включая ремонт и индпошив швейных изделий, ремонт и изготовление трикотажных изделий, химчистка, крашение, стирка и глажка, ремонт мебели, парикмахерские услуги и ремонт квартир.

Документы промышленно-транспортного отдела Куйбышевского горкома КПСС содержат материалы по выполнению постановления бюро горкома КПСС от 17 сентября 1981 г. «О работе сервисного управления бытового обслуживания по выполнению постановлений IX пленума обкома КПСС от 19 августа 1980 г. и бюро горкома КПСС от 27 июня 1980 г. «О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения». Они позволяют охарактеризовать осуществленные мероприятия в рамках улучшения бытового обслуживания населения. Анализируя деятельность городского управления бытового обслуживания и руководителей различных служб быта, бюро горкома КПСС отмечало, что «...выполняя постановления IX пленума обкома КПСС от 19 августа 1980 г. и бюро горкома КПСС от 27 июня 1980 г. о дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания, была проведена работа по расширению сети предприятий и оснащению их современным оборудованием». Она выразилась в увеличении основных производственных фондов, установке «...более 400 единиц нового оборудования», внедрении 40 прогрессивных технологических процессов. Было открыто 22 предприятия службы быта площадью 3,7 тысячи кв. метров. В первом полугодии 1981 г. было освоено 33 новых вида бытовых услуг, внедрена комплексная система управления качеством в 78-ми ателье и мастерских по изготовлению швейных и трикотажных изделий, ремонту и изготовлению обуви, ремонту сложной бытовой техники и телерадиоаппаратуры. В этой связи «...объем реализации бытовых услуг

по городу достиг 29,1 млн рублей, что на 1,7 млн рублей больше, чем в 1980 году»¹⁶.

Рассмотрим положение дел более подробно. За 2 года с 1981 по 1982 г. открылись 5 парикмахерских, 2 ателье пошива новой обуви с комплексными пунктами приема (по пр. Ленина, 1 и ул. Вольской, 65), 2 ателье по ремонту телерадиоаппаратуры (по ул. Советской Армии и пр. Ленина, 14), фотоателье по улице Стара Загора, 136, цех по ремонту и изготовлению мебели по ул. Ракитной, 15, а также 14 комплексных приемных пунктов и головное предприятие по ремонту бытовой техники по улице Мичурина, 15.

Были введены в эксплуатацию 4 автомобильные стоянки: в районе шоколадной фабрики на 400 машино-мест и по улице Владимирской – 3 автостоянки на 300 машино-мест. Построены лодочные станции на реке Самаре на 2000 постановочных мест. Большая работа проводилась по улучшению внешнего вида уже существующих предприятий службы быта. Были капитально отремонтированы и приведены в соответствие с требованиями эстетики 315 предприятий города, на что было потрачено 333 тыс. рублей.

Особое внимание уделялось расширению действующих и освоению новых видов и форм бытового обслуживания. Только за 1981 и 1982 гг. было внедрено в производство 26 новых видов и форм, за счет чего было получено дополнительно 298,2 тыс. рублей. К их числу относились ремонт воздухоочистителей и микрокалькуляторов, изготовление полированных и лакированных стенок, изготовление двухспальных кроватей и пуфиков, ремонт ковров и ковровых изделий, прокат постельного белья, изготовление и ремонт ювелирных изделий.

Ряд предприятий отличался новаторскими и даже креативными подходами в оказании услуг населению. Например, объединение «Куйбышевоблпрокатразнобыт» в июле 1982 г. внедрило новый вид услуг – свадебный обряд. Он включал в себя литературно-музыкальный сценарий, ко-

торый готовился квалифицированными специалистами под руководством актеров и студентов института культуры. Обряд заказывался у приемщика-консультанта, который присутствовал при подаче заявлений в ЗАГС. При оформлении заявления на совершение обряда, собирались сведения для «родословной» молодых, которые с юмором обыгрывались при регистрации брака. Предлагался широкий ассортимент памятных свадебных сувениров: фотоальбомы, памятные медали «В день бракосочетания», памятные альбомы «Летопись семьи», рушник, чеканный поднос для свадебного караваля. Невестам предлагались фотоальбомы со снимками моделей женского платья, имеющихся в прокате, что помогало при выборе свадебного туалета и головного убора. Также клиентам предлагались фотоальбомы с фотографиями этапов проведения свадебного обряда, украшения для свадебных машин, предлагался прокат колокольчиков, обручальных колец к машине жениха и невесты, лент, гирлянд и т.д. Сам обряд записывался на магнитофонную ленту, запись с которой можно было приобрести. Все это, безусловно, способствовало улучшению эстетического оформления регистрации брака и позволило расширить перечень оказываемых услуг.

Активно проводилась работа по механизации ручного труда. На объединениях «Куйбышевоблшвейбыт», «Куйбышевоблтрикотажбыт», универбыт «Горизонт» были механизированы технологические операции путем внедрения спецмашин и оборудования для влажно-тепловой обработки швейных и трикотажных изделий. Модернизировано и изготовлено более 900 ед. оборудования и средств малой механизации силами этих объединений, что положительно повлияло на рост производительности труда. В результате прирост объема бытовых услуг за счет внедрения нового оборудования составил 535,5 тыс. рублей. Вырос и технический уровень самих предприятий.

На предприятиях города вводилась комплексная система управления качеством,

внедрялись системы управления производством (системы РИТМ), что увеличило процент одобрения оценок заказчика за качество, культуру обслуживания и сроки. Большую экономию предприятиям службы быта давало и внедрение форм и методов прогрессивного труда.

Вместе с тем наряду с положительными моментами в развитии сферы услуг населению имелись и отдельные недостатки. Во многих ателье города отсутствовали ткани, пользующиеся повышенным спросом (вельвет, замша, спилок, х/б ткань), что явилось причинами дефицита по индивидуальному пошиву одежды. Плохо была отлажена работа с поставщиками. Она не учитывала изменяющуюся конъюнктуру рынка, а именно то обстоятельство, что в течение семи лет не менялись поставщики и поставлялись одни и те же ткани. Недоставало и квалифицированных кадров, только нехватка рабочих сдельщиков составляла более 500 человек. Не учитывались тенденции моды, снижение спроса и, как следствие, заказов на одни виды продукции (мужские пальто, костюмы) и увеличение спроса на другие товары (дубленки, кожаные пальто и куртки).

Предприятия, производящие мебель, испытывали дефицит производственных площадей, постоянные перебои в сырье и материалах как для изготовления корпусной, так и мягкой мебели.

Объединение «Облфото» сталкивалось с недостаточным обеспечением цветной фотопленкой и фотобумагой, что также негативно сказывалось на сроках оказания услуг населению. Даже в сфере оказания ритуальных услуг наблюдались частые перебои с памятниками и надгробными плитами, производимыми Чапаевским ГПУ.

Конечно, для расширения сферы бытовых услуг, оказываемых населению, и роста их численности были необходимы новые производственные помещения. Из намеченного задания на 1981 и 1982 гг. промышленными предприятиями из 60 единиц было введено в эксплуатацию только 14 помещений, что не могло не сказаться на об-

щем объеме оказываемых населению услуг. Официальной причиной отсутствия нового строительства помещений в постановлении бюро Куйбышевского горкома КПСС указывалась нехватка денежных средств для переоборудования предприятий бытового обслуживания. Частично проблему расширения действующих ателье и мастерских исполком городского Совета депутатов пытался решить за счет отселения семей из прилегающих квартир, но это имело единичный характер и существенно не повлияло на ситуацию.

Таким образом, несмотря на совместные усилия горкома КПСС и горисполкома Совета народных депутатов г. Куйбышева ряд вопросов по обеспечению населения продовольственными и непродовольственными товарами, а также по оказанию качественных и своевременных услуг бытового характера продолжал решаться очень медленно. Зачастую это было обусловлено не только объективными причинами, такими как недостаток финансирования, неурожай, непоставки необходимых продуктов питания, сырья и материалов, но и субъективными – неспособностью отдельных руководителей предприятий г. Куйбышева оперативно реагировать и приспособливаться к изменяющейся обстановке в области покупательского спроса и продвижения новых форм и методов торговли и производства. Негативно сказывались на развитии торговли и бытового обслуживания и нехватка торговых и производственных площадок, и отсутствие модернизации производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуменюк А.А. Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 годы (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. №3. С. 359–365.

² Экономический строй социализма. М.: Экономика, 1984. Т. 3. С. 477.

³ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М.: Наука, 1965.

- ⁴ *Твердюкова Е.Д.* Комиссионная торговля в советской России – СССР (1917 – 1991 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 80-89.
- ⁵ *Кирсанов Р.Г.* Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2014. № 7–1. С. 36–41; *Столетова А.С.* Советская торговля в 1960–1980-е годы: базовые принципы и их искажение // Научный диалог. 2021. № 3. С. 416-437.
- ⁶ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Торговля потребительскими товарами в Советской России 1950-1980-х гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. №3(22). С. 14-19.
- ⁷ *Козлова Н.Н.* Советские люди: Сцены из истории. М., 2005; *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
- ⁸ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 8. Оп. 74. Д. 1. Л. 172.
- ⁹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 80. Д. 61.
- ¹⁰ *Гуменюк А.А.* Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953-1985 годы (на материалах Нижнего Поволжья)... С.359-360.
- ¹¹ *Гуменюк А.А.* Человек и реформы в СССР в 1953-1985 годы (по материалам Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2009. Т.9. № 2. С. 97-98.
- ¹² *Забалухина Н.В., Пашкин А.Г.* Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 - 1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 148.
- ¹³ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Торговля потребительскими товарами в Советской России 1950-1980-х гг. С. 16.
- ¹⁴ *Мартиросян А.М.* Оптовая торговля товарами народного потребления. Ереван: Айастан, 1985. С. 32.
- ¹⁵ СОГАСПИ. Ф.714. Оп. 78. Д. 21.
- ¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 82. Д. 50.

THE CONSUMER SECTOR OF TRADE AND HOUSEHOLD SERVICE OF THE POPULATION OF KUIBYSHEV IN THE EARLY 1980s

© 2022 V.A. Povlyuchenko

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The paper is devoted to the analysis of documents of industrial-transport, administrative and trade-financial bodies of the Kuibyshev city committee of the CPSU, which allow to reconstruct the state of trade and consumer services in the city of Kuibyshev in the early 1980s. The author reveals the main problems in supplying the population with food and industrial goods. The data prove that the real state of trade enterprises did not always correspond to the optimistic indicators and achievements declared in the resolutions of the CPSU city committee bureau. On the example of fruits and vegetables, the author points out the difficulties of foodstuffs supplying the population in 1980-1982. It is proved that the shortage of products was due to both objective and subjective factors. The heads of the city party committee and departments of the city executive committee not only performed the functions of coordinating and controlling the activities of trade and consumer services enterprises, but also considered proposals for further improvement and development of their work. The author highlights the main problems of consumer services, primarily related to the financing of the city and the ever-growing needs of its population.

Keywords: USSR, Council of People's Deputies, Kuibyshev, social and communal services, health sphere, social and cultural issues, budget.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-60-67

*Vladimir Povlyuchenko, Postgraduate Student,
Department of Russian History and Historiography.
E-mail: vladimir1243@rambler.ru*

УДК 94(470)

АРМЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В.

© 2022 Л.Г. Мкртчян

Духовно-просветительский центр (воскресная школа) «Айордеац Тун»
при Армянской Апостольской церкви «Сурб Хач» (Святого Креста), г. Самара

Статья поступила в редакцию 26.08.2022

В настоящей работе анализируется динамика численности армянского населения Среднего Поволжья (Ульяновской, Пензенской, Самарской областей и Республики Татарстан) на протяжении длительного исторического периода – с конца XIX до начала XXI в. Источниками исследования являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), Всесоюзных переписей населения (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.). Определены важнейшие этапы формирования армянской диаспоры в региональном масштабе. В конце XIX в. армянское население региона было крайне немногочисленно и исчислялось несколькими десятками человек. Заметный рост армянского населения в Среднем Поволжье наблюдается в 1920-е гг. вследствие массовой миграции в годы Геноцида. На этом этапе начинается организационное оформление армянской диаспоры в Среднем Поволжье, создается первое национально-религиозное объединение – армянская религиозная община в Самаре. На протяжении советского периода численность армянского населения Среднего Поволжья постепенно увеличивается преимущественно за счет трудовых миграций. В конце XX века темпы роста армянского населения Среднего Поволжья значительно возросли вследствие массовых вынужденных миграций. На протяжении большей части изучаемого периода в составе армянского населения Среднего Поволжья наблюдается численное преобладание жителей Самарской (Куйбышевской) области: в 2010 г. их доля превысила 60,0%. Для современного периода развития армянской диаспоры Среднего Поволжья характерен высокий уровень самоорганизации общины, что облегчает адаптацию новых переселенцев, их интеграцию в принимающее сообщество.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, армянская диаспора, демография, миграция, перепись населения.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-68-76

Введение

Армянская диаспора (самоназвание «Спюрк») представляет собой уникальный историко-культурный и социокультурный феномен. Именно армянская диаспора, наряду с еврейской и греческой, часто выделяется в исследовательской литературе определением «классическая» – ее основополагающие черты легли в основу парадигматической модели, с которой сверяют остальные народы рассеяния на предмет их соответствия термину «диаспора»¹. Костяк сегодняшней классической диаспоры со-

ставляют потомки выходцев из Западной Армении, чьи предки сумели спастись во время Геноцида 1915-1923 гг. Армянские диаспоры играют видную роль в экономике, культуре, общественной жизни стран пребывания.

В современном мире численность армян, проживающих вне исторической родины, существенно выше, чем численность населения самой Армении (на начало 2019 г. – 2 965 тыс. чел.)². По данным Офиса главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения, в настоящее время численность армянского населения США составляет 1 600 тыс. чел., Франции – 650 тыс. чел., Аргентины – около 120 тыс. чел.³

*Мкртчян Луиза Геворговна, педагог.
E-mail: mkrt4yan.luizaluiza@yandex.ru*

Самой многочисленной из всех армянских общин за рубежом является армянская диаспора России: согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность армянского населения составляет 1 182 388 человек⁴.

Известный социолог Э.Р. Григорьян отмечает, что российская армянская диаспора имеет свои характерные черты. Во-первых, она включает «старожильческую» часть российских армян, которые испокон веков проживали в России; во-вторых, армян, которые переезжали в Россию в советские годы; в-третьих, выходцев из Армении, которые переехали в Россию в конце 80-х и в начале 90-х годов XX века (после разрушительного Спитакского землетрясения и в разгар армяно-азербайджанского противоборства, бакинских и сумгаитских погромов и т.д.)⁵. В качестве относительно автономной группы по сравнению с армянами-старожилами РФ исследователи выделяют также «новомигрантов», чей стаж проживания в России составляет не более 19 лет⁶.

Социокультурный облик армянских диаспор, проблемы их формирования и адаптации в принимающем обществе широко изучаются как в общероссийском масштабе⁷, так и на региональных уровнях: активно исследуются армянские диаспоры Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Юга России⁸. Столь же тщательного и всестороннего исследования, по нашему убеждению, заслуживает и история армянского сообщества Среднего Поволжья – региона, чье социокультурное пространство отличается уникальным этнокультурным разнообразием, многовековыми традициями совместного проживания представителей самых разных народов, культур и религий. Историки, этнографы и краеведы уже предприняли важные шаги по изучению армянских диаспор Самарской области⁹ и Республики Татарстан¹⁰, однако комплексного исследования по региону в целом пока не появилось.

В настоящей работе ставится цель проанализировать динамику численности армянского населения Среднего Поволжья

на протяжении длительного исторического периода, что позволит определить важнейшие этапы формирования армянской диаспоры в региональном масштабе.

Методика и источники исследования

Источниками нашего исследования являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), Всесоюзных переписей населения (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.). Сведения о национальном составе населения РФ по результатам Всероссийской переписи населения 2020 года на настоящий момент находятся в разработке. Итоги Всероссийских переписей населения доступны на официальном сайте Росстата, материалы более ранних переписей – на сайте демографического еженедельника «Демоскоп Weekly», издаваемого Институтом демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» имени А.Г. Вишневого¹¹. Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – начало XXI в.

При определении территориальных границ исследования мы исходим из исторически сложившейся научной практики. Термин «Среднее Поволжье» широко использовался в научной и научно-популярной литературе на протяжении всего изучаемого периода: он вошел в научный оборот со второй половины XIX века, когда ведущий российский географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский предложил выделять верхнее, среднее и нижнее течение реки Волга. В границы Среднего Поволжья, как правило, включали Казанскую, Симбирскую и Самарскую губернии, реже – Саратовскую¹². Этот подход в целом унаследовала современная наука: согласно Большой Российской энциклопедии, Среднее Поволжье включает в себя Ульяновскую, Пензенскую, Самарскую области и Татарию¹³. Территориально-административное деление Поволжья неоднократно претерпевало изменения; совре-

менные границы этих областей и республик определились только с 1950-х гг.

Результаты и их обсуждение

Анализируя результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), следует учитывать, что организаторы переписи ставили респондентам вопрос не о национальности, а о родном языке. По данным переписи, армянский язык указали в качестве родного языка в Казанской губернии 36 человек (при общей численности населения губернии более 2 170 тыс. чел), в Самарской губернии – 31 человек (при общей численности 2 751 тыс. чел.); в Симбирской и Пензенской губерниях - всего по 4 человека¹⁴. Как видим, на том этапе еще рано было говорить о формировании армянской диаспоры Среднего Поволжья, хотя, например, в Самаре сын армяно-католика купец Егор Никитич Аннаев играл видную роль в экономической жизни и благоустройстве города; известна была в Самаре и обувная фабрика братьев Чавушьянц, занимавшаяся производством «всевозможной кавказской обуви высшей прочности»¹⁵.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года свидетельствуют о заметном росте численности армянского населения регионов РСФСР. Очевидной причиной этого было массовое переселение вследствие национальной трагедии – Геноцида армян в Османской империи в 1915-1923 гг. Наиболее многочисленным в РСФСР, согласно итогам переписи, было армянское население Северо-Кавказской АССР (162,2 тыс. чел.), Крымской АССР (10,7 тыс. чел.), Московской губернии (6,7 тыс. чел.), Дагестанской АССР (5,9 тыс. чел.) и Астраханской губернии (3 тыс. чел.). На этом фоне более скромными выглядят данные о численности армянского населения Среднего Поволжья: в Самарской губернии на момент переписи проживало 239 армян, в Татарской АССР (бывшей Казанской губернии) – 85 армян, в Пензенской губернии – 59, в Ульянов-

ской (бывшей Симбирской) губернии – 55¹⁶. Армянские переселенцы преимущественно селились в городах: из 438 армян Среднего Поволжья лишь 12 на момент переписи проживали в сельской местности. Именно к этому периоду относятся первые опыты самоорганизации армянской диаспоры средневожских губерний: так, в Самаре в 1918 г. была создана армянская религиозная община «Святой Гевонд», действовавшая до 1930 года¹⁷.

О том, что армянские переселенцы активно прибывали в Среднее Поволжье в период «пятилеток индустриализации и коллективизации», красноречиво говорят результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. Армянское население Куйбышевской (бывш. Самарской) области составило 816 чел., Татарской АССР – 440 чел., Пензенской области – 213 чел.¹⁸ Нынешняя территория Ульяновской области на том историческом отрезке была включена в состав Пензенской и Куйбышевской областей. Численность армянского населения Среднего Поволжья составила около полутора тысяч чел. – то есть по сравнению с 1926 годом возросла более чем в три раза. Как и в предшествующий период, армянское население проживало преимущественно в городах: так, из 816 чел. армянского населения Куйбышевской области в селах проживало всего 34 человека, тогда как в областном центре, г. Куйбышеве – 462 человека.

Следующая Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1959 году, отстоит от предыдущей на 20 лет. Это двадцатилетие включало в себя трагические годы Великой Отечественной войны с массовыми вынужденными миграциями, период послевоенного восстановления народного хозяйства страны. Вербовка квалифицированной рабочей силы на новые всесоюзные стройки продолжалась и в последующие десятилетия, что не могло не сказаться на изменении национального состава населения регионов страны.

С 1959 года и вплоть до распада СССР Всесоюзные переписи населения прово-

дились регулярно, примерно с 10-летним интервалом. Поскольку с 1950-х до начала 1990-х гг. территориально-административное деление РСФСР не претерпело существенных изменений, мы можем начиная с 1959 г. считать сопоставимыми данные по численности армянского населения Среднего Поволжья (см. табл. 1).

Таким образом, общая численность армянского населения Среднего Поволжья в 1989 г. по сравнению с 1959 г. увеличилась более чем в 4 раза – с 2087 до 8710 человек. При этом значительная часть армянского

населения Среднего Поволжья на протяжении этих тридцати лет проживала на территории Куйбышевской области: в 1959 году – 49,2%, в 1970 г. – 58,7%, в 1979 г. – 50,9%, в 1989 г. – 47,8% от общей численности.

Материалы переписи позволяют судить о доле городских и сельских жителей, а также женщин и мужчин в составе армянского населения каждого региона. Показательны данные по Куйбышевской области. По результатам переписи 1959 г. среди ее армянского населения городские жители составляли 925 человек (из них мужчин 597,

Таблица 1

**Армянское население Среднего Поволжья
по данным Всесоюзных переписей населения 1959-1989 гг.¹⁹**

Переписи населения	Регионы				В целом по Среднему Поволжью
	Татарская АССР	Ульяновская обл.	Пензенская обл.	Куйбышевская обл.	
1959 г. Абсолютная численность, чел.	608	212	240	1027	2087
1970 г. Абсолютная численность, чел.	502	291	354	1629	2776
Темп роста к 1959 г., %	82,6	137,3	147,5	158,6	133,0
1979 г. Абсолютная численность, чел.	1153	428	557	2216	4354
Темп роста к 1959 г., %	189,6	201,9	232,1	215,8	208,6
Темп роста к 1970 г., %	229,7	147,1	157,3	136,0	156,8
1989 г. Абсолютная численность, чел.	1815	1448	1285	4162	8710
Темп роста к 1959 г., %	298,5	683,0	535,4	405,3	417,3
Темп роста к 1970 г., %	361,6	497,6	363,0	255,5	313,8
Темп роста к 1979 г., %	157,4	338,3	230,7	187,8	200,0

женщин 328), а сельские жители – 102 человека (мужчин 87, женщин 15). В 1970 году городские жители среди армян Куйбышевской области составляли 1506 человек (мужчин 1145, женщин 361), а сельские жители – 123 человека (мужчин 102, женщин 21). Согласно данным переписи 1979 г., горожане среди армян Куйбышевской области составляли 1987 человек (мужчин 1394, женщин 593), а сельские жители – 229 человек (мужчин 174, женщин 55). Столь явное и устойчивое численное преобладание горожан над сельскими жителями, а мужчин над женщинами позволяет предположить, что армянское население Куйбышевской области вплоть до 1980-х гг. росло преимущественно за счет трудовых миграций, притока рабочей силы в сферы промышленности и строительства.

В конце 1980-х гг. отмечается значительный рост численности армянского населения России, что было связано с трагическими событиями в Армении (Спитакское землетрясение 1988 г.), Азербайджане (события в Баку и Сумгаите 1988-1990 гг.), с началом вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (с 1988 г.). Приток беженцев устремился в том числе в Среднее Поволжье: уже в декабре 1988 г. Президиумом исполкома Куйбышевского областного Совета народных депутатов было принято решение обеспечить расселение и трудоустройство прибывающих из Армянской ССР пострадавших от Спитакского землетрясения²⁰.

Вследствие притока переселенцев заметно изменилось соотношение городских и сельских жителей, а также мужчин и женщин в составе армянского населения Куйбышевской области: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., городские жители среди армян области составили 3313 человек (из них мужчин 2129, женщин 1184), а сельские жители – 849 человек (мужчин 582, женщин 267).

В этот период, впервые после 1930-х гг., вновь начинается создание национальных сообществ армян в принимающих регио-

нах. В 1989-1992 гг. в Самаре действовало областное Армянское национально-культурное общество «Арагат», руководителем которого был вузовский преподаватель В.А. Осипян; целью общества было оказание помощи вынужденным переселенцам из зоны землетрясения и беженцам из Нагорного Карабаха, Баку и Сумгаита²¹. В 1995 г. были учреждены Самарская областная общественная организация «Армянская Община» и Самарская религиозная организация Армянской Апостольской церкви «Сурб Хач» («Святой Крест»); руководителем общины и председателем приходского совета стал инженер-строитель и предприниматель А.Р. Мартиросян²². Национально-культурная автономия армян Республики Татарстан²³ ведет свои истоки с начала 1990-х гг., когда профессиональный историк, выпускник Казанского государственного университета М.Н. Хачатурян (приехавший в Казань в 1989 г.) вместе с единомышленниками основал общество армянской культуры «Луйс»²⁴. В 1990-е годы было создано Пензенское армянское культурное благотворительное общество, которое возглавил уроженец Спитака и выпускник Пензенского инженерно-строительного института С.В. Саакян²⁵. В 1993 году была создана армянская община Ульяновска, которую возглавил В.С. Буниатян²⁶. В начале XXI века региональные армянские общины вошли в состав общероссийской общественной организации «Союз армян России», основанной в 2000 г. и в настоящее время имеющей более 60 региональных отделений²⁷.

Армянская Апостольская церковь на протяжении веков выполняла и продолжает выполнять жизненно важную роль в сохранении и сплочении армянского народа как в диаспоре, так и на исторической родине. В Среднем Поволжье на сегодняшний день действует церковь «Сурб Хач» (Святого Креста) в Самаре (открылась в 2003 г., настоятель – иерей Киракос Агосян) и церковь «Сурб Аствацацин» (Святой Богородицы) в Тольятти (открылась в 2017 г., настоятель – иерей Завен Айрапетян).

С 1990-2000-х гг. мы можем уверенно констатировать наличие в Среднем Поволжье не просто армянского населения, но армянской диаспоры – согласно концепциям современных этнологов и социологов, одним из конституирующих признаков диаспоры является способность к самоорганизации, созданию сообществ с целью социальной поддержки своих членов и сохранения этнической идентичности²⁸.

Наличие в регионах национальных общин облегчило адаптацию новых переселенцев. О росте армянской диаспоры Среднего Поволжья в конце XX – начале XXI в. мы можем судить по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. (Табл. 2).

Как видим, к 2002 году численность армянского населения Среднего Поволжья по сравнению с 1989 г. увеличилась более чем в 4 раза – с 8710 до 35903 человек. В наибольшей степени выросла численность армян Самарской области – с 4162 до 21566

человек, более чем пятикратно. В 2010 г. по сравнению с 2002 г. численность армянского населения Среднего Поволжья выросла на 4,7%, что может свидетельствовать о существенном замедлении притока новых переселенцев и о приросте численности диаспоры в основном за счет естественного движения населения.

С советских времен сохраняется тенденция численного преобладания жителей Самарской (Куйбышевской) области в составе армянского населения Среднего Поволжья: если в 1989 г. армяне Куйбышевской области составляли 47,8% от общей численности армян Среднего Поволжья, то в 2002 г. их доля достигла 60,1% (21566 человек из 35903), а в 2010 г. – 61,1% (22981 человек из 37591).

Существенно изменилось по сравнению со второй половиной XX в. соотношение между женщинами и мужчинами в составе армянского населения Самарской области. Так, если в 1979 году мужчины составляли 70,8% армянского населения области (1568

Таблица 2

**Армянское население Среднего Поволжья
по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.²⁹**

Переписи населения	Регионы				В целом по Среднему Поволжью
	Республика Татарстан	Ульяновская обл.	Пензенская обл.	Самарская обл.	
2002 г. Абсолютная численность, чел.	5922	4745	3670	21566	35903
Темп роста к 1959 г., %	972,4	2238,2	1529,2	2099,9	1720,3
Темп роста к 1989 г., %	326,3	327,7	285,6	518,2	412,2
2010 г. Абсолютная численность, чел.	5987	4520	4103	22981	37591
Темп роста к 1959 г., %	984,7	2132,1	1709,6	2237,7	1801,2
Темп роста к 1989 г., %	329,9	312,2	319,3	552,2	431,6
Темп роста к 2002 г., %	101,1	95,3	112,8	106,6	104,7

из 2216 человек), а в 1989 г. – 65,1% (2711 из 4162 человек), то в 2010 г. мужчины составили 55,8% (12826 из 22981 человек). Это свидетельствует о том, что новые переселенцы стали прибывать в область целыми семьями. Не столь разительно изменилось соотношение между городскими и сельскими жителями в составе самарской армянской диаспоры, но и здесь налицо вполне определенная тенденция: если в 1979 году горожане составляли 89,7% армянского населения области, а в 1989 г. – 79,6%, то по данным переписи 2010 г. их доля составила 74,7% (17160 из 22981 человек).

Заключение

Таким образом, в формировании армянского населения Среднего Поволжья можно выделить несколько этапов. В конце XIX в. армянское население региона было крайне немногочисленно и исчислялось несколькими десятками человек. Заметный рост армянского населения в Среднем Поволжье наблюдается в 1920-е гг. вследствие массовой миграции в годы Геноцида. На этом этапе начинается организационное оформление армянской диаспоры в Среднем Поволжье, создается первое национально-религиозное объединение – армянская религиозная община «Святой Гевонд» в Самаре. Численность армянского населения Среднего Поволжья постепенно увеличивается на протяжении советского периода (от 438 человек в 1926 г. до 4354 человек в 1979 г.).

Темпы роста армянского населения Среднего Поволжья значительно возросли в конце XX века вследствие массовых вынужденных миграций: в 1989 г. по сравнению с 1979 г. численность армянского населения региона увеличилась двукратно, а в 2002 г. по сравнению с 1989 г. – четырехкратно; по данным 2010 г. армянское население Среднего Поволжья составило 37591 человек. На протяжении большей части изучаемого периода в составе армянского населения Среднего Поволжья наблюдается численное преобладание жителей Самарской (Куйбы-

шевской) области: в 2010 г. их доля превысила 60,0%.

Для современного периода развития армянской диаспоры Среднего Поволжья характерен высокий уровень самоорганизации общины, разнообразие культурных инициатив, направленных на сохранение национальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (дата обращения: 22.08.2022).
- ² 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950-2019, тысяч человек // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (дата обращения: 26.08.2022).
- ³ Общины армянской диаспоры // Офис главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения (официальный сайт). URL: <http://diaspora.gov.am/ru/diasporas> (дата обращения: 21.08.2022).
- ⁴ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
- ⁵ Григорьян Э.Р. Армянство России: неиспользуемые ресурсы // Армяне в России. Сборник статей / Под ред. Э.Р. Григорьяна. М.: Ин-т социальных наук, 2013. С.33.
- ⁶ Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван: Изд-во «Гитутюн», 2016. С.6, 144, 149.
- ⁷ Армяне в России. Сборник статей / Под ред. Э.Р. Григорьяна. М.: Ин-т социальных наук, 2013; Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван: Изд-во «Гитутюн», 2016.
- ⁸ Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования). // Социс. 2001. № 11. С.13-21; Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. / Под ред. Воронкова В., Освальд И. СПб.: Дмитрий Буланин,

1998. С. 227-259; *Аветикян А.С.* Армянская община Астрахани и ее роль в социально-экономической и культурной жизни региона в XVIII - нач. XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; *Хачикян В.А.* Армянская колония Астрахани (середина XVI - начало XX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Ереван, 1995; *Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012; *Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.)* / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015; *Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.)* / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018; *Берберян А.А., Тучина О.Р.* Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // *Российский психологический журнал*. 2016. Т.13. № 3. С.178-196.
- ⁹ *Каркарьян В.Г.* Армяне // *Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки* / Под ред. Т.И. Ведерниковой. Самара; Тольятти: ПП Современник; ПП Наш Современник, 2003; *Мартirosян А.Р.* Армения и армяне Самарской губернии. Самара: Linia!, 2003; *Агаджанян Л.А.* Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX – XXI век): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2016.
- ¹⁰ *Овчинников А.В.* Культурная память мигрантов Татарстана (по материалам армянской и азербайджанской диаспор) // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13* / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2017. Ч. 1. С. 679-682; *Титова Т.А.* Армяне в городах Татарстана: штрихи к портрету // *Диаспоры*. 2004. № 1. С. 64-80.
- ¹¹ *Переписи населения* // Росстат: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 21.08.2022); *Демоскоп Weekly*. Приложение. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 21.08.2022).
- ¹² *Цыганова Я.М.* К истории географического наименования «Среднее Поволжье» // *Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия*. 2015. № 11(133). С. 154-158.
- ¹³ *Поволжье* // *Большая Российская энциклопедия – электронная версия*. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/3148221> (дата обращения: 21.08.2022).
- ¹⁴ Таблица XIII. Распределение населения по родному языку // *Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=1
- ¹⁵ *Памятная книжка Самарской губернии на 1915 год*. Самара: Губернская типография, 1915. С.34.
- ¹⁶ Таблица VI. Население по полу, народности // *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-1929. Т. 9. С. 34-51; Т. 10. С. 9-13; Т. 11. С. 8-17; Т. 14. С.6-16; Т. 15. С. 8-13; Т. 16. С.8-12; Т. 17. С. 8-25.
- ¹⁷ *Мкртчян Л.Г.* Армянская религиозная община «Святой Гевонд» г. Самары в 1918-1930 гг. // *Материалы межрегиональной научной конференции «Самарский край в истории России»*. Самара, 2017. С.284-287.
- ¹⁸ *Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России* // *Демоскоп Weekly*. Приложение. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=73 (дата обращения: 21.08.2022).
- ¹⁹ *Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств* // *Демоскоп Weekly*. Приложение. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 21.08.2022).
- ²⁰ Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее – ГБУСО «ЦГАСО»). Ф. Р-2558. Оп. 18. Д. 1306. Л. 4.
- ²¹ *Общины мигрантов в Самарской области: этнические и конфессиональные особенности. Справочник для государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных структур* / Сост. Н.П. Осипова. Самара: [б.и.], 2008. С.22.
- ²² *Скатица Е.* Артур Мартиросян: «Главное для меня – историческая родина, моя семья, мои корни и предки» // *Самарские судьбы: Сайт для общения творческих людей*. 07.11.2020. URL: <https://samsud.ru/articles/journal/heroes/artur-martirosyan.html> (дата обращения: 26.08.2022).
- ²³ Региональная общественная организация «НКА армян Республики Татарстан». URL: <https://arm.addnt.ru/about/> (дата обращения: 25.08.2022).
- ²⁴ *Овчинников А.В.* Культурная память мигрантов Татарстана (по материалам армянской и азербайджанской диаспор). С.680-682.

- ²⁵ Хильчук О. Такие разные пензенские армяне // Региональное информационное агентство Пензенской области. 27.10.2017. URL: https://riaro.ru/penza/culture/takie_raznye_penzenskie_armyane (дата обращения: 25.08.2022).
- ²⁶ Армянская община Ульяновска (Россия) // Энциклопедия фонда «Хайазг». URL: [http://ru.hayazg.info/Армянская_община_Ульяновска_\(Россия\)](http://ru.hayazg.info/Армянская_община_Ульяновска_(Россия)) (дата обращения: 25.08.2022).
- ²⁷ Союз армян России: общероссийская общественная организация (официальный сайт). URL: <https://sarinfor.org/regions/> (дата обращения 25.08.2022).
- ²⁸ Социологический словарь / Отв. ред. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., уч.секр. Чернощек О.Е. М.: Норма, 2008. С.119; *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С.43-57.
- ²⁹ Всероссийская перепись населения 2002 г. Итоги переписи. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 21.08.2022); Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.08.2022).

THE ARMENIAN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION AT THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

© 2022 L.G. Mkrtchyan

Spiritual and Educational Center (Sunday School) «Ayordeats Tun»
at the Armenian Apostolic Church «Surb Khach» (Holy Cross), Samara

The paper is devoted to the dynamics of the Armenian population in the Middle Volga region (Ulyanovsk, Penza, Samara oblasts and the Republic of Tatarstan) over a long historical period: from the end of the 19th to the beginning of the 21st century. The sources of the study are the materials of the First General Population Census of the Russian Empire (1897), the All-Union Population Censuses (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) and the All-Russian Population Censuses (2002 and 2010). The author defines the most important stages in the formation of the Armenian diaspora on a regional scale. At the end of the XIX century. the Armenian population of the region was rather small and amounted to several dozen people. A noticeable increase in the Armenian population in the Middle Volga region was observed in the 1920s due to mass migration during the Genocide. At this stage, the organizational formation of the Armenian diaspora in the Middle Volga began, the first national-religious association was created in Samara. During the Soviet period, the number of the Armenian population of the Middle Volga region gradually increased mainly due to labor migrations. At the end of the 20th century, the growth rate of the Armenian population of the Middle Volga region increased significantly due to mass forced migrations. For most of the studied period, the Armenian population of the Middle Volga region was dominated by residents of the Samara (Kuibyshev) oblast: in 2010, their share exceeded 60.0%. The modern period of development of the Armenian diaspora in the Middle Volga region is characterized by a high level of self-organization of the community, which facilitates the adaptation of new settlers, their integration into the host community.

Keywords: Middle Volga region, Armenian diaspora, demography, migration, population census.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-68-76

УДК 94(410).07

**ОТ БОЛЬШОЙ ИГРЫ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ:
МАЛЫЕ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ В БРИТАНСКОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

© 2022 С.Г. Малкин, А.И. Лёзин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 01.11.2022.

Осмысление малой войны как модели колониального антиповстанчества являлось характерной чертой развития военной мысли расширявших свои границы европейских империй. В статье этот процесс рассматривается как отражение дискуссий о роли военных властей в обеспечении колониального порядка. Сравнение российского и британского случаев в первой трети XX в. позволяет выйти за традиционные рамки «Большой игры» в изучении особенностей применения военной силы на восточных окраинах Российской и Британской империй. Анализ эволюции военной мысли этих стран показывает, что накануне Великой войны их профессиональные военные сообщества разделяли общие представления о спектре первоочередных потенциальных угроз их безопасности в Азии, отдавая приоритет в подготовке личного состава и офицерского корпуса конвенциональным конфликтам. В эпоху Интербеллума, как показывает предпринятое исследование, отношение военных в Великобритании и СССР к малым войнам меняется под воздействием новых глобальных идейных течений (национализм, коммунизм, панисламизм). Показано, что при всей разнице в идеологических подходах и самой методологии анализа, и британская, и советская военная мысль теперь исходили из того, что и на неевропейских театрах малой войны собственно военные меры представляют собой лишь часть общей политики умиротворения той или иной территории и должны сочетаться с мерами социально-экономического и политического характера, призванными преодолеть кризис лояльности в отношениях с туземным населением.

Ключевые слова: малая война, военная мысль, Британская империя, Российская империя, СССР, Великая война, эпоха Интербеллума.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-77-81

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00011, <http://rscf.ru/project/22-18-00011>*

На рубеже XIX–XX вв. для британской армии главной работой по организации военных кампаний в колониях стал труд генерал-майора сэра Чарльза Эдварда Коллвелла «Малые войны. Их принципы и практика» (1896, 1899, 1906 гг. изд.). Работа представ-

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения.

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Лёзин Александр Иванович, магистрант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения.

E-mail: lezin1995@gmail.com

ляет собой первый компендиум европейского и американского опыта колониальных конфликтов. При этом первый устав британской армии (1909 г.) не содержал прямых отсылок к работе Коллвелла. Раздел о войнах с «нецивилизованным врагом» появился только во втором издании (1912 г.) и лишь потому, что военные власти Британской Индии убедили в его необходимости Генеральный штаб, подразумевая военные действия в приграничных с Афганистаном провинциях². Идеи Коллвелла о герилье

«разумных» народов (наиболее частая проблема Британской империи после Великой войны в сфере внутренней безопасности), концептуально сформулированные в третьем издании на примере событий на Кубе и главным образом в Южной Африке на рубеже XIX–XX вв., на доктринальном уровне не получили развития. Военное министерство отдавало приоритет подготовке армии к участию в конвенциональном конфликте не только накануне, но и после окончания Великой войны³.

Российская военная мысль на доктринальном уровне также не обнаружила заметного интереса к проблематике малых войн в колониальном контексте. Опубликованные в империи работы об этой форме вооруженной борьбы имели отношение к организации партизанских действий регулярных армейских частей⁴. Малые войны рассматривались в них в традиционном смысле слова – в соответствии с европейской военной мыслью в этом вопросе, заложенной еще в эпоху раннего Нового времени. Соображения стратегического и тактического характера относительно военных кампаний Российской империи на восточных окраинах и в сопредельных странах Азии не были систематизированы с точки зрения их специфики в форме обобщающего военно-теоретического труда и/или военной доктрины⁵.

Малые войны в смысле борьбы с плохо организованными и разношерстными туземными войсками, практикующими партизанские методы вооруженной борьбы, накануне Великой войны представляли собой уходящую натуру с точки зрения ключевых приоритетов, целей и задач, которые перед собой ставили генеральные штабы европейских держав в вопросах стратегии и тактики гипотетических военных действий на Среднем, Ближнем и Дальнем Востоке. Так, российскую армию больше заботили вопросы организации военно-народного управления на Кавказе и в Средней Азии. После неудачного завершения Русско-японской войны и по мере приближения Первой мировой

войны на первый план вышла подготовка военных востоковедов, специализирующихся на наиболее вероятных противниках из числа азиатских держав (Япония, Китай, Османская империя, Иран) – предполагался масштабный конвенциональный конфликт⁶. Схожим образом оценивали практическое значение опыта колониальных войн в британской армии. «Малые войны» в эпоху Интербеллума не переиздавались, хотя Коллвелл по-прежнему писал военно-теоретические работы и был удостоен еще одной премии Королевского института объединенных служб в 1921 г. за вклад в развитие военной мысли.

С другой стороны, военное востоковедение сохраняло значение для восточной политики обеих держав, влияя на издержки управления зависимыми территориями⁷. Эти перемены главным образом были связаны с тем, что первая половина XX в. ознаменовалась новыми вызовами европейскому колониальному порядку в форме панисламизма, национализма и коммунизма в сочетании с урбанизацией протестных движений, а также ростом влияния средств массовой информации и общественного мнения на характер, масштабы и методы контрпартизанской борьбы⁸. В свете этих обстоятельств попытки зажечь пожар мировой революции на окраинах Британской империи предсказуемо привели к отказу британских военных от представления об общей с теперь уже Советской Россией/СССР «цивилизационной миссии» в регионе и инструментализации этого концепта в свете новых геополитических задач, обусловленных идейным содержанием малых войн после Великой войны⁹. В этом смысле эпоха Интербеллума стала переходной от модели противостояния (но также и сотрудничества) европейских держав в Азии в рамках Большой игры Российской и Британской империй к логике конфликтного взаимодействия в форме блокового соперничества времен Холодной войны.

Этот же процесс переосмысления роли и характера асимметричных конфлик-

тов на Востоке шел и в рядах Красной армии. С одной стороны, Гражданская война и ее последствия привели к радикальному упрощению многоуровневой системы подготовки офицеров-востоковедов в стране. В Российской империи накануне Великой войны насчитывалось сразу несколько крупных центров этого рода, в Советской России / СССР – только один, Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе¹⁰. С другой стороны, именно в 1920-е гг. в учебных планах факультета впервые для отечественного военного востоковедения появился такой предмет, как «Ведение войны на малокультурных театрах», посвященный изучению «характера и формы борьбы на Восточных театрах» и в этом смысле близкий по своему замыслу «Малым войнам» Коллвелла¹¹. В 1930-е гг. на Восточном факультете появился курс с практически одноименным названием («Малая война»), который, однако, предполагал заметно более широкую трактовку феномена. Речь шла об изучении не только форм и методов контрпартизанской борьбы, применяемых в том числе «империалистическими государствами», но и об организации повстанческого движения, причем как на своей территории, так и на территории вероятного противника, на основе, безусловно, «марксистско-ленинского учения о вооруженном восстании и партизанской войне»¹².

Такое ангажированное идейное основание, однако, не отменяет тот факт, что в основу нового понимания феномена малой войны в РККА было положено представление о неразрывной связи ее военной, политической и социально-экономической сторон. Об этом свидетельствуют и первые наставления для РККА по ведению малой войны, подготовленные с учетом опыта борьбы с басмаческим движением в Средней Азии¹³. В этом смысле для развития отечественной военной мысли в межвоенный период характерен тот же переход от преимущественно тактического понимания асимметричных конфликтов за пределами Европы к стратегическому видению кон-

трпартизанской борьбы, при котором военное измерение рассматривалось лишь как одно из слагаемых успеха в борьбе с инсургентами, который демонстрировали современные империи, пережившие Великую войну.

Симптоматично, что в знаменитой работе генерал-майора сэра Чарльза Уильяма Гвинна «Патрулируя империю», которая в середине 1930-х гг. потеснила «Малые войны» в качестве основного пособия британской армии по колониальному антиповстанчеству (тем более что одновременно с этой публикацией был издан одноименный устав), не только отсутствуют примеры из аналогичного опыта других современных колониальных держав, но и из истории самой Британской империи до окончания Великой войны¹⁴. Британская империя, по меткому замечанию Адама Туза, стала напоминать не карту владений, а картину охваченных бунтом просторов¹⁵. В Ирландии, Индии, Месопотамии, Египте, Палестине, на Кипре Лондону пришлось вести долгую, напряженную и далеко не всегда успешную борьбу с национально-освободительными движениями. Для противодействия им самую известную работу Коллвелла его коллеги в британской армии фактически сочли бесполезной. В подготовленном Ирландским командованием совместно с Управлением военных операций Имперского генерального штаба Великобритании «Обзоре мятежа в Ирландии» (война за ее независимость 1919–1921 гг.) это различие зафиксировано и терминологически: Вторую Англо-бурскую войну его авторы называли «обычной герильей», а «Ирландскую войну» охарактеризовали как «особый тип герильи»¹⁶.

Не менее показательны в этой связи разногласия между армией, военно-воздушными силами и политическим руководством страны о роли авиации в обеспечении колониального контроля¹⁷. Когда события в Палестине, Бирме, на Кипре (повсеместно в Британской империи после 1945 г.) выявили ограниченность «воздушного контроля» в восстановлении колониального порядка,

авиаторы в погонах призвали к дифференцированному подходу к патрулированию империи. Первые соображения этого рода были высказаны еще в начале 1920-х гг.¹⁸ Их участники полагали, что там, где это было возможно (на северо-западной границе британской Индии, в труднодоступных и малонаселенных районах Ближнего Востока и Африки), применение авиации было уместно в рамках привычной малой войны, основные принципы ведения которой генерал Коллвелл изложил еще в 1896 г. В условиях «современного мятежа», понимаемого как разнонаправленная подрывная деятельность и в основных чертах представленного профессиональной аудиторией и широкой публике участниками «Ирландской войны» в 1920-е гг. и генералом Гвинном в 1930-е гг., на первый план в восстановлении колониального контроля должна была выходить именно армия¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Callwell C.E. *Small Wars. Their principles and practice*. General Staff – War Office. London, 1896 [1899, 1906].
- ² Moreman T. «Small Wars» and «Imperial Policing»: The British army and the theory and practice of colonial warfare in the British empire, 1919–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1996. 19, no. 4. P. 109.
- ³ Ibid. P. 107–110; Gwynn W.G. *Army Training, 1931* // Royal United Services Institute [RUSI]. *Journal*. 1931. 76:504. P. 722–730; Hudson C.E. *The Tasks of the Army* // RUSI. *Journal*. 1933. 78:512. P. 773–778; Wavell A.P. *The Training of the Army for War* // RUSI. *Journal*. 1933. 78:510. P. 254–273; Smith A.B. *The Tasks of the Army* // RUSI. *Journal*. 1934. 79:513. P. 47–54; Cunningham A.G. *The Training of the Army, 1934* // RUSI. *Journal*. 1934. 79:516. P. 723–732.
- ⁴ Вуич И.В. *Малая война*. СПб., 1850; *Перициониус Г.* *Прикладная тактика*. СПб., 1872. С. 544–63 [раздел Д – малая война]; *Гершельман Ф.К.* *Партизанская война*. СПб., 1885.
- ⁵ Издававшийся Генеральным штабом российской императорской армии с 1880-х гг. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» включал переводы иностранных сочинений этого профиля. Однако эти работы, как и труды их российских коллег на страницах этого же сборника, представляли собой главным образом военно-статистические очерки отдельных земель и описания военных кампаний: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Генеральный штаб Российской императорской армии. СПб: Военная типография, 1883–1914.
- ⁶ Басханов М.К. *История изучения восточных языков в русской императорской армии*. СПб., 2018. С. 326–508.
- ⁷ См. прежде всего: *Thomas M. Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles, 2008.
- ⁸ Применительно к видению командованием британской армии ее роли в этих взаимосвязанных процессах см.: *Jeffrey K. Field Marshal Henry Wilson: A Political Soldier*. Oxford, 2006; *ibid. The British Army and the Crisis of Empire, 1918–22*. Manchester, 1984; *ibid. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the «British world»* // *Irish Historical Studies*. 2008. Vol. xxxvi, no. 42. P. 243–256.
- ⁹ Подробнее: *Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сборник документов* / Ю.Н. Тихонов. М., 2017; *Сергеев Е.Ю.* *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. СПб, 2019. С. 129–192, 328–370, 433–474; *Улуян Ар.А.* *Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство*. М., 2020.
- ¹⁰ Подробнее: *Густерин П.В.* *Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014*; *Рунов В.А., Вайсман Д.Г.* *На заре советской разведки. Восточный факультет Военной академии РККА. М., 2021*.
- ¹¹ *Рунов В.А., Вайсман Д.Г.* *Указ. соч.* С. 57.
- ¹² Там же. С. 71.
- ¹³ *Каменев С.С.* *Сборник указаний по борьбе с басмачеством (бандитизмом) [1924 г.] // Борьба с басмачеством в воспоминаниях краскомов*. М., 2020. С. 209–257.
- ¹⁴ *Gwynn C.W. Imperial Policing*. London, 1934 [1936, 1939]; *Notes on Imperial Policing*. War Office, 1934. Подробнее об этом переходе от малых войн к антиповстанчеству на теоретическом и доктринальном уровне в эпоху Интербеллума см.: *Малкин С.Г.* *От малых войн к герилле: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума* // *Новая и Новейшая история*. 2021. № 6. С. 22–30; *Malkin S.G.* *From small wars to counterinsurgency: C.W. Gwynn, «Imperial Policing» and transformation of doctrine* // *Small Wars & Insurgencies*. 2019. № 30 (3). P. 660–678.

- ¹⁵ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2017. С. 468.
- ¹⁶ Historical Record of Rebellion in Ireland. 1920–1921 // The National Archives [TNA]. War Office [WO] 141/93; Record of the Rebellion in Ireland. 1922–1923 // TNA. WO 141/94; Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / Ed. by W.H. Kautt. Newbridge, 2014. P. 128, 187. Подробнее: *Malkin S.G.* «Lessons learned» during the Interbellum: «Irish war» and British counterinsurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32. Issue 4-5 (Special Issue on insurgency and counterinsurgency in Ireland). P. 598-618.
- ¹⁷ *Waldie D.J.* Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939. PhD Thesis. London University, 1980; *Omissi D.E.* Air Power and Colonial Control: The Royal Air Force, 1919–1939. Manchester, 1990.
- ¹⁸ *MacClellan G.P.* Air Co-Operation in Hill Fighting // *RUSI. Journal*. 1927. 72:486. P. 318–326; *Hampton H.N.* Co-Operation of Land and Air Forces in Kurdistan, 1923. A Reply to «Air Co-operation in Hill Fighting». *R.U.S.I. Journal*, May, 1927 // *RUSI. Journal*. 1927. 72:488. P. 821–828.
- ¹⁹ Air Control. Staff Papers. 1929–1938 (Use of Air Force for Imperial Policing). Official Papers of MRAF // TNA. AIR 75/27; *Fink R.H.* Regional Control and the Co-Ordination of Air and Land Forces // *RUSI. Journal*. 1931. 76:501. P. 18–26; *Portal C.F.* Air Force Co-Operation in Policing the Empire // *RUSI. Journal*. 1937. 82:526. P. 343–358.

**FROM THE GREAT GAME TO THE COLD WAR:
SMALL WARS ON THE EAST IN THE BRITISH AND RUSSIAN MILITARY THOUGHT
IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY**

© 2022 S.G. Malkin, A.I. Lezin

Samara State University of Social Sciences and Education

The understanding of a small war as a model of a colonial insurgency was a characteristic feature of the development of the military thought of European empires that were expanding their borders. The authors see this process as a reflection of discussions about the role of military authorities in ensuring the colonial order. Comparison of the Russian and British cases in the first third of the 20th century allows us to move beyond the traditional framework of the “Great Game” in studying the peculiarities of the use of military force in the eastern outskirts of the Russian and British empires. An analysis of the evolution of the military thought of these countries demonstrates that on the eve of the Great War, their professional military communities shared common ideas about the spectrum of priority potential threats to their security in Asia, giving priority to training personnel and officers in conventional conflicts. The study proves that in the Interbellum, the attitude of the military of the Great Britain and the USSR to small wars changed under the influence of new global ideological trends (nationalism, communism, pan-Islamism). We have succeeded in proving that, despite all the differences in ideological approaches and the methodology of analysis, both British and Soviet military thought came to the conclusion that in non-European theaters of small war, military measures represent only a part of the overall policy of appeasement of a particular territory and should be combined with social, economic and political measures designed to overcome the crisis of loyalty in relations with the native population.

Keywords: small war, military thought, British empire, Russian empire, USSR, Great war, Interbellum.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-77-81

Stanislav Malkin, Doctor of History, Head of the Chair of World History, Law and Methods of Education.

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Alexander Lezin, Graduate Student, Chair of World History, Law and Methods of Education.

E-mail: lezin1995@gmail.com

УДК 94(485)+336.71

**МАРКУС ВАЛЛЕНБЕРГ-МЛАДШИЙ:
ФИНАНСИСТ, ПРОМЫШЛЕННИК, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

© 2022 А.Б. Гехт

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 10.10.2022

Статья посвящена рассмотрению основных вех биографии видного шведского предпринимателя и банкира Маркуса Валленберга-младшего. Будучи представителем третьего поколения клана крупнейших и в Швеции, и в странах Северной Европы финансистов, М. Валленберг внес значительный вклад в экономическое развитие Швеции во второй трети XX века, став одним из руководителей не только крупнейшего в регионе банка «SEB», но и ряда таких видных предприятий и объединений, как «ASEA», «SKF», «Ericsson», «Electrolux», «SAAB» и «SAS», вышедших в число лидеров среди международных концернов. За пределами предпринимательской деятельности, М. Валленберг-младший в годы Второй мировой войны не раз выступал в качестве неофициального дипломата, представляя интересы своей родины, а также являлся видным общественным деятелем, вступившим во взаимовыгодное сотрудничество с правившей в Швеции социал-демократической партией, искавшей точки соприкосновения с крупнейшей в стране финансово-промышленной группой. Несмотря на гибель старшего сына, рассматривавшегося в качестве его преемника, М. Валленберг-младший смог передать управление семейной империей в руки своего младшего сына, продолжавшего дело своего отца после его кончины.

Ключевые слова: Швеция, финансово-промышленная группа семьи Валленберг, «ASEA», «SKF», «Ericsson», «Electrolux», «SAAB», «SAS».

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-82-93

Человек, с именем которого напрямую связано развитие крупнейшей в Швеции финансово-промышленной группы семьи Валленберг во второй трети XX столетия, Маркус Валленберг-младший, появился на свет в 1899 г. в семье Маркуса и Амалии Валленберг и был младшим из двух сыновей видного финансиста. С детства мальчик отличался энергичностью, граничащей с неугомонностью, сильной волей, готовностью отстаивать свое мнение и целеустремленностью и вообще был практически противоположностью старшего брата Якоба¹. Наверняка юный Маркус напоминал своим родителям и другим родственникам своего деда Андре Оскара, определенные черты

характера которого проявлялись у одного из многочисленных внуков основателя банковской династии². Чтобы направить энергию мальчика в полезное русло, родители отдали сына обучаться модному в начале XX в. теннису, ставшему в Швеции особо популярным после проведения в Стокгольме летних Олимпийских игр 1912 г. Оказалось, что у Маркуса-младшего есть хорошие способности к этой игре, и в скором времени молодой человек стал тренироваться и играть на профессиональном уровне. Получив хорошее домашнее воспитание и образование, особо сфокусированное на изучении иностранных языков, а затем успешно закончив курс обучения в гимназии (заняв второе место в классе по успеваемости), молодой человек в соответствии с семейной традицией в 1918 г. отправился на военную службу. Не пойдя по стопам старшего бра-

Гехт Антон Борисович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения факультета социальных цифровых технологий. E-mail: a.geht@yandex.ru

та, ставшего военно-морским офицером, Маркус-младший, к тому времени уже проявлявший выраженный интерес к технике, выбрал себе стезю артиллериста и хорошо зарекомендовал себя на этом поприще.

Параллельно с выполнением обязанностей офицера-артиллериста будущий банкир поступил в основанную при активном участии его дяди Кнута Агатона Валленберга³ Стокгольмскую школу экономики, одно из самых сильных учебных заведений шведской столицы начала XX в., которое он вслед за старшим братом закончил в 1920 г. Несомненно, учеба в этом заведении во многом оформила представления М. Валленберга-младшего о мире финансов и общих принципах функционирования экономики и международных экономических отношений. В этом же году М. Валленберг-младший, регулярно принимавший участие в различных соревнованиях по теннису, стал чемпионом Швеции. В следующие несколько лет он в качестве профессионального спортсмена принимал участие в ряде чемпионатов за пределами Швеции – в Швейцарии, Франции и Великобритании, что позволило будущему банкиру не только достаточно прославиться благодаря интересу со стороны газетчиков, но и обзавестись большим количеством знакомых в высших кругах ряда европейских стран. Наряду со спортом молодой человек с юности продолжал проявлять интерес к всевозможным техническим новинкам – например, первым автомобилям и мотоциклам. Юношеские впечатления и интересы во многом повлияли на будущего промышленника, который тридцать лет спустя будет стоять у истоков создания шведского автопрома.

Окончив учебу, по решению своего отца младший сын направился набираться практического опыта за пределами своей родины. После практики в банковской компании «Pictet» в Женеве и в банке «Lazard Brothers» в Лондоне М. Валленберг-младший в ноябре 1922 г. начал стажироваться в «Citibank» в Нью-Йорке⁴, где на всю оставшуюся жизнь приобрел большой интерес к

США, превратившихся в начале прошлого столетия в ведущую промышленную державу планеты и центр появления передовых технологий, исключительно интересовавших его.

В США М. Валленберг-младший познакомился с уроженкой горной Шотландии Дороти Маккай (англ. *MacKay*), представительницей аристократического рода, долгое время руководившего одним из крупных и вольнолюбивых кланов в северной Шотландии. В августе 1923 г. в Шотландии состоялась свадебная церемония. Вскоре, в 1924 и 1926 гг. соответственно, на свет появились двое сыновей, названных Марком и Петером; позже, в 1929 г., у пары родилась дочь по имени Анн-Мари. Закончив период стажировок в США, Маркус-младший вместе со своей семьей в 1926 г. вернулся в Швецию, готовясь приступить к работе в семейном «Стокгольмс Эншильда банкен». Вскоре, в 1927 г., М. Валленберг-младший был назначен членом совета директоров банка.

Часть первоначальных обязанностей Маркуса-младшего заключалась в участии в решениях по предоставлению кредитов совместно со своим братом Якобом. Кроме того, на первых порах он часто ездил в командировки, постоянно вел переговоры о деловых операциях и поддерживал обширную сеть деловых контактов банка, постепенно входя в курс семейных дел. Как уже отмечалось выше, банковский бизнес был только одним из направлений деятельности семьи Валленберг. Семья была непосредственно вовлечена в промышленную сферу, во-первых, путем восстановления достаточно слабых компаний (с целью вернуть потери по кредитам) и, во-вторых, путем развития новых компаний, которые в будущем могли бы стать ценными клиентами банка. Большая часть промышленной деятельности осуществлялась через холдинговую компанию «Investor» и дочерние компании при поддержке финансовых ресурсов «Стокгольмс Эншильда банкен»⁵.

Третьим направлением бизнеса, наряду с банковской и промышленной деятельно-

стью, было управление семейными активами. Это отражалось на доходах семьи-владельца банка или на инвестициях, которые члены семьи сделали в промышленные компании. Значительный рост был достигнут также за счет использования финансовых и холдинговых компаний, которые могли осуществлять финансовую деятельность в более широких масштабах, используя методы, которые обычно не встречаются в банковской сфере. Эти компании были известны как «ассоциированные», что означало, что они были независимыми от банка, но все еще были тесно связаны с ним. Многие из них были иностранного происхождения, что давало возможность пользоваться налоговыми и валютными преимуществами. Эти компании образовали т.н. группу компаний «Providentia». Граница между ассоциированными компаниями и банком была довольно размыта, а ресурсы свободно распространялись через нее⁶.

По возвращении домой М. Валленбергу-младшему была поручена так называемая «румынская дорожная сделка». Этот крупный проект касался строительства 750 километров дороги для румынского государства и проводился с компанией «Svenska Väg AB», входившей в состав объединения «Johnson Group». Инвестор принимал участие в функционировании финансово-промышленной группы семьи Валленберг, а основной задачей «Стокгольмс Эншильда банкен» было обработать платежи за строительные работы через ассоциированную компанию. М. Валленберг-младший контролировал этот сложный проект в течение ряда лет, что повлекло за собой серию деловых поездок в Румынию и Париж. Давний партнер дома Валленберг, французский «Banque de Paris et des Pays-Bas», возглавлял консорциум, частично финансировавший проект, дополненный государственным займом⁷. М. Валленберг-младший также был активно вовлечен в процесс реорганизации концерна «Turitz & Co of Gothenburg», который был преобразован в новую группу дисконтных магазинов «Enhetspris AB»

(EPA)⁸. В результате активной деятельности «Nordiska Kompaniet» и «Investor» на шведском фондовом рынке были размещены крупные пакеты акций, принесшие немалый доход.

По всей видимости, именно вживую познакомившись с достижениями современной промышленности, Маркус осознал, что может найти воплощение своей энергии и интересов в развивающихся технологиях. Позднее, в ходе прочитанных в Шведской ассоциации инженеров и архитекторов лекций, банкир и промышленник подчеркнул: «Я полагаю, что экономика в этом контексте просто означает использование технологий. Всегда можно создавать новые отрасли промышленности на основе изобретений. Мы можем только выразить надежду на то, что мы увидим новые, эпохальные изобретения, созданные в Швеции, которые принесут пользу миру. Если это произойдет, мы можем быть уверены, что необходимый капитал для их эксплуатации будет доступен в Швеции»⁹.

Важно заметить, что рассуждения скандинавского банкира оказались весьма обоснованными. Следующие десятилетия показали, что залогом преуспевания шведской экономики является активное и всестороннее использование технологических новинок, повсеместное внедрение новейших разработок в промышленность и стремление минимизировать урон окружающей среде. Эти тенденции и в наши дни определяют развитие бизнеса и в Швеции, и в целом в странах Северной Европы.

Весной 1928 г., после смерти многолетнего партнера их семьи Иосифа Нахмансона, Маркус Валленберг-младший был назначен его преемником в качестве директора управляющего совета предприятия «AB Atlas Diesel». Пожалуй, концерн «Atlas» - один из лучших примеров деятельности семьи Валленберг в отношении своих инвестиций в промышленность, в том числе сопряженных с решением наличествующих на предприятии проблем. Под руководством Маркуса-младшего концерн был посте-

пенно переориентирован на производство пневматического оборудования и компрессоров¹⁰. В 1939 г. по инициативе Маркуса в состав совета директоров концерна вошел опытный управленец в сфере промышленных производств Валтер Ветье (шв. *Walter Wehtje*), с которым они вместе учились в Стокгольмской высшей школе экономики и были связаны личной дружбой. Впоследствии их дети (сын Маркуса-младшего Марк и дочь В. Ветье Ольга) станут супругами, у которых в 1956 г. родится один из нынешних руководителей семейной империи – Маркус Валленберг. Примечательно, что В. Ветье вплоть до 1970-го г. занимал должность генерального директора фирмы «Investor» и играл одну из важнейших ролей в функционировании финансово-промышленной группы семьи Валленберг¹¹.

В том же 1928 г. М. Валленберг-младший предложил организационный план по созданию масштабного предприятия в области энергетики, целью которого в числе прочего являлось получение концессий на строительство электростанций и распределение электроэнергии за рубежом¹². Для воплощения этих планов в 1929 г. была сформирована компания, названная «Electro-Invest», где «Investor» и ранее связанный с финансово-промышленной группой семьи Валленберг концерн «ASEA» владели равными долями. Интересы нового предприятия изначально были направлены в Восточную Европу. К 1931 г. электростанции были построены, например, в Польше и Латвии. Экономический кризис 1929–1933 гг. положил конец дальнейшему расширению «Electro-Invest» и компании пришлось сконцентрироваться на управлении своими недавно приобретенными концессиями.

В этот же период начались и контакты между «ASEA» и крупнейшим в мире производителем электроэнергии, американским концерном «General Electric». Руководство «General Electric», покупая доли в европейских электроэнергетических компаниях, стремилось к объединению ведущих энергетических компаний мира в перспек-

тивной области экономики. Как отмечает видный шведский историк У. Ульсон, руководство «General Electric» планировало приобрести до четверти акций от общего пакета «ASEA», не требуя при этом места в руководящих органах концерна. Почувствовав необходимость защищать собственные позиции, М. Валленберг-младший принял решение нарастить долю акций, подконтрольную семейному банку: постепенно она составила 7,7% голосов, став крупнейшей среди акционеров предприятия, что привело Валленбергов на руководящие должности в управлении фирмой.

Ко второй половине 1930-х гг. также относится основание одного из ключевых предприятий военно-промышленного комплекса Швеции – концерна «Svenska Aeroplan AB», более известного как «Saab AB». Желая иметь собственное производство авиационной техники, в декабре 1936 г. руководство шведских ВВС обратилось к М. Валленбергу-младшему с предложением создать крупное предприятие в этой сфере. Из-за возникших административных проволочек, а также согласования позиций и условий сторон (Валленбергам долго не удавалось договориться с руководством концерна «Bofors», также участвовавшего в начинании) «Saab AB» был основан лишь весной 1939 г. Ориентируясь в первую очередь на американский опыт авиастроения, за годы Второй мировой войны «Saab AB» произвел около 900 различных воздушных судов.

Обретя в 1932 г. контроль над известной корпорацией «Ericsson»¹³, М. Валленберг-младший вскоре столкнулся с очевидной проблемой – конкуренцией с «ASEA» на рынке электрооборудования. Используя свое исключительное положение руководителя обеих компаний, Маркусу удалось провести демаркационную линию между соответствующими сферами деятельности обеих фирм. Рынок низковольтного оборудования в Швеции достался «Ericsson», а высоковольтный рынок – «ASEA». Производство кабелей и другие пересекающиеся

производства были разделены между двумя компаниями в фиксированных квотах.

Несомненно, рассмотренные примеры деятельности финансово-промышленной группы семьи Валленберг в целом и М. Валленберга-младшего следует рассматривать в двух проекциях: с точки зрения процессов индивидуального руководства (все отчетливее лидерство переходило именно в руки Маркуса) и в рамках очередной поколенческой смены внутри самого клана Валленбергов. Второе поколение финансовой династии, пришедшее к власти в 1886 г., сменилось третьим: Кнут Агатон Валленберг, олицетворявший собой непрерывность работы банка, умер в 1938 г. Его брат, Маркус Валленберг-старший, постепенно все больше передававший бразды управления семейной империей в руки сыновей, скончался в июле 1943 г., и на его похоронах также присутствовала королевская семья, тем самым подчеркивая положение покойного финансиста в жизни страны.

К этому времени М. Валленберг-младший пережил еще одну достаточно серьезную личную жизненную коллизию – его брак распался. В 1936 г. финансист вновь женился: его второй избранницей стала Марианна Бернадот, дальняя родственница правящего в Швеции королевского дома¹⁴. В браке с ней М. Валленберг-младший счастливо прожил вплоть до кончины супруги в 1978 г.

Новой же ролью Маркуса Валленберга, наряду с участием в руководстве семейным банком, стала роль руководителя ряда промышленных компаний, относящихся к сфере деловых интересов семьи. Как видно из изложенных выше примеров, к 1940-м гг. он накопил уже достаточный опыт в данной сфере. На себя Маркус-младший в значительной степени замкнул и внешние связи семейного бизнеса, считая себя более подходящим для ведения переговоров и установления личных контактов. Можно предположить, что он считал брата слишком пассивным и чуждым новаторству. Несомненно, так проявлялась разница в их ха-

рактерах: Маркус-младший был человеком темпераментным, порой нетерпеливым, отличался энергичностью и активностью, живо интересовался новыми технологиями и разработками, не мог находиться вне эпицентра происходящих событий. Как отмечает биограф Якоба Х. Линдгрена, старший из двух братьев был гораздо более спокойным и уравновешенным человеком, нуждавшимся во времени на размышления¹⁵. Произошло разделение «зон ответственности» и в таком важнейшем вопросе, как участие братьев Валленберг во внешнеполитической деятельности Швеции, что стало особо актуально накануне и во время Второй мировой войны¹⁶. Нельзя обойти вниманием и роль неофициального дипломата, выпавшую на долю М. Валленберга-младшего в период накануне и во время Второй мировой войны, проявившуюся как в активном участии в переговорном процессе между Швецией и Великобританией об условиях ведения торговли, так и в ходе взаимодействия между представителями СССР и Финляндии, предварявшего прекращение боевых действий между ними¹⁷.

Вторая мировая война усилила тенденции к сотрудничеству социал-демократического правительства страны и делового сообщества. В то время как государственная власть были ответственны за контроль и распределение коллективных ресурсов страны и распределяла их исходя из приоритетов национальной обороны и поставок продовольствия, шведская инженерная промышленность активно использовалась для перевооружения вооруженных сил страны¹⁸. Государственные чиновники на повседневной основе интенсивно и в целом плодотворно взаимодействовали с представителями частного предпринимательства, что, несомненно, способствовало и установлению более доверительных отношений между бизнесом и государством, и сглаживанию ряда противоречий между ними, накопившихся за предшествующие годы. Складывавшиеся обстоятельства убедительно демонстрировали, что основными

задачами, стоящими перед социал-демократами, были продолжение кейнсианской экономической политики и углубление социальных реформ, которые обеспечили бы большее равенство среди населения Швеции. Однако значительное внимание в своей программе они по-прежнему уделяли декларативным планам усиления государственного контроля над экономикой¹⁹.

Подобно семье Валленберг на рубеже 1930-1940-х гг., в лагере социал-демократов также произошла смена поколений. Осенью 1946 г. скоропостижно скончался один из идейных отцов «шведской модели» П.А. Ханссон, много лет потративший на воплощение своего видения развития страны на практике. Через несколько лет покинули правительство политические ветераны Э. Вигфорс и Г. Мюллер, последние представители поколения, которое с начала XX в. было подвержено серьезному идеологическому влиянию марксизма и стояло у истоков социал-демократических преобразований, некогда вдохновленных еще Я. Брантингом. Преемником П.А. Ханссона на посту премьер-министра стал Таге Эрландер, специализировавшийся по вопросам социальной политики; пост министра финансов также оставался в руках представителя партии социал-демократов – П.Э. Щельда, что, несомненно, упрощало разработку и проведение новых преобразований²⁰.

Постоянный достаточно активный рост, который характеризовал экономику Швеции в течение более чем двух десятилетий после завершения Второй мировой войны, основывался на экспансивном промышленном секторе в сочетании с растущими государственными инвестициями, ускоренном домостроении и растущем частном потреблении населения страны. Валовой внутренний продукт на душу населения вырос в среднем почти на 4% в год, и тенденция к росту не была прервана никакими значительными спадами, наблюдалось лишь незначительное снижение фактических темпов роста²¹. Расширение крупных компаний также было весьма заметным процессом –

особенно он наблюдался в сфере экспортно-ориентированных фирм²²: промышленный сектор, в особенности предприятия группы Валленбергов, успешно развивавшийся в не пострадавшей в ходе войны Швеции, чрезвычайно выиграл от спроса, вызванного масштабной реконструкцией Западной Европы. Подобному положению вещей благоприятствовала и политика социал-демократов, направленная на поддержку задействованных в экспортной деятельности фирм – отказываться от возможности извлечь выгоду, которую затем можно было бы перенаправить на реализацию социальных проектов, ставших неотъемлемой частью политики по созданию в стране «народного дома», социал-демократы не могли.

Прагматичные социал-демократы, помнившие о соглашениях 1930-х гг. и взаимном сотрудничестве, существовавшем во время войны, зачастую продолжали искать практические решения актуальных экономических проблем страны вместе с представителями деловых кругов. Символом выгодного представителям всех социальных групп внутри шведского общества сотрудничества стала политика межклассового сотрудничества, известная в шведской историографии как «Харпсундская демократия». Свое название эта политика получила после серии конференций, проведенных Т. Эрландером, который один раз в год приглашал представителей крупного бизнеса, профсоюзов и ряда других заинтересованных организаций для консультаций и обмена информацией и мнениями по ключевым общественным вопросам в свою загородную резиденцию, усадьбу Харпсунд. На протяжении достаточно длительного периода взаимодействие между социал-демократами и деловым сообществом Швеции функционировало достаточно успешно. Бизнес имел возможность жить своей жизнью, в значительной степени до тех пор, пока он предоставлял ресурсы для их последующего перераспределения между социальными классами и масштабных социальных реформ, проходивших в стране.

В послевоенные десятилетия позиции финансово-промышленной группы семьи Валленберг в экономике Швеции и за ее пределами продолжали укрепляться. Она стала бесспорным лидером частного сектора королевства: так, количество наемных работников на предприятиях их группы выросло с менее чем 22 000 в 1924 г. до более 78 000 человек в 1944 г., а доля ото всех промышленных рабочих Швеции увеличилась с примерно 4 до 11%. В 1962 г. дочерняя компания «ASEA», «Helios», производитель кухонного оборудования и холодильников, перешла под управление концерна «Electrolux», что в немалой степени способствовало выводу продукции «ASEA» на мировой рынок. Не оставались без внимания семьи Валленберг и иные секторы экономики Швеции: так, в 1959 г. на южном побережье королевства был запущен новый целлюлозно-бумажный завод «AB Nymölla», большей частью акций которого владели Валленберги. Со временем именно на его основе продолжалось крупное производство бумаги и различной бумажной продукции после вхождения компании «Rarugus» в сферу интересов семьи Валленберг.

В 1950-1960-х гг. М. Валленберг-младший был на пике своих возможностей: в 1959 г. он входил в управление 33 компаний и в совокупности занимал 31 руководящую должность, что делало его одним из самых влиятельных людей не только в Скандинавии, но и Западной Европе в целом. Параллельно с руководством многочисленными активами семейной финансово-промышленной группы предприниматель занимал и ряд постов публичного плана – необходимо упомянуть тот факт, что в 1962 г. он стал одним из основателей Консультативного комитета промышленных федераций в ОЭСР и был его первым председателем до 1964 г., а в 1965 г. финансист стал президентом Международной торговой палаты (ИТС) сроком на три года.

Изучая развитие финансово-промышленной группы семьи Валленберг в послевоенные десятилетия, нельзя пройти мимо такого знакового явления, как эволюция концерна «Saab», ставшего во второй поло-

вине XX в. одним из символов Швеции. Когда Вторая мировая война подошла к концу, у руководства концерна «Saab AB», прежде занимавшегося производством авиационной техники и оборудования, возникла идея переориентировать часть промышленных мощностей предприятия в сторону производства автомобилей, поскольку этот сегмент рынка в Швеции и странах Северной Европы оставался пока еще достаточно незанятым. Имея в своем активе мощную инженерную базу, «Saab AB» создал крупнейший отраслевой исследовательский отдел в Швеции²³, что позволило начать масштабное производство легковых автомобилей в рамках функционирования предприятия «Saab Automobile AB». Характерной чертой новых машин «Saab» стало стремление руководства концерна разрабатывать и внедрять в производство собственные модели автомобилей, не ориентируясь при этом на передовую автомобильную державу – США²⁴. Рыночная ниша «Saab Automobile AB» стала только шире после покупки в 1969 г. предприятия «Scania-Vabis», занимавшегося производством грузового транспорта и различной тяжелой техники²⁵. При том, что далеко не каждая страна в послевоенной Европе обладала собственным автомобильным производством, успех «Saab» способствовал укреплению шведских позиций на международном рынке и позиции Швеции как государства, заявлявшего о своей особей, индивидуальной внешнеполитической траектории в условиях холодной войны и активного политического противостояния СССР и США.

Рассуждая о деятельности финансово-промышленной группы семьи Валленберг в послевоенные десятилетия, необходимо учитывать, что именно в этот период на качественно новый уровень выходит развитие взаимодействия скандинавских стран в области экономики и финансов, прерванное Второй мировой войной. После ее завершения Швеция, Дания и Норвегия (Финляндия присоединилась с некоторым опозданием) увидели возможность ускорить восстанов-

ление своих экономик в интенсификации экономического и политического сотрудничества. Ярким символом тесного регионального сотрудничества стран Северной Европы стало создание мультинациональной авиакомпания SAS (англ. *Scandinavian Airlines System*), ставшей ведущим авиаперевозчиком скандинавских государств и одной из крупнейших международных компаний в области воздушного сообщения.

Первая авиакомпания в Швеции, «AB Aerotransport», более известная как «АВА», появилась в середине 1920-х гг. Опасаясь ее поглощения немецким концерном «Junkers», правительство Швеции выкупило ее у прежних владельцев, сделав частью государственного сектора в экономике королевства²⁶. В разгар Второй мировой войны по инициативе М. Валленберга-младшего в начале 1943 г. была основана компания «SILA» (шв. *Svensk Interkontinental Lufttrafik Aktiebolag*), в которой семья Валленберг владела более чем 30% акций. Стоит отметить, что М. Валленберг-младший чрезвычайно высоко оценивал участие своей семьи в основании «SILA», отмечая приоритет воздушного транспорта над устаревавшим железнодорожным сообщением: «...инвестировать в авиакомпанию - другими словами - перейти от старого к новому. Таким был деловой девиз ранних поколений нашей семьи. Это единственная традиция, которую стоит сохранять». «SILA» быстро удалось потеснить «AB Aerotransport», в первую очередь наладив воздушное сообщение с США.

К концу Второй мировой войны для стран Северной Европы вопрос развития авиасообщения приобрел особую актуальность, поскольку тенденции в мировой экономике складывались в сторону формирования крупных групп авиаперевозчиков, таких как American Airlines Group. Так сложились предпосылки для появления единого для всех скандинавских стран авиаперевозчика. Естественно, подобное начинание было возможно только при совместных усилиях всех заинтересованных сторон.

Авиакомпания «SAS» была основана 1 августа 1946 г., когда Det Danske Luftfartsselskab A/S, Svensk Interkontinental Lufttrafik AB и Det Norske Luftfartsselskap AS (флагманские перевозчики Дании, Швеции и Норвегии) создали партнерства для организации международного авиасообщения в Скандинавии²⁷. Компании координировали европейские рейсы с 1948 г., а в 1951 г. они окончательно объединились в SAS Consortium. М. Валленберг-младший очень позитивно оценивал деятельность «SAS» и любил подчеркивать, насколько важна эта авиакомпания для шведского бизнеса: «...благодаря международному присутствию «SAS», мы оказываем поддержку всей шведской экономике, обеспечивая новый уровень эффективности для делового сообщества».

В 1963 г. по инициативе М. Валленберга-младшего была основана компания «Incentive AB», на протяжении уже более полувека играющая важную роль в функционировании семейной империи Валленбергов. Созданная с целью предоставления финансовой поддержки предприятиям, развивающим современные технологии в Швеции, «Incentive» во многом стала организовывать и направлять деятельность фирм и предприятий финансово-промышленной группы семьи Валленберг, работающих в сфере высоких технологий, например, в фармацевтической отрасли, коммерческой медицине, электронной промышленности, приборостроении. Важную роль в деятельности «Incentive» изначально играло тесное взаимодействие с академической средой: созданный по предложению М. Валленберга-младшего Научный консультативный совет, включавший в себя видных специалистов в области прикладных наук, обеспечивал связь между научным сообществом и источниками финансирования перспективных разработок. Впоследствии международный опыт показал, что более эффективным способом объединения исследователей с компаниями было создание так называемых «научных парков», близких к ведущим университетам, некоторые из

которых также были построены в Швеции на основе американских моделей²⁸.

Несомненно, послевоенные десятилетия стали благодатным периодом для финансово-промышленной группы семьи Валленберг. Судить о росте ее значения в шведской экономике можно на основании следующих цифр. Число наемных сотрудников выросло с 92000 в 1946 г. до 205000 в 1969 г. В зависимости от методики расчетов до 23% совокупного объема рабочей силы в Швеции было занято в сферах, относящихся к сфере интересов этой семьи. Внутри самой Швеции промышленные группы, связанные с банками-конкурентами Валленбергов, «Скандинависка банкен» и «Хандельсебанкен», насчитывали 89 000 и 76 000 наемных работников соответственно.

Профессор У. Ульсон подчеркивает, что за два послевоенных десятилетия оборот банка удвоился, в то время как оборот «Ericsson» увеличился в девять раз, «Atlas Copco» - в 15 раз, а «Saab» - в 30 раз. Безусловно, положение Валленбергов стало уникальным - провести какие-либо линии сравнения с другими европейскими странами и США практически невозможно, хотя в них раньше, чем в Швеции, сложились крупные финансово-промышленные группы, такие как, к примеру, General Electric, Westinghouse, Siemens и AEG.

Рассуждая о позициях Валленбергов в экономике Швеции, важно иметь в виду, что ни сами члены семьи, ни «Стокгольмс Эншильда банкен», ни различные структуры, созданные для владения и управления активами, такие как «Фонд Кнута и Алисы Валленберг» или «Investor», практически никогда не выступали единоличными владельцами тех или иных предприятий и фирм. Характерная черта предпринимательского стиля Валленбергов, окончательно оформившаяся в период после Второй мировой войны, - присутствие в большом (не сказать исключительно большом) числе компаний за счет разновеликих пакетов акций. Такое положение позволяет, с одной стороны, «не складывать все яйца в одну

корзину» - неизбежные трудности и даже проблемы, появляющиеся в деятельности одного из направлений сферы их интересов, едва ли повлияют заметным образом на активы семьи в других секторах экономики. Это обстоятельство стало особенно актуальным в 1950-1960-е гг., по мере выхода практически всех промышленных предприятий группы Валленбергов на европейский и мировой рынок.

В то же время наличие крупных пакетов акций давало самим Валленбергам и их доверенным лицам доступ в руководящие органы предприятий, а следовательно, контроль над принятием важных решений и возможность влиять на выбор локальных руководителей. Тесные связи между компаниями сферы интересов шведских банкиров также способствовали и способствуют их консолидации несмотря на то, что Валленберги никогда не формализовали свои владения в некий единый холдинг. Можно предположить, что подобная политика была вызвана в том числе и масштабной критикой на протяжении 1960-х гг. под влиянием идеологии «новых левых», все возрастающей в шведском обществе в отношении крупнейших в стране капиталистов.

После внезапного ухода из жизни вследствие суицида своего старшего сына и наследника Марка, в начале 1970-х гг. М. Валленберг-младший осознал, что стремление максимально опираться на собственные силы семейного клана и допускать к участию в управлении империей людей вне семейного круга лишь в исключительных случаях становилось все более нереализуемым и было чревато самыми трагическими последствиями для семейной империи. Возрастающая сложность ведения дел неизбежно вела к тому, что к середине 1970-х гг. аналитический потенциал финансово-промышленной группы семьи Валленберг все в большей степени переходил к компании «Investor». Именно «Investor» в 1970-е гг. решил для семьи Валленберг проблему обеспечения собственного влияния за счет введения балльной системы подсчета

голосов акционеров, несмотря на сравнительно скромную долю акций в некоторых из компаний их сферы. Центр финансово-промышленной группы также начал смещаться от банка к «Investor»: если на протяжении всего предшествующего столетия своей истории Валленберги успешно сочетали активное предпринимательство с интенсивной банковской деятельностью, то после 1972 г. предпринимательство стало постепенно доминировать над банковской деятельностью.

После трагической смерти старшего сына М. Валленберга-младшего шведская и международная пресса достаточно активно спекулировала на том, что эра Валленбергов приблизилась к своему завершению. «Блистательная эпоха семьи Валленберг в качестве ведущих шведских финансистов подошла к концу» – к такому заключению пришла одна из крупнейших шведских вечерних газет, «Афтонбладет», в конце 1971 г. Время показало, что этот своего рода некролог был преждевременным: полвека спустя сфера деловых интересов семьи Валленберг не только не утратила прежних позиций, но стала только масштабнее и, пожалуй, представительнее. Многочисленные аллюзии с монархическими домами, возникающие при изучении истории дома Валленберг, особенно ярко дают о себе знать при рассмотрении действий семейного патриарха М. Валленберга-младшего. Лишившись на старости лет тщательно подготовленного и обзаведшегося немалым профессиональным опытом старшего сына, Маркус, подобно средневековому монарху, естественным образом обратил свое внимание на второго сына Петера. Насколько можно судить исходя из анализа литературы, отношения отца и сына были далеки от теплых, равно как нельзя утверждать и о каком-либо доверии к сыну со стороны отца. Но после самоубийства старшего сына у властного и во многом бескомпромиссного Маркуса-младшего не оставалось иных путей, кроме как опереться на своего второго сына. Петер, который долгое время работал за границей и был

фактически полностью удален от традиционного семейного центра принятия решений, был приглашен из Англии обратно в Швецию, где он без лишней огласки постепенно занял одну за другой руководящие должности в империи семьи Валленберг.

Мало кто в то время – возможно даже, что и его собственный отец – мог подумать, что Петер сможет стать во главе семейного бизнеса, поддерживать его и даже увеличивать власть семьи Валленберг, однако ему это вполне удалось. «Горстка ведущих бизнесменов Швеции будет пытаться собрать вместе компании группы Валленберг до тех пор, пока внуки не станут достаточно взрослыми, чтобы вступить во владение группой», – писала ежедневная деловая газета «Дагенс индустрии» сразу после смерти Маркуса Валленберга-младшего; отметим, что Петер даже не был упомянут на страницах издания. Тем не менее, последующие события убедительно продемонстрировали, что младший сын центрального героя настоящей статьи оказался достойным продолжателем семейного дела²⁹.

М. Валленберг-младший, еще при жизни ставший живым символом шведской экономики, скончался в 1982 г., до последних месяцев жизни оставаясь верным своему принципу – максимально держать все вопросы, связанные с управлением бизнесом, под своим личным контролем. Будучи человеком непростого характера, обладавшим железной волей и исключительной энергией, он не мог не оставить следа в памяти своих подчиненных. Менеджер Ульф Братт, бывший генеральным исполнительным директором «Providentia» в 1970-х гг., так охарактеризовал бывшего руководителя: «Его авторитет был неоспоримым и достойным всеобщего восхищения. Он основывался, в частности, на глубоком чувстве ответственности за свою страну, Швецию, особенно – за ее экономику. Его цель, развивать компании, требовала всех его знаний, всех сил и всего времени. Это было его жизнью; все и все подчинялись этой цели жизни. С этой точки зрения он был великим

шведом. Уникальным! Что я подразумеваю, когда говорю, что он в определенных случаях был «маленьким человеком»? Это ведь всем известно, что он наводил ужас - да, я не преувеличиваю - на многих из тех, кто подчинялся ему прямо или косвенно, и их, конечно же, было не мало. На многие жизни это наложило сильный отпечаток: когда будет следующая встреча, следующий звонок, следующее наказание? Он мог быть беспощадным. Даже относительно незначительные вещи могли вызвать ужасные вспышки гнева, особенно в последние несколько лет жизни, когда он часто очень уставал. Было очень много людей, которые не справлялись с этими чертами его характера. Именно его безразличную беспощадную сторону я имею в виду, когда говорю о «маленьком человеке». А великий и хороший человек не будет бесчеловечен по отношению к ближнему своему».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ollson O.* Furthering a fortune. Marcus Wallenberg: Swedish banker and industrialist 1899-1982. Gothenburg: Ekerlids Förlag, 2001. 487 p.
- ² *Гехт А.Б.* А.О. Валленберг - основатель династии шведских банкиров // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ. 2018. №10. С. 84-92.
- ³ *Гехт А.Б.* К.А. Валленберг: краткая биография шведского банкира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77). С. 2300-2307.
- ⁴ *Wetterberg G.* Wallenberg - The Family that Shaped Sweden's Economy. Stockholm: Möklinta, 2014. 283 s.
- ⁵ *Fagerfjäll R.* Investor 100 years - To move from the old to what is about to come is the only tradition worth keeping. Max Strom, 2016. 282 p.
- ⁶ *Segerstedt T., Rydberg S.* Marcus Wallenberg: a picture biography. Stockholm: Gullers pictorial, 1982.
- ⁷ *Bartal D.* The Empire. Stockholm: Dagens Industry, 1996. 240 p.
- ⁸ *Anderson B.* En av Sveriges största varuhusedjor: något om affärsmannen H.G. Turitz (1884-1957), Turitzkoncernen och EPA-varuhuset under 1930-talet. Stockholm: MGF-nytt, 2001. S. 4-7.
- ⁹ *Gårdlund T.* Atlas Copco 1873-1973: historien om ett världsföretag i tryckluft. Nacka: Atlas Copco

AB, 1973. 408 s.

- ¹⁰ *Hägg G.* Svenska förmögenheter: gamla klipp och nya pengar - människorna, intrigerna, sveken. Stockholm: Lind & Co, 2013. 382 s.
- ¹¹ *Glete J.* ASEA under hundra år 1883-1983. Västerås: Asea AB, 1983. 367 s.
- ¹² *Meurling J., Jeans R.* The Ericsson Chronicle. 125 years in telecommunications. Stockholm: Informationsforlaget, 2000. 479 p.
- ¹³ *Скомм С.* Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие. М., 2011. 408 с.
- ¹⁴ *Lindgren H.* Jacob Wallenberg 1892-1980. Stockholm: Bokförlaget Atlantis, 2007. 557 s.
- ¹⁵ *Гехт А.Б.* Финансово-промышленная группа семьи Валленберг в системе внешнеполитических связей Швеции в период Второй мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2021. №3(31). С. 116-132.
- ¹⁶ *Гехт А.Б.* Шведская непубличная дипломатия во время Второй мировой войны на примере деятельности М. Валленберга-младшего // Вестник КГУ им. Некрасова. 2021. №4. С. 69-76.
- ¹⁷ *Sejersted F.* The Age of Social Democracy. Princeton: Princeton university press, 2011. 552 p.
- ¹⁸ *Misgeld K., Molin K.* Creating Social Democracy. A Century of the Social Democratic Labor Party in Sweden. Pennsylvania State University Press, 1992. 548 p.
- ¹⁹ История Швеции / Под ред. А.С. Кана. М., 1974. 719 с.
- ²⁰ *Schön L.* An Economic History of Modern Sweden. London: Routledge, 2012. 393 p.
- ²¹ *Anderssen S.* The Evolution of Nordic Finance. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 2011. 289 p.
- ²² *Andersson-Skog L., Krantz O.* Institutions in the Transport and Communications Industries: State and Private Actors in the Making of Institutional Patterns, 1850-1990. Canton, Mass.: Science history publications, 1999. 359 p.
- ²³ *Lindh B.* Saab Bilarna de första 40 åren. Stockholm: Förlagshuset Norden AB, 1987. 200 s.
- ²⁴ *Gunston B.* World Encyclopedia of Aircraft Manufacturers. London: Sutton Publishing Limited, 2005. 336 p.
- ²⁵ *Goldin C., Libecap G.* The regulated economy. A historical approach to political economy. Chicago: Chicago university press, 1994. 320 p.
- ²⁶ *Buraas A.* Fly over fly: Historien om SAS. Oslo: Gyldendal, 1972. 311 s.
- ²⁷ *Гехт А.Б., Неровный А.В.* Эволюция научно-образовательного комплекса Швеции и Финляндии на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. СПб.: СПбГУТ, 2018. С. 92-99.
- ²⁸ *Kurzer P.* Business and Banking: Political Change

and Economic Integration in Western Europe. New York: Cornell Studies in Political Economy, 1993. 261 p.

²⁹ Гехт А.Б. Финансово-промышленная группа

семьи Валленберг в период трансформации шведской экономической модели (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.) // Петербургский исторический журнал. 2021 №4(32). С. 207-217.

**MARKUS WALLENBERG JR.:
FINANCIAN, MANUFACTURER, PUBLIC MAN**

© 2022 A.B. Gekht

The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications

The article is devoted to the consideration of the main stages of the biography of the prominent Swedish businessman and banker, Marcus Wallenberg Jr. As a representative of the third generation of the largest financiers in the Nordic countries, M. Wallenberg Jr. made a significant contribution to the economic development of Sweden in the second third of the 20th century, becoming one of the leaders of the SEB, the largest bank in the region, as well as a number of prominent enterprises and associations («ASEA», «SKF», «Ericsson», «Electrolux», «SAAB» and «SAS»), which have become leaders among international concerns. In addition to his business activities, M. Wallenberg Jr. during the Second World War acted more than once as an unofficial diplomat, representing the interests of his homeland. He was also a prominent public figure who entered into mutually beneficial cooperation with the Social Democratic Party that ruled Sweden, which was looking for common ground with the country's largest financial and industrial group. Despite the death of his eldest son, who was considered his successor, M. Wallenberg Jr. was able to transfer the management of the family empire into the hands of his youngest son, who continued his father's work after his death.

Keywords: Sweden, financial and industrial group of the Wallenberg family, ASEA, SKF, Ericsson, Electrolux, SAAB, SAS.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-82-93

УДК 94 (4)438

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНРРА В ПОЛЬШЕ 1945-1947 гг.:
УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МИССИИ**

© 2022 Ю.В. Запарий, К.В. Бородунина

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

Статья поступила в редакцию 20.09.2022

В статье анализируется деятельность миссии Администрации помощи и восстановления ООН (ЮНРРА) в Польше. История ЮНРРА характеризует становление гуманитарной деятельности на международной основе, а также позволяет проследить вызовы и ограничения процессов послевоенного планирования и восстановления. Основные усилия организации были сосредоточены на Европейском континенте. Оказание помощи Польше – одной из наиболее пострадавших в войне стран, судьба которой также вызывала политические противоречия, стало серьезным испытанием для ЮНРРА. На основе документов внешнеполитических ведомств США и СССР, а также материалов архива ООН показаны основные сложности, возникшие на стадии заключения соглашения о развертывании миссии, а также планирования поставок. Авторами охарактеризованы основные направления деятельности миссии в 1945 - 1947 гг., представлены сведения об объемах и структуре поставок гуманитарной помощи в Польшу. На основе архивных документов ЮНРРА представлена деятельность организации, направленная на стимулирование процесса репатриации в Польшу. Поставки гуманитарной помощи и финансирование программ по линии организации позволили стабилизировать ситуацию, минимизировать негативные последствия войны. Интернациональный подход ЮНРРА одновременно являлся сильной и слабой стороной организации. С одной стороны, международный подход позволил эффективно реагировать на вызовы и организовывать поставки, с другой - взаимодействие СССР и США в рамках единой организации неизбежно вело к обострению политических противоречий по поводу целей и задач деятельности организации в конкретном регионе.

Ключевые слова: Администрация помощи и восстановления стран Объединенных Наций, гуманитарная помощь, послевоенное восстановление, антигитлеровская коалиция, беженцы, перемещенные лица.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-94-100

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 22-28-01705

«Интернационализация проблемы беженцев, «перемещенных лиц» и малых народов в условиях холодной войны», <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

Послевоенный период в истории международных отношений традиционно связан с изучением истоков «холодной войны». Первые годы после победы над врагом (1945-1947 гг.) отмечены масштабным проектом

Запарий Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории. E-mail: zapary.iulia@urfu.ru

Бородунина Ксения Владимировна, студентка 4 курса исторического факультета, лаборант-исследователь НИИ Русской культуры.

E mail: boroduninaksusha@mail.ru

сотрудничества государств в гуманитарной сфере. Краткий «миг» деятельности подлинно интернациональной структуры – Администрации помощи и восстановления стран Объединенных Наций (ЮНРРА) – критически оценивался как современниками, так и исследователями. Российские историки относительно недавно обратились к истории этой организации. В работах В.В. Соколова, М.А. Липкина рассматриваются экономические аспекты оказываемой советским

республикам помощи, анализируются взаимоотношения между организацией и СССР¹. История ЮНППА подробно освещалась в зарубежной историографии². В последнее время значительный интерес исследователи проявляют к деятельности организации в связи с проблемой беженцев и перемещенных лиц³. В целом признается позитивный вклад организации в послевоенное восстановление, при этом отмечается, что ЮНППА стала одной из первых «жертв холодной войны»⁴. Соединенные Штаты хотели самостоятельно контролировать процесс послевоенной реконструкции и не слишком полагались на международные структуры.

В настоящей статье ставится задача охарактеризовать основные направления деятельности миссии ЮНППА в Польше, показать основные ограничения и вызовы, с которыми сталкивалась организация в ходе работы в особом регионе, который находился в сфере влияния СССР. Данные задачи решаются на основе анализа комплекса исторических источников организации, прежде всего документов самой миссии в Польше, которые доступны на сайте Архива ООН (Управления документацией и архивами ООН). Авторами использовались годовые отчеты директора организации, переписка с руководящими органами ЮНППА, статистические материалы, брошюры. Также привлекались документы из Архива внешней политики РФ, характеризующие процесс взаимодействия СССР и ЮНППА, а также опубликованные материалы серии «Внешняя политика США. Администрация Трумэна».

Каковы были предпосылки создания организации? С началом коренного перелома в ходе Второй мировой войны лидеры стран антигитлеровской коалиции активизировали работу по планированию послевоенного восстановления. В ноябре 1943г. 44 государства антигитлеровской коалиции подписали соглашение о создании Администрации помощи и восстановления стран Объединенных Наций⁵. Первая статья документа предусматривала, что Администрация будет осуществлять помощь жертвам войны путем

предоставления продовольствия, топлива, одежды, жилья и других предметов первой необходимости, медицинских и других основных услуг⁶. Управленческая структура ЮНППА состояла из Совета, Центрального комитета и 2 региональных комитетов⁷. Один из них - Европейский комитет - должен был осуществлять контроль за операциями миссий в крупных странах Европы и в трех западных зонах военной оккупации Германии⁸. Каждая страна-участник делала взнос в административный фонд ЮНППА, однако большая часть расходов приходилась на Соединенные Штаты. Помимо поставок продовольствия и других предметов первой необходимости организация должна была заниматься вопросами репатриации перемещенных лиц, предоставлением медицинских услуг и мер социальной поддержки.

Еще до создания ЮНППА функционировали структуры для оказания помощи странам, пострадавшим от войны, например, Управление иностранными операциями по оказанию помощи и восстановлению при Государственном департаменте США (OFRRO). ЮНППА же представляла собой пример интернациональной организации, где успешно взаимодействовали и сотрудничали страны с разными политическими системами для достижения глобальной цели. Специфика миссии в Польше заключалась в том, что именно в этом регионе международное сотрудничество подвергалось серьезным политическим испытаниям, поскольку организация действовала на территории, которая попала в сферу влияния Советского Союза и между союзниками очень быстро возникли серьезные разногласия по поводу политики в отношении данного региона.

ЮНППА столкнулась с рядом проблем в момент планирования и развертывания миссии в Польше из-за противоречий между польским правительством в изгнании и СССР. В апреле 1943 г. СССР официально разорвал дипломатические отношения с польским правительством в изгнании. Камнем преткновения являлись территориальные приобретения страны еще в 1939 г.

Польское правительство в изгнании приняло участие в учредительной конференции ЮНРРА, его представителей волновали сильные позиции СССР, например членство в одном из управляющих органов - Центральном комитете⁹. Они подозревали, что Советский Союз будет усиливать свое политическое влияние в стране через деятельность международной организации. С начала работы ЮНРРА интересы Польши в организации представляло Польское правительство в изгнании. Однако летом 1944 г. на освобожденной Красной армией территории начал свою деятельность просоветский Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО)¹⁰. Наличие двух правительств представляло сложную правовую коллизию для международной организации. Устав ЮНРРА предусматривал заключение соглашений и сотрудничество с правительством или любым органом власти, который осуществляет административную власть¹¹. ПКНО пока не объявлял себя в качестве официального правительства, а лишь в качестве исполнительного органа, оставляя возможность сотрудничества с эмигрантским правительством. Несмотря на этот факт ЮНРРА могла сотрудничать и с этим представительным органом власти Польши. В сентябре 1944 г. одновременно с польским правительством в изгнании ПКНО направил в ЮНРРА заявку на предоставление помощи¹². Организация приняла оба запроса, однако такое «двоевластие» создавало правовую неопределенность, которая впоследствии приведет к задержке развертывания полномасштабной миссии на освобожденной территории Польши.

Первоначально сотрудники ЮНРРА старались занимать нейтральную позицию в этой ситуации. С одной стороны, еще не исчезла возможность объединения ПКНО с Польским правительством в изгнании, с другой стороны, значительная часть территории Польши еще находилась под властью Германии, поэтому эта проблема не имела первостепенного решения. Генеральный директор ЮНРРА, Г. Леман, например, в

ноябре 1944 г. в интервью подтвердил, что ЮНРРА вправе сотрудничать с любым органом власти, который осуществляет эффективный контроль над территорией¹³. Кроме того, он отмечал, что организация и деятельность миссии в Польше не будет зависеть от разрешения конфликта между ПКНО и польским правительством в изгнании¹⁴.

В 1945 г. вопрос политической неопределенности стал ключевым для сотрудников ЮНРРА. Во-первых, в конце 1944 г. ПКНО был преобразован во Временное правительство¹⁵. Во-вторых, временное польское правительство отказывалось подписывать соглашение о запуске полевой миссии ЮНРРА, если начальником миссии будет гражданин США. Г. Леман пошел на компромисс и назначил советского гражданина М.А. Меньшикова в качестве начальника Временной миссии в Польше¹⁶. Примечательно, что М.А. Меньшиков с ноября 1943 г. занимал пост заместителя Генерального директора ЮНРРА¹⁷, поэтому он имел представление о проблемах технического и политического характера в Польше. В июле 1945 г. делегация организации была приглашена в Польшу для проведения технических и других необходимых расчетов¹⁸. М.А. Меньшикову как главе временной миссии предстояло вести переговоры о развертывании деятельности организации с польским правительством. Предполагалось, что после выполнения этой задачи он должен будет вернуться к работе в центральном аппарате ЮНРРА. Однако СССР был заинтересован в назначении советского гражданина на пост главы уже постоянной миссии, учитывая особые интересы государства в этом регионе. Сам М.А. Меньшиков сообщал, что генеральный директор ЮНРРА собирался назначить на эту должность американца. Эти сведения, в частности, сообщал В.С. Герращенко в письме В.М. Молотову от 12 июля 1945 г.¹⁹. Опасения советской стороны реализовались частично - в сентябре 1945 г. М.А. Меньшикова на посту сменил канадец Чарльз Друри, который занимал этот пост до 1947 г.²⁰

Официальное соглашение между Польским Временным Правительством национального единства и ЮНРРА было заключено 14 сентября 1945 г.²¹. Этот документ определял сферу деятельности ЮНРРА в Польше и принципы функционирования миссии²². Польское правительство контролировало объемы поставок и процесс их распределения по территории страны. Первые гуманитарные поставки начали поступать в Польшу еще за несколько месяцев до заключения соглашения о создании миссии. В марте 1945 г. первые грузы продовольствия были отправлены организацией через порт Констанца. К июню совокупный объем поставок достиг 32 тысячи метрических тонн²³. Основными поставщиками товаров выступали страны, на территории которых не велись крупные военные действия: Великобритания - 3 тысячи метрических тонн и США - 29 тысяч метрических тонн: продовольствие, лекарства, средства личной гигиены, одежда и обувь, сельскохозяйственное оборудование. Однако их объем был минимальным для удовлетворения потребностей населения всей страны. Существовали значительные логистические проблемы. В начале весны 1945 г. основные портовые города, через которые могли бы осуществляться поставки, были оккупированы или разрушены. Организация испытывала сложности с планированием. ЮНРРА не могла определить необходимый объем товаров, поскольку имела противоречивые данные: с одной стороны, информацию, предоставленную еще Польским правительством в изгнании в 1943 г., с другой стороны – запрос от ПКНО.

После заключения соглашения в октябре 1945 г. в Польшу прибыл постоянный состав миссии под руководством Чарльза Друрри. Перед ЮНРРА стояла важная задача – оказать помощь населению, испытывавшему многочисленные страдания за годы войны. Сотрудники организации осознавали, что требуется колоссальное количество ресурсов и времени для восстановления. Изначальный состав миссии планировался небольшим: около 30-40 человек (всего в ЮНРРА

насчитывалось около 12 тыс. сотрудников по всему миру). Однако уже через месяц работы, в ноябре 1945 г., начальник миссии докладывал, что численность персонала нужно увеличить²⁴. На первом этапе работы в 1945 г. внимание уделялось отправке в страну одежды, обуви, медикаментов и продуктов питания. В 1945 г. объем поставок ЮНРРА в Польшу достиг 348 200 метрических тонн²⁵. Кроме этого организация поддерживала работы по восстановлению разрушенных зданий²⁶. В указанный период было профинансировано создание 150 ферм в Макувском повяте. В 1946 г. организация планировала реконструировать 12500 ферм в наиболее разрушенных районах Польши. В январе 1946 г. ЮНРРА провозгласила программу запуска производства пенициллина в Европе, в том числе и строительства нескольких заводов в Польше.

В первой половине 1946 г. многие логистические трудности были решены, поэтому организация могла без затруднений и в большем объеме отправлять грузы с гуманитарной помощью в Польшу. Однако в течение года неоднократно в стране возникали продовольственные кризисы²⁷. Ситуация усугублялась тем, что в этот период был собран катастрофически низкий урожай зерна. По этой причине Правительству Польши в течение 2 квартала пришлось вводить новые ограничительные меры для стабилизации ситуации. Законодательно запрещалось кормление скота размолотой пшеницей, рожью, а также использование ячменя в пивоварении²⁸.

Сотрудники ЮНРРА при планировании операций на вторую половину 1946 г. сократили все другие поставки для Польши до минимума. Все финансовые средства миссия направила на приобретение продовольствия. В ноябре-декабре 1946 г. сотрудникам ЮНРРА стало очевидно, что Польшу ждет очередной продовольственный кризис. Организация приняла решение обеспечить страну дополнительными поставками. Первоначальный бюджет миссии был изменен, все средства были направлены на фи-

нансирование поставок продовольствия²⁹. В результате общий бюджет ЮНРРА на продовольствие достиг 70 000 000 долл. США, что позволило закупить дополнительные объемы продовольствия³⁰.

К концу декабря 1946 г. программа помощи Польше была выполнена на 83%, совокупный объем поставок достиг 1 864 131 тонны на сумму 401 856 000 долларов США.³¹ Поставки включали в основном продукты питания, однако уровень обеспечения населения мясом и жирами оставался низким. В 1946 г. миссии ЮНРРА в Польше удалось добиться заметного улучшения ситуации с обеспечением одеждой: выполнен план программы по производству одежды и обуви³². В этот период ускорились поставки промышленных товаров: машин, станков, запасных частей и сырья - хлопка и шерсти, благодаря чему Польше удалось ввести в строй имеющееся прядильное и ткацкое оборудование. Это привело к росту производства до 70 процентов от довоенного уровня, страна произвела большой объем текстильной продукции³³. ЮНРРА оказала поддержку в восстановлении горнодобывающей промышленности, к концу 1946 г. добыча угля достигла 75% от довоенного уровня. Эта отрасль экономики имела первостепенное значение для Польши как государства - крупного поставщика угля.

Важным направлением работы организации являлась деятельность, связанная с репатриацией. За годы войны множество людей было вынуждено самостоятельно или принудительно покинуть место жительства. Перед организацией стояла задача помочь им вернуться на Родину. Во время войны в Польше произошли кардинальные изменения. Многие поляки испытывали сомнения по поводу своей безопасности в случае возвращения домой. Во-первых, многие регионы подверглись колоссальным разрушениям. Во-вторых, к власти пришло просоветски настроенное правительство. Кроме того, отрицательное отношение к Советскому Союзу было вызвано его территориальными приобретениями в 1939

г. Многие поляки не желали находиться на территории, подконтрольной просоветски настроенному правительству.

Все эти факторы предопределили трудности ЮНРРА в репатриационной деятельности, но затем в 1946 г. организация добилась в этой сфере определенных успехов. Для мотивации людей к возвращению домой миссия проводила различные мероприятия, например, в начале года был введен т.н. шестидесятидневный продовольственный план³⁴. В соответствии с ним перемещенным лицам, желавшим репатрироваться, выдавались продовольственные пайки сроком на два месяца. Данная акция задумывалась как временное мероприятие исключительно для поляков, впоследствии ЮНРРА планировала распространить ее и на другие страны³⁵. Кроме того, организация проводила агитационные мероприятия, мотивирующие людей возвращаться домой. С ноября 1946 г. в польских центрах репатриации демонстрировали фильм «Возвращение на Родину», подготовленный сотрудниками ЮНРРА, где показывалась жизнь польских репатриантов в родной стране³⁶. Перемещенным лицам предоставлялись газеты, польские кинохроники, брошюры «Вопросы и ответы» о законах собственности в Польше вместе с бюллетенями о процедуре приобретения сельскохозяйственных земель, о переселении на вновь приобретенную территорию и о других аспектах жизни в Польше³⁷. Одновременно с этим ЮНРРА активно продолжала свою деятельность в лагерях перемещенных лиц в области образования, социального обеспечения, профессиональной подготовки и трудоустройства³⁸.

К концу 1946 г. в Польшу из Германии, Австрии и Италии было репатрировано около 793 тыс. человек³⁹. Вопрос о репатриации и противоречия, возникшие в отношениях между СССР и США уже с начала 1946 г., стали оказывать серьезное воздействие на работу ЮНРРА. Советский Союз критиковал организацию за нежелание содействовать возвращению беженцев и перемещенных лиц на родину. В августе 1946 г. на сессии Совета было

принято решение о завершении работы страновых миссий ЮНРРА до июня 1947 г., в том числе и в Польше⁴⁰. Функции организации были переданы организациям системы ООН: в области здравоохранения – Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), продовольственная помощь – Всемирной продовольственной организации (ФАО), работа с перемещенными лицами – Международной организации беженцев (ИРО).

Работа ЮНРРА в Польше представляет собой пример работы полномасштабной гуманитарной миссии на территории, которая подверглась серьезным разрушениям и массовому перемещению населения в годы войны. Организация в условиях сложной политической ситуации смогла достигнуть компромисса с новым польским правительством и его главным союзником — СССР. Поставки помощи позволили сохранить жизнь сотням тысяч поляков, вернуться на родину десяткам тысяч. Окончание войны и политические процессы в Восточной Европе усилили разногласия между бывшими союзниками. В условиях биполярного противостояния интернациональные программы ЮНРРА стали подвергаться критике. Советский Союз выражал недовольство политикой организации в области репатриации, но был заинтересован в поставках по линии ЮНРРА для восстановления Польши. Правительство Соединенных Штатов, финансировавшее до 73% расходов организации, стало испытывать давление со стороны Конгресса и общественности. В прессе регулярно критиковали низкую эффективность ЮНРРА, забюрократизированность и избирательность в распределении помощи. В частности, организацию обвиняли в том, что просоветские правительства используют помощь в своих интересах. Польша наряду с Югославией являлись крупнейшими получателями помощи по линии ЮНРРА; созданные после ее сворачивания программы и организации (ИРО, «План Маршалла») подчинялись уже другой логике – помощь в обмен на контроль со стороны США как крупнейшего донора. Так интересы сотен

тысяч людей, подлинно международный подход к оказанию гуманитарной помощи в краткий срок были принесены в жертву политической целесообразности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Соколов В.В. ЮНРРА и Советский Союз. 1943-1948 годы (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 24-33; Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х - конец 1960-х годов. М., 2016.
- ² Woodbridge G. UNRRA: The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Vol.1-III. New York. Columbia University Press, 1950; Bundy A. There was a Man of UNRRA: Internationalism, Humanitarianism and the Early Cold War in Europe, 1943-1947, Dissertation. Columbus: Ohio State University, 2017.
- ³ См., например: Shephard B. The long road home: the aftermath of the Second World War. New York. 2011; Reinisch J. Internationalism in Relief: the Birth (and Death) of UNRRA//Past and Present, 2011, Vol. 210, Supplement 6, pp. 258-289. Post-war Reconstruction in Europe. Oxford, 2011; Bundy A. There was a Man of UNRRA: Internationalism, Humanitarianism and the Early Cold War in Europe, 1943-1947, Dissertation. Columbus: Ohio State University, 2017.
- ⁴ Мазовер М. Власть над миром. История идеи. М., 2016. С. 212.
- ⁵ United Nations Archive, S-1265-0000-0001-00001, Agreement UNRRA, 1943-1949. P. 11.
- ⁶ Ibid. P. 8.
- ⁷ Ibid. P. 9.
- ⁸ United Nations Archive, S-1304-0000-0249-00001, 50 facts, 1947. P. 3.
- ⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1943. Washington: United States Government Printing Office, 1963. Vol. 1. Agreement for the establishment of UNRRA. 923 p.
- ¹⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. С. 394.
- ¹¹ United Nations Archive, S-1265-0000-0001-00001, Agreement UNRRA, 1943-1949. P. 8.
- ¹² Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6 Д. 159. Л. 179-181.
- ¹³ United Nations Archive, S-1245-0000-0433-00001, Poland - Relief and Rehabilitation - Operations Plans and Reports, Dates, 1943. P. 132.
- ¹⁴ Ibid. P. 133.
- ¹⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. С. 419.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 192. Оп. 34. Д. 34. Л. 50.
- ¹⁷ Загладин В.В. Советский дипломат Меньшиков // Вопросы истории. 1983. №1. С.182.

- ¹⁸ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1945. P. 82.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7 Д. 155. Л. 41.
- ²⁰ Reinisch J. «'We Shall Rebuild Anew a Powerful Nation': UNRRA, Internationalism and National Reconstruction in Poland», *Journal of Contemporary History*, 2008. Vol. 43. P. 461.
- ²¹ Report to Congress on United States participation in operations of UNRRA, October 1945. / U.S. Government Printing Office, 1945. P. 200.
- ²² Report to Congress on United States participation in operations of UNRRA, October 1945. / U.S. Government Printing Office, 1945. P.149.
- ²³ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1945. P. 23.
- ²⁴ United Nations Archive, S-1424-0000-0077-00001, Organization of UNRRA Mission - Poland, 1945. P. 37.
- ²⁵ Report to Congress on United States participation in operations of UNRRA, April 1946. / U.S. Government Printing Office, 1946. P. 256.
- ²⁶ United Nations Archive, S-1400-0000-0027-00001, Monthly reports to chief, 1946. P. 3.
- ²⁷ Report to Congress on United States participation in operations of UNRRA, October 1945 / U.S. Government Printing Office, 1946. P. 321.
- ²⁸ Report to Congress on United States participation in operations of UNRRA, October 1946. / U.S. Government Printing Office, 1946. P. 395
- ²⁹ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1946-1947. P. 16.
- ³⁰ Ibid. P. 17.
- ³¹ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1946 - 1947. P. 62.
- ³² Ibid. P.63
- ³³ Ibid. P. 64
- ³⁴ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1946 - 1947. P. 68
- ³⁵ Ibid. P.71.
- ³⁶ Ibid. P. 72.
- ³⁷ Ibid. P. 73.
- ³⁸ Ibid. P. 69.
- ³⁹ United Nations Archive, S-1301-0000-1843-00001, Report of Director General to the Council, 1946-1947. P. 74.
- ⁴⁰ United Nations Archive, S-1304-0000-0249-00001, 50 facts, 1947. P. 33.

UNRRA MISSION IN POLAND 1945-1947: SUCCESSSES AND FAILURES OF THE INTERNATIONAL HUMANITARIAN EFFORT

© 2022 Yu.V. Zapariy, K.V. Borodunina

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin

The article is devoted to the activities of the mission of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) in Poland. The history of UNRRA characterizes the development of humanitarian activity on truly international basis, it also allows us to trace the tasks and priorities of post-war planning and reconstruction process. The main efforts of the organization were concentrated on the situation at the European continent. Providing assistance to Poland as one of the hardest-hit countries in the war whose fate has also caused political controversy, was a serious test for the UNRRA. The article is based on American and Soviet diplomatic documents, as well as materials from the UN archive; sources give us reason to conclude that the main difficulties of the organization included agreement on the deployment of the mission, as well as planning supplies. The authors characterize the main directions of the mission's activities in 1945-1947, present information on the volume and structure of humanitarian aid supplies to Poland. Archival documents of UNRRA provided a basis for studying the activities of the organization aimed at stimulating the process of repatriation to Poland. Humanitarian aid and funding of programs through the organization made it possible to stabilize the situation and minimize the negative consequences of war in Poland. UNRRA's international approach has been both a strength and a weakness of the organization. On the one hand, the international approach contributed to an effective response to political challenges and logistical problems. On the other hand, the interaction of the USSR and the USA in one organization inevitably led to an aggravation of political contradictions regarding the goals and objectives of the organization's activities in a particular region.

Keywords: United Nations Relief and Reconstruction Administration, humanitarian aid, post-war reconstruction, the Allies, refugees, displaced persons.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-94-100

Yulia Zapariy, Candidate of History, Associated Professor, Department of Modern and Contemporary History. E-mail: zapary.iulia@urfu.ru
Ksenia Borodunina, Undergraduate Student, Laboratory Assistant and Researcher, Scientific Research Institute of Russian Culture. E-mail: boroduninaksusha@mail.ru

УДК 930

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-Е ГГ. – ИЮНЕ 1941 Г.
В МАТЕРИАЛАХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ И В СТАТЬЯХ РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

© 2022 С.А. Трибунский

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 15.10.2022

Культурно-просветительная работа являлась составной, но относительно самостоятельной частью уникального военно-исторического феномена – партийно-политической работы, что успешно функционировал в Вооруженных силах Советского государства на всем протяжении их истории. В современной российской историографии заметно повышенное внимание к проблеме культурно-просветительной работы в Красной армии (РККА) в 1920-е – июне 1941 г. Оно материализовалась в соответствующем массиве историографических источников. В данной статье автор рассматривает два их вида: материалы научных конференций и статьи российских исследователей, опубликованные, начиная с 2001 г. и до настоящего времени. Отличительная черта современной российской историографии – ее исключительно динамичный и незавершенный характер. Это наложило серьезный отпечаток и на материалы научных конференций, и на статьи российских исследователей, в которых освещается ряд аспектов проблемы культурно-просветительной работы в Красной армии. Идет преодоление методологического кризиса и утверждаются новые теоретико-методологические подходы.

Ключевые слова: Красная армия, культурно-просветительная работа, партийно-политическая работа, современная историография, новые теоретико-методологические подходы, условный историографический период, 1920-е – июнь 1941 г., материалы научных конференций, статьи.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-101-114

Подлинная научная историография занимается не пассивным собирательством и склеиванием источников, а постановкой проблем, которые наполняют картину новым смыслом, содержанием.

Р. Дж. Коллингвуд¹

Предварительные замечания

1. Автор данной статьи избрал *объектом ее исследования* те аспекты истории изучения культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е - 1941 г., которые нашли отражение в соответствующем мас-

Трибунский Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии. E-mail: ser.6791@yandex.ru

сиве опубликованных историографических источников отечественного происхождения, а именно в материалах научных конференций и в статьях российских авторов. *Предмет исследования* – процесс накопления и приращения исторических знаний по проблеме, указанной выше, в материалах научных конференций и в статьях российских авторов. *Хронологические рамки* иссле-

дования установлены следующим образом: хронологические рамки анализируемых историографических источников ограничены 1920-ми – июнем 1941 г.; хронологические рамки самого краткого историографического исследования охватывают 2001 г. и до настоящего времени. Этот хронологический отрезок рассматривается как *условный историографический период*.

2. Некоторые понятия, которыми оперирует автор настоящей статьи: *историографические источники* – традиционные исторические источники, вовлеченные в процесс историографического анализа, результаты которого нашли отражение в различного рода научной, научно-популярной, публицистической литературе (монографии, книги, брошюры, статьи и пр.)²; *культурно-просветительная работа* – система мероприятий, проводимых командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями по коммунистическому воспитанию и политическому просвещению личного состава, удовлетворению духовных запросов и организации досуга военнослужащих Красной армии. Культурно-просветительная работа, хотя и имела некоторую долю самостоятельности, являлась составной частью *партийно-политической работы* в Вооруженных силах Советского государства³; *партийно-политическая работа* – идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций Советской армии и Военно-морского флота (СА и ВМФ), которая являлась составной частью руководства Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) вооруженными силами и рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в СА и ВМФ⁴.

3. В методологии исследования учитывались в качестве априорных следующие исходные посылы: признание факта плюрализма мнений в современной отечественной исторической науке⁵; наличие

приоритета рационализма в процессе историко-научного и в том числе историографического познания⁶; признание закономерности и необходимости перехода от эмпирического уровня в познании исторического и историко-познавательного процесса к теоретическому уровню его понимания и объяснения⁷; утверждение новых теоретико-методологических подходов в отечественной исторической науке⁸; специфика проблемно-тематического исследования, разработанная современными российскими историографами⁹.

4. Автор настоящей статьи усвоил априорную истину: проблема культурно-просветительной работы в Красной армии (1920-е – июнь 1941 г.) имеет свою историю изучения. Следовательно, необходимо всемерно опираться на историографические наработки предшественников. Причем с учетом того, что вначале увидели свет статьи, посвященные историографическому осмыслению некоторых аспектов истории Красной армии в 1920-е – 1941 гг.¹⁰, а затем – статьи, посвященные историографическому осмыслению именно проблемы культурно-просветительной работы в Красной армии (1920-е – июнь 1941 г.)¹¹. Исследователь, опираясь на историографические наработки предшественников, держал научный курс на достижение бережного и корректного отношения к ним. Между тем такая методологическая установка не исключает критического осмысления и переосмысления работ, в которых рассматривается история изучения рассматриваемой нами темы.

Относительно научной разработки культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е – 1941 гг. в формате материалов научных конференций и статей приходится констатировать, что здесь имелся ряд благоприятных условий. Например, Приказ министра обороны Российской Федерации от 10 июня 2001 г. № 265 «О военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации» наметил нормативно-правовые ориентиры, в том числе и для анализа нашей проблемы¹².

Но главным благоприятным условием здесь следует считать приращение источниковой базы для изучения феномена культурно-просветительной работы в РККА в обозначенных хронологических рамках. Например, в сборнике аналитических материалов, приуроченном к 65-летию событий у озера Хасан¹⁵, размещены сведения о шефской работе мастеров искусств среди бойцов и командиров Особой Дальневосточной армии¹⁴. Из него, в частности можно узнать, что выдающийся советский артист Н.К. Черкасов дал в период боев у озера Хасан (1938 г.) около двухсот творческих вечеров для бойцов и командиров Особой Дальневосточной армии¹⁵. Представляет повышенный научный интерес и двухтомный сборник документов, посвященных агитационно-массовому искусству Советского государства. В него вошли в том числе и политические плакаты, выпущенные в свет в Советской России / СССР в 1918 - 1932 гг.¹⁶.

Большим подспорьем для исследователей в качестве научно-справочных изданий стали выпущенные в свет 5-е – 8-е тома «Военной энциклопедии»¹⁷, а также «Военного энциклопедического словаря»¹⁸. В данном ряду следует особенно отметить и статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века». В нем рассмотрены большие и малые войны, которые вели Россия и СССР в XX веке. Даны краткие описания военно-политических условий, приведших к вооруженным столкновениям, а также статистика людских потерь¹⁹.

Такое приращение источниковой базы, видимо, стало одним из побудительных мотивов для изучения источников культурно-просветительной работы в РККА в 1920-е - 1941 гг.²⁰ Надо полагать, что здесь начинается оформление небезынтересной историографической тенденции.

Анализ массива историографических источников, имеющих отношение к проблеме культурно-просветительной работы в РККА в 1920-е - 1941 гг., проведем по двум блокам: 1) материалы научных конференций; 2) статьи российских исследователей.

Материалы научных конференций

Они, как известно, представляют собой отдельный вид историографических источников, в которых «зафиксированы результаты обсуждения наиболее значимых, приоритетных направлений исторических исследований, позволяющих выявить дискуссионные вопросы темы»²¹.

В материалах научных конференций получили освещение отдельные аспекты такой сложной проблемы, как выяснение роли и места культурно-просветительной работы, во-первых, в укреплении большевистской идеологии²²; во-вторых, в процессе воспитания военнослужащих в духе дружбы народов СССР²³. Подвергались осмыслению и факторы усиления культурно-просветительной работы²⁴. Здесь же нашло отражение такое важное направление культурно-просветительной работы, как ликвидация неграмотности в массе красных воинов. Причем одни исследователи рассматривали организацию деятельности по ликвидации неграмотности²⁵, а другие – влияние процесса ликвидации неграмотности на укрепление воинской дисциплины в РККА²⁶.

Имеются также публикации, где культурно-просветительная работа освещается опосредованно, в комплексе с другими аспектами партийно-политической работы в Вооруженных силах молодого Советского государства²⁷.

Г.А. Мохоров и Л.Н. Ветохин²⁸ предприняли попытку изучить тему в обобщающем ключе. Так, они отметили, что, во-первых, в межвоенный период «культурно-просветительная работа занимала значительное место в политико-воспитательной работе по формированию духовного облика воинов Красной армии»; во-вторых, «в условиях развернувшейся в стране культурной революции Красная армия превратилась в школу культурного просвещения трудящихся»²⁹.

Если со второй констатацией автор статьи солидаризуется, то по поводу первой констатации у него возникли возражения. Ведь культурно-просветительная работа занимала значительное место не в полити-

ко-воспитательной работе, а в партийно-политической работе, ибо политико-воспитательная работа входила в свою очередь составной частью в систему партийно-политической работы в Вооруженных силах Советского государства (и это убедительно доказано как в советской³⁰, так и в современной российской историографии³¹).

Г.А. Мохоров и Л.Н. Ветохин отмечают, что культурно-просветительная работа в РККА, была направлена на решение следующих задач: ликвидация неграмотности и малограмотности в красноармейской среде, повышение уровня образования и культурного развития личного состава, его идейно-политическое воспитание, организация и проведение культпросветработы через Дома Красной армии, клубы и библиотеки, Ленинские уголки, радио и звуковое кино. Осветили авторы деятельность армейских культурно-просветительных учреждений: Домов Красной армии, которые в основном обслуживали командный и начальствующий состав; полковых клубов; клубов военно-учебных заведений; Ленинских уголков; библиотек, которые имелись при Домах Красной Армии, клубах частей; передвижных библиотечек при Ленинских уголках. Затронуты ими, правда, довольно кратко, средства и формы культурно-просветительной работы: наглядная агитация, радио, кино, художественная красноармейская самодеятельность³².

В работе представлены убедительные итоги изучения темы: «в межвоенный период (1921 - 1941 гг.) культурно-просветительная работа всеми формами и средствами в достаточной мере успешно решала задачи культурного просвещения, идейно-политического и нравственно-эстетического воспитания военнослужащих. Содержание и организация работы направлялись на ликвидацию неграмотности и малограмотности, повышение общеобразовательной подготовки красноармейцев и командного состава, развитие культурно-художественной работы среди них, организацию свободного времени воинов. В тридцатые годы

культпросветработа была направлена на решение потребностей боевой и политической подготовки войск. Росту боевого мастерства и политической сознательности воинов способствовало расширение сети культурно-просветительных учреждений, улучшение их работы, более полное использование кино, радио, художественной самодеятельности и наглядной агитации»³³.

Между тем, как представляется автору данной статьи, рассматривать столь сложную проблему в обобщающем ключе на научной конференции довольно сложно. Хотя бы по причине ограничений докладов и выступлений по объему. Это побуждает исследователей строить тексты с элементами конспективности.

Научные статьи

Они, как известно, представляют более компактную и оперативную форму исторического исследования. Автор ограничен объемом публикации. Однако он «может быстрее высказать новые положения, впоследствии нередко получающие развитие в монографии или коллективном труде, в сжатом виде представить аргументацию собственной позиции»³⁴.

Работы, имеющие отношение к предмету настоящего небольшого историографического исследования, можно классифицировать по следующим группам: 1) статьи, где культурно-просветительная работа, проводимая в РККА в условиях мирного времени, раскрыта в обобщающем ключе; 2) статьи обобщающего характера, где раскрыта культурно-просветительная работа в Красной армии, проводимая в боевой обстановке; 3) специальные статьи, предметом исследования которых стали отдельные аспекты проблематики культурно-просветительной работы, проводимой в Красной армии как в условиях мирного времени, так и в боевой обстановке.

1) Статьи, где культурно-просветительная работа, проводимая в РККА в условиях мирного времени, раскрыта в обобщающем ключе. Типичным примером может здесь служить статья В.А. Жаркова, предмет ис-

следования которой – состояние культурно-просветительной работы в Красной армии в межвоенный период³⁵. Автор считает, что культурно-просветительная работа являлась важнейшим направлением политико-воспитательной работы³⁶. Но устоять подобной трактовки в нашей статье критиковалась выше при анализе публикации Г.А. Мохорова и Л.Н. Ветохина.

А вот с чем просто невозможно не согласиться, то это с утверждением В.А. Жаркова о том, что культурно-просветительная работа включала в себя организацию деятельности клубов, библиотек, показ кинофильмов, снабжение политпросветимуществом, обеспечение газетами и журналами, а также профессиональную наглядную агитацию. Обозначил ученый и основные задачи культурно-просветительной работы: формирование коммунистического мировоззрения, содействие политической и боевой подготовке войск, воинскому воспитанию; воспитание воинов в духе любви к Советской Родине и ненависти к ее врагам, дружбы народов и интернационализма; пропаганда боевых традиций, опыта Гражданской войны, воспитание войскового товарищества, приобретение военных и военно-технических знаний; повышение бдительности и боевой готовности, общей и военной культуры; пропаганда хода и итогов социалистического соревнования; атеистическое, этическое и эстетическое воспитание воинов, пропаганда книги; развитие художественного творчества и организация досуга³⁷. При этом исследователь констатирует, что некоторым направлениям культурно-просветительной работы уделялось больше внимания, чем остальным. Такими направлениями являлись, по мнению ученого, агитация и пропаганда решений партии и правительства, а также привлечение командиров и красноармейцев к политической жизни страны.

В.А. Жарков пришел к такому заключению: несмотря на проведенные мероприятия, а также количественный рост культурных организаций «качество культурно-просветительной работы оставалось

на низком уровне»³⁸. Он вскрыл ряд причин случившегося: внешкольная работа по-прежнему не отражает в должной степени важнейших политических моментов и слабо регулирует настроения красноармейцев; слабость работы по организации отдыха явилась причиной многих отрицательных явлений в политико-моральном состоянии частей (пьянство, самовольные отлучки и т.д.); в плохом состоянии находилось и библиотечное хозяйство; недостаточное финансирование культурно-просветительной работы в Красной армии³⁹.

Представляется оригинальным такое утверждение В.А. Жаркова: состояние культурно-просветительной работы в условиях мирного времени было проверено во время боевых действий на Халхин-Голе. Он приводит в качестве аргумента небезынтересный пример: Политическое управление РККА послало для художественного обслуживания частей, принимавших участие в боевых действиях, две бригады артистов эстрады, сформированные Музыкально-концертным управлением Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК, и одну бригаду Управления государственных цирков⁴⁰.

Заслуживает внимания и общий вывод ученого: культурно-просветительная работа, проводимая в армии, была направлена «на успешное и быстрое овладение личным составом военной техникой, привитие навыков использования ее в бою, а также на воспитание морально-политических и боевых качеств, но ввиду существовавших вышеперечисленных недостатков не смогла добиться высоких результатов в воспитании бойцов и командиров»⁴¹.

Но вот детализация основных форм и методов культурно-просветительной работы в статье отсутствует. Видимо, здесь сказался ее обобщающий формат.

Представляют повышенный интерес обобщающие статьи А.В. Македонского. В первой из них исследователь раскрыл проблему, сформулированную им так: РККА в качестве школы культурного воспитания

военнослужащих. Он проанализировал результаты деятельности культурно-просветительных учреждений Красной армии по культурному развитию военнослужащих в 1920–1930-е гг., введя при этом в научный оборот новые архивные источники. Это позволило рассмотреть различные аспекты данного направления их работы, показать достижения и недостатки⁴². Ученый исходил в своем анализе из того, что в 1920-е - 1930-е годы «военнослужащим предоставлялась относительно благоприятная возможность для приобщения к произведениям литературы и искусства, формирования эстетического мировосприятия»⁴³. Она обеспечивалась тем, что для культурного развития бойцов «Красная армия располагала широкой сетью культурно-просветительных учреждений: клубов, ленинских уголков (комнат), Домов Красной армии».⁴⁴

А.В. Македонский затронул в статье и такой аспект исследуемой им проблемы, как культура быта. Здесь, считает он, РККА давала многое своим бойцам и младшим командирам: «Во время прохождения службы у них вырабатывались и закреплялись необходимые культурные навыки и привычки: ежедневная чистка зубов, умывание с обнаженным торсом, еженедельная или ежедекадная смена нательного и постельного белья, постоянное проветривание помещений, содержание в чистоте и порядке верхней одежды и обуви, регулярное бритье лица и стрижка волос, принятие пищи в определенное время»⁴⁵.

Не прошли мимо внимания автора анализируемой статьи и определенные трудности в культурном воспитании военнослужащих. «Так, было бы ошибочно идеализировать состояние читаемости в РККА. Можно отметить и такие перегибы, как отправка красноармейцев на плановые культмероприятия, включая просмотр кинофильмов в приказном порядке, запрет посещать танцы, просачивание элементов халтуры в революционную героику Красной армии, что особенно заметно проявлялось в песенном репертуаре и т.д.»⁴⁶

Как итог исследователь констатирует: результаты работы по культурному развитию военнослужащих в 1920-е гг., несмотря на наличие ряда недостатков, «можно в целом назвать достаточно высокими»⁴⁷. Относительно же 1930-х годов он заключает, что тогда рост личного состава РККА в культурном отношении выражался в основном в достижении достаточно высоких результатов по тем же позициям, что и в 1920-е гг.: «приобщение к систематическому чтению, привычка к культурному использованию свободного времени, выработка культурных норм в быту и в поведении, приобщение к физкультуре». Итоги работы по культурному развитию личного состава РККА в 1930-е гг., несмотря на имеющиеся недостатки, ученый также назвал в своей статье «достаточно высокими»⁴⁸.

Выглядит убедительным и общий вывод А.В. Македонского: на протяжении 20-30-х годов XX в. в Красной армии «проводилась большая и систематическая работа по повышению культурного уровня бойцов и командиров, которая имела в целом положительные результаты. Военнослужащие приобщались к регулярному чтению, привыкали к культурному проведению досуга, вырабатывали бытовые и поведенческие культурные нормы, приобщались к физической культуре. Именно в РККА они получали большой заряд культурных знаний и представлений. В этом смысле Красная армия была действительно школой «культурничества»⁴⁹. Можно согласиться и с таким обобщением автора: многое из опыта проведения культурно-воспитательной работы может с успехом применяться в современных условиях в Вооруженных силах Российской Федерации»⁵⁰.

Во второй обобщающей статье А.В. Македонский, проанализировав состояние культурно-просветительной работы в подразделениях Красной Армии в 1920-е - 1930 годы⁵¹, синтезировал такое заключение: культурно-просветительная работа в подразделениях РККА в 1920-30-е годы оставляет неоднозначное впечатление. «С одной

стороны, в ленинских уголках (комнатах) проводилась многогранная деятельность по различным направлениям с использованием разнообразных средств и форм воспитания, с другой стороны, в процессе ее проведения имелись очевидные недостатки. Тем не менее представляется, что такие формы массовой работы, как беседы, доклады, работа с книгой и газетой, справочная работа, вечера самодеятельности, экскурсии и тому подобное, могут с успехом применяться и в наши дни в деятельности комнат досуга, разумеется, с учетом современных реалий»⁵². Подобный синтез имеет высокую степень научной достоверности, так как он фундирован большим количеством архивных документов и материалов делопроизводственного характера. Причем отдельные из них являются малоизвестными для научной общественности.

В статье А.А. Минкиной кратко охарактеризован (в обобщающем ключе) процесс реформирования политико-просветительной, агитационно-пропагандистской и воспитательной работы среди рядового и командного состава в РККА в период с 1921 по 1940 год, в том числе культурно-массовой работы. Между тем, на наш взгляд, непонятно, почему А.А. Минкина анализирует культурно-массовую, а не культурно-просветительную работу в Вооруженных силах Советского государства? Более корректно рассуждать все-таки о культурно-просветительной работе⁵³.

2) Статьи обобщающего характера, где раскрыта культурно-просветительная работа в Красной армии, проводимая в боевой обстановке. Думается, что в этой группе следует выделить особо статью С.Г. Осьмачко и О.А. Артамоновой. Ученые сосредоточили внимание в ней на том, как функционировала система культурно-просветительной работы в условиях локальных войн и вооруженных конфликтов⁵⁴. Они раскрыли основные направления реализации задач культурно-просветительной работы в действующей РККА в 1929 -1940 гг.: организация фронтовых выступлений

профессиональных артистов; концерты художественной самодеятельности; показ кинокартин; библиотечная работа; обеспечение войск газетами, журналами и почтой; деятельность армейских «очагов культуры» – клубов, Домов Красной армии и пр.⁵⁵ Статья хорошо фундирована документами, приоритет среди которых отдан делопроизводственным документам и материалам, отложившимся в Российском государственном военном архиве (РГВА): из девяти источников, включенных в библиографический список, шесть – архивные документы и материалы.

Примечательно, что исследователи вскрыли и ряд недостатков в функционировании системы культурно-просветительной работы в действующей армии: Дома Красной армии в боевой обстановке или не работали вовсе, или занимались не своим делом (например, Дома Красной армии 32-й и 40-й стрелковых дивизий, действовавших на Хасане, «занимались подвозом боеприпасов и эвакуацией раненых»⁵⁶; «клубное имущество выводимых в район боевых действий частей чаще всего оставалось на зимних квартирах»⁵⁷). Авторы статьи резюмируют: в целом «многие вопросы культурно-просветительной работы в боевой обстановке (например, издание положения о работе агитпоездов и агитмашин) не были урегулированы до Великой Отечественной войны»⁵⁸.

В.Г. Гурьянчик сосредоточил внимание на том, как функционировала система культурно-просветительной работы в боевой обстановке, осветив основные ее направления. При этом ученый подчеркнул, что культурно-просветительная работа являлась органической частью партийно-политической работы в целом. В.Г. Гурьянчик ввел в научный оборот архивные документы, ранее малоизвестные научной общественности. В то же время исследователь, видимо, в силу обобщающего характера своих статей, не уделил должного внимания анализу основных форм и методов культурно-просветительной работы, особенно деятельности

культурно-просветительных учреждений, в первую очередь полкового звена⁵⁹.

3) Специальные статьи, предметом исследования которых стали отдельные аспекты проблематики культурно-просветительной работы, проводимой в Красной армии как в условиях мирного времени⁶⁰, так и в боевой обстановке⁶¹. Представляет, с нашей точки зрения, повышенный интерес статья А.В. Македонского, в которой он осветил деятельность культурно-просветительских учреждений по укреплению воинской дисциплины в 1920-1930-е гг.⁶² Она выполнена под критическим углом зрения. Ученый, констатируя некоторые успехи в рассматриваемой им сфере (например, во-первых, участие учреждений и подразделений культурно-просветительной работы в правовой пропаганде, а именно в пропаганде требования уставов об уважении к командирам, неукоснительном выполнении их приказов и защите в бою; во-вторых, акцентирование внимания командиров и начальников на способах сплочения воинских коллективов, создании актива, умении опираться на авторитет партийных и комсомольских организаций, на необходимости поддерживать уставные взаимоотношения с подчиненными), вскрыл и ряд недостатков: недостаточная увязка проводимой партполитпросветработы с вопросами воинской дисциплины; слабая работа среди начальствующего состава, неконкретность, декларативность, шумиха, недостаточная воспитательная работа с каждым отдельным коммунистом, комсомольцем, командиром и красноармейцем; неудовлетворительное выполнение требований высших инстанций в ряде воинских частей о всемерном укреплении воинской дисциплины и порядка в частях и подразделениях и развертывании настоящей политической и культурно-массовой работы с командным составом, красноармейцами, краснофлотцами, политпаратом и парторганизациями.

А.В. Македонский, резюмируя аналитический материал, сделал небезынтересные обобщения, с которыми автор настоящей

статьи солидаризируется: деятельность культурно-просветительных учреждений РККА по укреплению воинской дисциплины в 1920-1930-е гг. привела к определенным позитивным изменениям; однако кардинальных перемен не произошло: во-первых, в самой воспитательной работе были очевидные недостатки; во-вторых, сказывалась слабость культурно-массовой работы наряду с другими причинами; тем не менее опыт межвоенного периода в определенной степени используется и в современных условиях; очевидно, что многие направления деятельности армейских учреждений культуры по укреплению воинской дисциплины в 1920 - 1930-е гг. сохраняют свою жизненность и поныне⁶³.

Необходимо подчеркнуть, что А.В. Македонский посвятил еще ряд статей такому аспекту рассматриваемой проблемы, как деятельность культурно-просветительных учреждений РККА. Текстологический анализ этих статей позволяет выйти на ряд суждений обобщающего порядка: в поле научного зрения исследователя попал ряд аспектов о деятельности армейских культурно-просветительных учреждений как в условиях мирного времени⁶⁴, так и в боевой обстановке⁶⁵; все статьи выполнены на обширной и разнообразной источниковой базе, преимущественно архивной делопроизводственной документации; работы четко структурированы; в статьях проанализирована и деятельность Домов Красной армии, и армейских клубов, и библиотек различного уровня.

Кроме того, ученый написал несколько статей, в которых раскрыл деятельность культурно-просветительных учреждений в комплексе с другими аспектами культурно-просветительной работы в РККА, как в условиях мирного времени⁶⁶, так и в боевой обстановке⁶⁷. К ним также применимы оценки, изложенные выше.

А.А. Акулов осветил процесс образования и развития военных учреждений культуры на Дальнем Востоке в 1920 -1930-е годы⁶⁸. Он заключает, что благодаря воен-

ным учреждениям культуры на Дальнем Востоке «значительно повысилось качество и эффективность культурно-просветительской работы, а театральное дело, ансамблевое и оркестровое исполнительство, гастрольная деятельность стали базой для подготовки специалистов этой сферы и для гражданских учреждений»⁶⁹. Исследователь также утверждает следующее: во-первых, все культурно-просветительские учреждения были «призваны удовлетворять духовные запросы военнослужащих – в основном выходцев из крестьянской и рабочей среды, не имевших ранее такой возможности. Главная задача на этом этапе состояла в ликвидации неграмотности и культурной отсталости бойцов, в их интернациональном сплочении»; во-вторых, для разъяснения идеологии и политики партии, эстетического воспитания военнослужащих активно использовались разные средства. Основную нагрузку несли дома Красной армии, клубы, библиотеки, ансамбли, театры. «Очень популярны были самодеятельные кружки, в которых бойцы могли выявить и развить свой талант»⁷⁰. Уделил А.А. Акулов внимание и раскрытию форм и методов работы Домов Красной армии, полковых клубов, библиотек. Правда, такой материал несет на себе печать явно конспективного его изложения. Не следует также забывать и того, что в статье освещена локальная проблема, причем исключительно на материалах Дальнего Востока.

Т.К. Маякин проанализировал основные вехи процесса становления и развития музыкальной художественной самодеятельности в частях и соединениях Красной армии и Флота, в том числе и в 1920-е - 1941 гг. Автор акцентировал внимание на роли таких культурно-просветительских учреждений, как Дома Красной армии и полковые клубы. Не прошла незамеченной для исследователя и тема идейно-политического содержания репертуара художественной самодеятельности⁷¹. Небезынтересными представляются и такие суждения Т.К. Маякина: «Придавая важное значение иску-

ству в решении вопросов политической агитации и пропаганды в широких массах, Политуправление РККА проводило большую работу по созданию и внедрению новых, синтетических жанров, направленных на многотысячную аудиторию. В результате в 20-е годы широкое распространение получают массовые инсценировки и литературно-музыкальные композиции, соединившие в себе литературу, театр, танец и музыку. Наряду с профессиональными артистами и коллективами к участию в них привлекались и многочисленные представители художественной самодеятельности рабочих и красноармейских кружков»⁷².

Историографический анализ показывает, что ряд статей посвящен проблеме ликвидации неграмотности и малограмотности в красноармейской массе⁷³, а также и повышению уровня грамотности командного начальствующего состава Красной армии⁷⁴. Например, Л. Петрич посвятила свою статью важному аспекту в ликвидации неграмотности – обучение красноармейцев и допризывников. Она справедливо считает, что от состояния грамотности данной категории населения в немалой степени зависела боеспособность Красной армии. Автор, проанализировав научную историческую литературу по данной теме, сделал вывод, что рассматриваемая тема изучена на сегодняшний день недостаточно. Отмечено, что во всей своей полноте проблема улучшения боевой подготовки Красной армии встала в 1923 г., когда она перешла на мирное положение. Ученый утверждает, что в конце 1920 - начале 1930-х гг. работа по обучению красноармейцев и допризывников была продолжена во время культпоходов. Указано, что при организации обучения значительное внимание уделялось содержанию образовательного материала, связанного с политическим просвещением военнослужащих. Отмечены особенности, трудности и недостатки при организации работы с личным составом Красной армии в Оренбуржье: низкая посещаемость ликпунктов, большой отсев из них⁷⁵.

Однако нам непонятно, почему Л.В. Петрич озаглавила статью «Образовательная и культурно-просветительная работа в Красной армии в 1920 - 1930-е годы...». Ведь речь идет в ней главным образом о ликвидации неграмотности. Вызывает недоумение совмещение понятий «образовательная» и «культурно-просветительная работа» в Красной армии. Непонятна субординационная связь между ними. Какое понятие шире и пр. Отметим также, что анализируемая статья, носит все-таки локальный характер, ибо она выполнена только на материалах Оренбуржья.

Таким образом, анализ некоторых аспектов истории изучения проблемы культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е - июне 1941 г. в материалах научных конференций и в статьях российских исследователей, опубликованных в начале XXI века, позволил автору данной статьи синтезировать основные историографические тенденции ее развития:

1. Радикальное влияние на исследованные публикации, *во-первых*, исключительно динамичного характера развития современной российской историографии; *во-вторых*, незавершенного процесса преодоления методологического кризиса и утверждения новых теоретико-методологических подходов в отечественной исторической науке на современном этапе.

2. Большая доля в общем массиве публикаций, тех, в которых анализируется именно культурно-просветительная работа в РККА. Продолжают выходить в свет и работы, где культурно-просветительная работа в Красной армии рассматривается в комплексе с проблемой партийно-политической работы в армии. Это естественно, так как первая являлась органической составной частью второй.

3. Различные ракурсы анализа нашей темы в рассмотренных публикациях: статьи, где культурно-просветительная работа, проводимая в РККА в условиях мирного времени, раскрыта в обобщающем ключе; статьи обобщающего характера, где рас-

крыта культурно-просветительная работа в Красной армии, проводимая в боевой обстановке; специальные статьи, предметом исследования которых стали отдельные аспекты проблематики культурно-просветительной работы, проводимой в Красной армии как в условиях мирного времени, так и в боевой обстановке.

4. Высокий уровень фундирования, в первую очередь делопроизводственными архивными документами и материалами, что детерминировалось главным образом облегченным доступом исследователей в архивные учреждения страны. Подобное обстоятельство повышает научное качество исследованных историографических источников. Особенно в плане степени достоверности полученных научных результатов.

5. Появление работ, посвященных историографии истории изучения темы, исследованной нами, а также и ее собственно источниковедческого осмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Перевод и комментарии Ю.А. Асеева; Ст. М.А. Кисселя; Отв. ред.: И. С. Кон, М.А. Киссель. М., 1980 [Электронный ресурс] Бесплатная библиотека России. Конференции, книги, пособия, научные издания, учебные пособия [сайт]. URL: ibed.ru/knigi-nauka/705857-1-p-kollingvud-akademiy-a-nauk-sssr-g-collingwood-the-idea-history-autobiography-dzh-kollingvud-ideya-istorii-a.php (дата обращения: 20.04.2022).
- 2 Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3 (2). С. 501-509.
- 3 Словарь военных терминов. М.: Воениздат / Сост. А.М. Плехов, с. Г. Шапкин, 1988 [Электронный ресурс] Словари и энциклопедии на Академике [сайт] URL: https://military_terms.academic.ru/ (дата обращения: 20.04.2022).
- 4 Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С.683-684.
- 5 Филатов Т.В. Неопределенность и изменчивость прошлого // Философия культуры – 96: сб. науч. ст. Самара: Самарский ун-т, 1996. С. 103-113; Сахаров А.Н. О новых подходах к истории

- России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3-20; *Ипполитов Г.М.* Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т.8. №3 (июль – сент.). С. 676-688; *Ипполитов Г.М.* О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. №3 (41). С. 222-228.
- 6 *Мингулов Х.И.* Формирование фундаментальной базы рационального мышления: постановка проблемы / Х.И Мингулов, Т.В. Филатов, В.В. Ходыкин // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1 (57). С. 150-153.
- 7 *Султанова Л.Б.* Закономерности развития научного познания // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т.7. №4. С. 245-258.
- 8 *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: Историографический вестник / Отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. М.: Наука. 2002. С. 3-28; *Гуревич А.Я.* Двойная ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74-84; *Ипполитов Г. М.* О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т.13 №3(41). С. 222-228; Исторические исследования в России - II: Семь лет спустя. М.: АИРО-XX, 2003. 559 с.; Исторические исследования в России - III. Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО-XX, 2011. 584 с.; Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО-XX, 2011. 520 с., и др.
- 9 *Ипполитов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 184-195; *Камынин В.Д.* К вопросу о методике современного историографического исследования // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: материалы межд. научно-практ. конф.. Казань, 22-23 ноября 2012 г. Казань: Казанский ун-т, 2012. С. 38-42; *его же.* «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI в.: исследовательский опыт и перспективы развития // Исторический опыт в меняющемся пространстве культуры: сб. ст., подготовленный по материалам всерос. науч. конф. Челябинск, 2006. С. 270-278.
- 10 *Степанова Е.Е.* Основные аспекты развития отечественной историографии тыла Красной Армии в межвоенный период // Вестник военного университета 2010. № 4 (24). С. 96 - 101; *Авилкин А.М.* Основные аспекты развития отечественной историографии Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Вестник Военного университета. 2010. № 2. С. 78-83.
- 11 *Македонский А.В.* Культурно-просветительная работа в Красной Армии (1921 – июнь 1941 гг.): историография вопроса // Гуманитарные науки в техническом вузе: сб. науч. ст. М.: Экслибрис-Пресс, 2004 С. 118-135; *его же.* Культурно-просветительная работа в Красной армии в 20-30-е годы XX века: зарубежная историография // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019.Т. 9. №10 (550). С. 1579-1585.
- 12 Приказ Министра обороны Российской Федерации от 10 июня 2001 г. № 265 «О военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации». М.: Центральная тип. МО РФ, 2001. 16 с.
- 13 «На границе тучи ходят хмуро...» (к 65-летию событий у озера Хасан): Аналитические материалы. / Составители: И.И. Басик, В.Л. Воронцов, В.И. Коротаев, Н.И. Никифоров. Под общ. ред. Н.И. Резника. Жуковский; М.: «Кучково поле», 2005. 400 с.
- 14 Там же. С. 88-95
- 15 Там же. С. 95.
- 16 Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: агитпоезда и агитпароходы, передвижной театр, политический плакат, 1918 - 1932: в 2 т. М.: Искусство, 2002. – 2 т.
- 17 Военная энциклопедия: В 8 т. Т.5. М.: Воениздат, 2001. 575 с.; Т.6. М.: Воениздат, 2002. 639 с.; Т.7. М.: Воениздат, 2003. 735 с.; Т.8. М.: Воениздат, 2004. 579 с.
- 18 Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1074 с.
- 19 Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
- 20 *Македонский А.В.* Культурно-просветительная работа в Красной Армии (1921 - июнь 1941 г.): источниковая база исследования // Формирование мировоззрения студентов технических вузов. История и современность: сборник научных статей. М.: Экслибрис, 2006. С.164-178.
- 21 *Ипполитов Г.М.* Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу... С. 505.

- ²² Охтеня О.С. Политико-массовая и культурно-просветительная работа как фактор укрепления большевистской идеологии в первой половине 1920-х гг. (на примере частей Красной Армии Западной Сибири) // III Всерос. науч. молодежная конф. «Под знаком сигма» (Омск, 4-6 июля 2005 г.): Тезисы докладов. Омск: Б/и, 2005. С. 230-231.
- ²³ Македонский А.В. Культурно-просветительная работа в Красной армии в 20-30-е годы XX века: воспитание военнослужащих в духе дружбы народов СССР // Актуальные проблемы, перспективы и задачи землеустроительного образования, архитектуры и дизайна. Сб. науч. ст. и тезисов Всерос. научно-практ. конф. «Научно-педагогическое и культурное наследие Российской межевой школы». М.: Б/и, 2017. С. 137-142.
- ²⁴ Македонский А.В. Культурно-просветительная работа в Красной Армии: факторы ее усиления в межвоенный период (1921 - июнь 1941 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических дисциплин: Всерос. научно-практ. конф.: сб. научн. ст. М.: Экслибрис, 2007. С.161-174.
- ²⁵ Охтеня О.С. Организация ликвидации неграмотности гражданского населения и военнослужащих Красной Армии в Западной Сибири в конце 1919-1925 гг. // Качество. Инновация. Наука. Образование: Материалы Межд. научно-практ. конф., 15-17 ноября 2005 года. Омск: Изд-во СибАДИ, 2005. Кн. 2. С. 213-220.
- ²⁶ Костин Н.В. Ликвидация безграмотности как основополагающий фактор укрепления воинской дисциплины в рядах Красной армии в 1920-х гг. // Развитие отечественной исторической науки в XXI веке: [сб. ст. по материалам межд. научно-практ. конф., 21 декабря 2012 г., Москва]. М.: Научные технологии, 2013. С.106-122.
- ²⁷ Охтеня О.С. Антирелигиозная политика Советского руководства в Красной Армии в первой половине 1920-х гг. // Русский вопрос: история и современность: Материалы V всерос. научно-практ. конф. (Омск, 1-2 ноября 2005 г.) Омск: «Издательский дом «Наука», 2005. С. 105-107; *его же*. Средства и методы идеологического воздействия Советской власти на население страны в первой половине 1920-х гг. (на примере красноармейских частей и учреждений Западной Сибири) // Межд. научно-техн. конф. «Динамика систем, механизмов и машин», посвященная 65-летию Омского государственного технического университета, секция «Актуальные проблемы истории»: Материалы межд. научно-техн. конф. Омск: Полиграфический центр КАН, 2007. С.108-117; *его же*. Формирование образа врага в сознании военнослужащих Красной Армии в первой половине 1920-х гг. (на примере Западно-Сибирского военного округа) // Развитие дорожно-транспортного комплекса и строительной инфраструктуры на основе рационального природопользования: Материалы II Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 23-24 мая 2007 г. Омск: Изд-во СибАДИ, 2007. Книга 2. С. 235-239.
- ²⁸ Мохоров Г.А. Культурно-просветительная работа в Красной армии в межвоенный период /Г.А. Мохоров, Л.Н. Ветохин // Развитие военной педагогики в XXI веке. Материалы VI Межвузовской научно-практ. конф., 100-летию Военной академии связи посвящается. СПб.: ООО «Изд-во ВВМ», 2019. С. 652-658.
- ²⁹ Там же. С. 652.
- ³⁰ Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918-1973 гг.): исторический очерк. М.: Воениздат 1974. 394 с.
- ³¹ Воронов В.Н. Историческая необходимость создания системы партийно-политической работы в РККА (1918-1922 гг.) // Наука. Общество. Оборона. Сетевое научное издание (перечень ВАК, исторические науки). 2019. № 1 (18) / В.Н. Воронов, Г.М. Ипполитов, С.Д. Половецкий [Электронный ресурс] URL: <https://www.nojournal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-1-18/> (дата обращения: 20.04.2022); Ипполитов Г.М. Феномен партийно-политической работы в РККА в период Гражданской войны: концептуальные основы, принципы, формы, методы (1918–1920 годы) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 149-177. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-4-6 [Электронная версия]URL: <http://hpchsu.ru/publikatsii/zhurnal-regionalnoy-istorii-t-2-4/fenomen-partiyno-politicheskoy-raboty-v-rkka-v-period-grazhdanskoj-voyny-kontseptualnye-osnovy-prints/> (дата обращения: 20.04.2022).
- ³² Мохоров Г.А. Указ. соч. С. 652-658.
- ³³ Там же. С. 655-656.
- ³⁴ Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу... С. 505.
- ³⁵ Жарков В.В. Культурно-просветительная работа в Красной армии в межвоенный период // Ярославский педагогический вестник: научный журн. 2006. №3. С. 21-26.
- ³⁶ Там же. С.21.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 22.

- ³⁹ Там же. С. 22, 23, 24.
- ⁴⁰ Там же. С. 25.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Македонский А.В.* РККА – школа культурного воспитания военнослужащих (1920-1930-е гг.) // Клио. Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2015. № 12 (108). С. 92-96.
- ⁴³ Там же. С. 92.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 93.
- ⁴⁶ Там же. С. 93-94.
- ⁴⁷ Там же. С. 94.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 96.
- ⁵¹ *Македонский А.В.* Культурно-просветительная работа в подразделениях Красной Армии в 20-30-е годы XX век» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. №3 (59). С.171-175.
- ⁵² Там же. С.175.
- ⁵³ *Минкина А.А.* Культурно-массовая работа в РККА и РККФ В 1921-1940 гг. // Военно-исторический журнал 2009. №12. С. 45-47.
- ⁵⁴ Имеется в виду конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (1929); Бои на озере Хасан между Японской императорской армией и РККА (1938); локальный вооружённый конфликт между советско-монгольскими войсками и Вооруженными силами милитаристской Японии у реки Халхин-Гол на территории Монголии (1939); Советско-финляндская война (1939 - 1940). – С.Т.
- ⁵⁵ *Осьмачко С.Г.* Культура и РККА: культурно-просветительная работа в действующей армии (1929 - 1940) / С.Г. Осьмачко, О.А. Артамонова // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 206-210.
- ⁵⁶ Там же. С. 208.
- ⁵⁷ Там же. С. 209.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Гурьянчик В.Н.* Культурно-просветительная работа в РККА (1939 - 1941 гг.) // Гуманитарные науки и современность. СПб.: Изд-во ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. С. 78-81.
- ⁶⁰ *Петрич Л.В.* Культурпоход и его роль в работе по ликвидации неграмотности взрослого населения Оренбуржья в конце 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. <http://www.vestospu.ru>. 2014. №4 (12). С. 144-149; *Македонский А.В.* Культурно-просветительная работа в Красной Армии по обеспечению боевой подготовки частей и подразделений в 1920 – 1930-е годы: практика и итоги // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып.104. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. С. 49-59; *его же.* Подготовка кадров политпросветработников Красной армии в 1920-е-1930-е годы //Клио. 2011. №1 (52). С.121-125; *его же.* Становление органов управления культурно-просветительной работой в Красной Армии в 20-е гг. XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. М.: Экслибрис, 2004. С.170-193.
- ⁶¹ *Македонский А.В.* Некоторые особенности культурно-просветительной работы в РККА в ходе Советско-финляндской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал=Scientific-Theoretical and Applied Journal: 2011. № 7(13). Часть 3. С. 138-141.
- ⁶² *Македонский А.В.* Деятельность культурно-просветительских учреждений по укреплению воинской дисциплины в 1920-1930-е гг.: практика и итоги // Вестник РУДН Серия «История России». 2007. № 4. С. 99-104.
- ⁶³ Там же. С.103-104.
- ⁶⁴ *Македонский А.В.* Деятельность домов Красной армии в 1920-е-1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2007. № 8. С.19-21; *его же.* Работа культурно-просветительных учреждений РККА среди семей командно-начальствующего состава в 20 – 30-е годы XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Научно-практ. журнал: 2019. №9. (Сентябрь) (Часть 2) С. 21-24; *его же.* Клубная работа в Красной армии в 20-е-30-е годы XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 1. С. 55-58.
- ⁶⁵ *Македонский А.В.* Деятельность культурно-просветительных учреждений РККА во время военных конфликтов на Дальнем Востоке (1938-1939) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2017.№12. С.36-39.
- ⁶⁶ *Македонский А.В.* Особенности культурно-просветительной работы в Красной Армии в условиях нэпа //Клио. 2014. №7(91). С.129-131.
- ⁶⁷ *Македонский А.В.* Культурное обслуживание военнослужащих РККА во время польской кампании 1939 года //Историческая и социально-образовательная мысль. 2016.Т. №6-1. С. 83-87.

- ⁶⁸ Акулов А.А. Образование и развитие военных учреждений культуры на Дальнем Востоке в 1920-1930-е годы // Вестник ДВО РАН. 2006. №6. С. 144-148.
- ⁶⁹ Там же. С. 144.
- ⁷⁰ Там же. С. 145-146.
- ⁷¹ Маякин Т.К. Становление и развитие музыкальной художественной самодеятельности в частях и соединениях Красной армии и флота в 1918-1941 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 62-67.
- ⁷² Там же. С. 64.
- ⁷³ Македонский А.В. Ликвидация неграмотность в РККА в 1920-е гг.: практика и итоги // Преподавание истории в школе. 2008. №3. С. 23-26.
- ⁷⁴ Македонский А.В. Общеобразовательный уровень начальствующего состава РККА в 1930-е годы // Преподавание истории в школе. 2009. №2. С. 34-38; Македонский А.В. Проблема повышения общеобразовательного уровня начсостава РККА в 20-е годы XX в.: практика и итоги // Вестник РУДН. Серия: «История России». 2006. № 3 (7). С. 187-192.
- ⁷⁵ Петрич Л.В. Образовательная и культурно-просветительная работа в Красной армии в 1920 – 1930-е годы: на материалах Оренбуржья // Самарский научный вестник. 2016. №2 (15). С. 110-114.

SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF STUDYING THE PROBLEM OF CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE RED ARMY SINCE THE 1920S TO JUNE 1941 IN THE MATERIALS OF SCIENTIFIC CONFERENCES AND ARTICLES BY RUSSIAN SCHOLARS PUBLISHED AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

© 2022 S.A. Tribunsky

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Cultural and educational work was an integral, but relatively independent part of a unique military-historical phenomenon: party-political work, which was successfully carried out in the Armed Forces of the Soviet state throughout their history. In contemporary Russian historiography increased attention to the problem of cultural and educational work in the Red Army (RKKA) since the 1920s to June 1941 was embodied in the corresponding array of historiographic sources. The author of this article analyzes two types of historiographic sources: materials of scientific conferences and articles by Russian researchers published from 2001 to the present. A distinctive feature of contemporary Russian historiography is its exceptionally dynamic and unfinished nature, which left a strong imprint on the materials of scientific conferences and articles by Russian researchers covering a number of aspects of the cultural and educational work in the Red Army. There is a process of overcoming the methodological crisis and the emergence of new theoretical and methodological approaches in Russian historical science.

Keywords: Red Army, cultural and educational work, party-political work, contemporary historiography, new theoretical and methodological approaches, conditional historiographic period, 1920s – June 1941, materials of scientific conferences, articles.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-101-114

УДК 902/904

**НАУЧНЫЙ ВКЛАД Л.В. КУЗНЕЦОВОЙ
В РАЗВИТИЕ САМАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И МУЗЕЙНОГО ДЕЛА**

© 2022 Н.П. Салугина¹, Д.А. Сташенков²

¹ Самарское археологическое общество,

² Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

Статья поступила в редакцию 20.11.2022

Статья посвящена юбилею известного археолога, ведущего специалиста в области изучения палеолита Среднего Поволжья Людмилы Валентиновны Кузнецовой. После окончания Куйбышевского (Самарского) государственного университета она становится сотрудником университетской научно-исследовательской группы №7, которая занималась охранно-спасательными работами в зоне строительства различных объектов. В 1985 г. после окончания аспирантуры Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК - Институт истории материальной культуры РАН) она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья». С 1992 г. ее трудовая деятельность связана с Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина, директором которого Л.В. Кузнецова была более двух десятилетий. В статье дана характеристика ее научной, административной и преподавательской работы. *Ключевые слова:* археология, музейное дело, каменный век, палеолит, Поволжье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-115-119

Ученый, археолог, организатор музейного дела, педагог, общественный деятель и просто замечательный человек – это все она, Людмила Валентиновна Кузнецова. В эти дни она отметила свой юбилей. В юбилейные дни принято подводить итоги очередного этапа жизненного пути, пройденного юбиларом. Людмила Валентиновна - кандидат исторических наук, признанный специалист по древнейшему периоду человеческой истории – палеолиту, долгое время успешно занимавшая должность директора крупнейшего в регионе Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, преподаватель вуза, лауреат премии «Преданность и служение



Салугина Наталья Петровна, к.и.н., член Самарского археологического общества,

E-mail: nsalug@gmail.com

Сташенков Дмитрий Алексеевич, к.и.н., ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

E-mail: archeo@list.ru

делу» Всероссийского музейного фестиваля «Интермузей – 2008».

Людмила Валентиновна Кузнецова родилась 8 ноября 1952 г. в г. Брянске. Ее ро-

дителями были образованные интеллигентные люди, очень простые в общении, и, конечно, обстановка в семье отразилась на характерах детей – старшей Людмилы и младшего Александра, выросших очень доброжелательными и порядочными людьми.

После окончания средней общеобразовательной школы в г. Куйбышеве в 1971 г. она поступает в Куйбышевский государственный университет, где выбирает свое профессиональное направление – археологию. Нужно отметить, что университет в Куйбышеве открылся в 1969 г., и все университетские традиции только начинали закладываться. Началось формирование и археологического направления под руководством доцента Галины Ивановны Матвеевой и ее старшего ученика, тогда еще лаборанта Игоря Борисовича Васильева. В тот год с первого курса на занятия археологического кружка пришло 7 человек: Людмила Кузнецова, Александр Выборнов, Владимир Кузнецов, Валентина Зудина, Алла Ватазина (Семенова), Ольга Христинина (Кузьмина) и Наталья Салугина. Все они до сегодняшнего дня работают в археологии. С подачи руководителей им всем были определены научные темы, которые у многих стали основными для последующих исследований. Людмила выбрала сложнейшее для археологии направление, практически не исследованное в Самарской области, – палеолит. Возможно, укрепили ее в выборе научного направления и работы в Самарской области ведущего на тот момент в стране специалиста по палеолиту – д.и.н. О.Н. Бадера. Тема дипломной работы Людмилы Валентиновны была посвящена анализу кремневого инвентаря стоянки Постников овраг. В ее распоряжении были материалы В.В. Гольмстен, впоследствии дополненные собственными, полученными во время сборов на памятнике. Это была тщательно сделанная работа, заложившая основу будущих исследований Постникова оврага. По сей день она является единственной «палеолитчицей» в Самаре. И все, кто находит «камушки», обращаются к Людмиле Валентиновне за советом и консультацией.

В 1976 г. после окончания университета Людмила Валентиновна была оставлена в научно-исследовательской группе №7 КГУ, которая занималась охранно-спасательными работами в зоне строительства различных объектов. Одному из авторов довелось немного поработать вместе с Людмилой Валентиновной в полевых раскопках экспедициях. Вспоминаются экспедиции областного краеведческого музея под руководством Р.М. Ключниковой в 1975 г., когда исследовалось Выползовское селище эпохи раннего средневековья; хоздоговорные работы на курганном могильнике Звенигородка эпохи бронзы и, конечно, работы в 1980 г. в Краснодарском крае в зоне строительства будущих рисовых чеков. Везде с Людмилой Валентиновной было спокойно и надежно. Без лишней суеты решались разные вопросы. И всегда рядом присутствовало ее абсолютно неповторимое тонкое чувство юмора.

В 1980 г. Людмила Валентиновна поступила в очную целевую аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне - Институт истории материальной культуры РАН) и в 1984 г. успешно ее окончила. Защита кандидатской диссертации на тему «Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья» состоялась в Ленинграде в 1985 г. Научным руководителем ее был д.и.н. В.П. Любин, выдающийся советский и российский археолог, специалист по раннему палеолиту Кавказа. После окончания аспирантуры Людмила Валентиновна вернулась в лабораторию университета, продолжая работать в зонах новостроек, и параллельно занялась исследованием стоянки эпохи палеолита Сухая Мечетка, расположенной на северной окраине современного Волгограда. Здесь в полной мере проявились ее организаторские способности. Отработав в хоздоговорных экспедициях, она набирала отряд для работ на стоянке. Как правило, это были школьники и студенты, значительную часть которых составляли девушки. И сейчас, когда смотришь на фотографии, где девочки, стоя на лестницах, зачищают стенку

раскопа, поражаешься одновременно смелости и увлеченности начальника раскопа. Прибавьте к этому жару Нижнего Поволжья. Результаты этих многолетних работ опубликованы в статьях и монографии (Праслов, Кузнецова, 2020).

В 1992 г. начался новый, пожалуй, самый ответственный, интересный и трудный этап жизни Людмилы Валентиновны. Она стала сначала заместителем директора по науке, а потом и директором Самарского областного краеведческого музея. Время и ситуация были очень сложными, необходимо было объединить два коллектива, два музея – Самарский филиал Центрального музея Ленина и Самарский областной краеведческий музей. Это была постоянная работа с творческими людьми, многие из которых считали себя несправедливо обиженными. И здесь лучшие качества Людмилы Валентиновны проявились в полной мере: умение разговаривать с людьми и слышать их; убеждать и быть уверенной в собственных убеждениях; умение работать с вышестоящими органами. Кроме того, директорство – это не только работа с персоналом, это еще и масса хозяйственных, финансовых и организационных вопросов. Со всеми задачами Людмила Валентиновна справлялась. Наверное, не без сложностей. Но уже то, что на своем посту она пережила смену нескольких руководителей областного органа культуры Самарской области, свидетельствует о правильности и перспективности избранной ею стратегии развития музея. За время ее работы директором музеем было присвоено имя его основателя, и он стал называться Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина; музей стал шагать в ногу со временем, разрабатывать и реализовывать интересные проекты, принимать участие в конкурсах. Музей неоднократно становился лауреатом Всероссийского музейного фестиваля «Интермузей», на новый уровень поднялась научно-исследовательская работа, проводятся научные конференции самого высокого уровня, в том числе международные,

публиковались сборники статей, монографические исследования и методические пособия. В 1998 году была подготовлена и увидела свет концепция развития музея «Музей и коммуникация», подготовленная ведущими музейными специалистами совместно с сотрудниками музея. Эта книга наметила пути динамичного развития всех традиционных видов музейной деятельности, освоения и внедрения новых технологий, позволяющих музею выйти на уровень международного музейного сообщества. Нужно отметить, что на протяжении двух десятилетий концепция была своеобразным методическим руководством для музейных работников России и не утратила своего значения и по сей день.

Сегодня СОИКМ им. П.В. Алабина – современное социокультурное учреждение, лидер краеведческого движения в области, методический центр, известный за пределами Самарской области.

Благодаря Людмиле Валентиновне развивались международные контакты СОИКМ им. П.В. Алабина. Плодотворным оказалось научное сотрудничество с Канадским музеем цивилизаций (ныне – Канадский музей истории). В 2000-2009 гг. в качестве одного из кураторов выставочного проекта «Хозяева степей: древние кочевники России и Канады» Л.В. Кузнецова внесла важный вклад в создание археологической выставки, успешно экспонировавшейся в Канаде и России. Итогом сотрудничества явилась коллективная монография на русском, английском и французском языках «Древние кочевники степей Евразии и Северной Америки». Самара-Гатино, 2007 (совм. с И. Диком, Е. Пономаренко, А. Кочкиной, Д. Сташенковым, М. Турецким, Э. Дубманом).

В музейном сообществе Людмилу Валентиновну знают и ценят. Долгие годы Л.В. Кузнецова являлась председателем Совета директоров музеев Самарской области, избиралась от музеев Самарской области в Совет представителей Союза музеев России. С 2007 г. Кузнецова Людмила Валентиновна – член ICOM России. Не случайно в 2008 г. на

10-м Всероссийском музейном фестивале «Интермузей – 2008» Л.В. Кузнецова стала лауреатом премии «Преданность и служение делу».

Людмила Валентиновна реализовала себя и на преподавательском поприще. Она читала курс истории первобытного общества в Куйбышевском (Самарском) государственном университете, курс «Музееведение» – в Самарском муниципальном институте управления, а в последние годы – в Самарском государственном социально-педагогическом университете. Можно не сомневаться, что ее занятия не только интересны, но и полезны своей практической составляющей. Музейное дело переживает сейчас непростой период – меняется система образования, меняются приоритеты в обществе, и очень важно для студентов, чтобы эти изменения анализировал специалист-практик, который может объяснить все нюансы музейной работы и показать значимость музеев в современном культурном пространстве.

Нельзя обойти стороной и сферу общественной жизни. Когда в 2005 г. было создано Самарское археологическое общество, Людмила Валентиновна вошла в первый совет Общества и предоставила САО музейный адрес в качестве юридического адреса организации. В настоящее время она уже второй срок возглавляет Совет САО.

В 2000 г. Л.В. Кузнецова стала лауреатом областной премии «Женщина 2000 года» в номинации «Культура». В 2009 г. Л.В. Кузнецова была отмечена Российским фондом культуры за многолетнее служение культуре, личный вклад в сохранение и развитие духовных и культурных традиций Отечества.

Понятно, что весь спектр дел, которыми занималась и занимается Людмила Валентиновна, может осилить только очень цельный человек, Личность, обладающая вечными человеческими добродетелями. Людмила Валентиновна – прекрасный друг, всегда готовый прийти на помощь. Ей можно доверить самое сокровенное, она умеет

слушать, слышать и понять. С ней всегда тепло и покойно.

Мы уверены, что впереди у нее новые встречи, новые открытия, новые книги! Творческих успехов Вам, Людмила Валентиновна!

Список основных публикаций Л.В. Кузнецовой

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1985. 22 с.

Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников Овраг - археологический памятник эпохи камня-средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1989.

Кузнецова Л.В. Итоги исследования местонахождения Заикино Пепелище в 1988–1991 годах // Археологические исследования в Поволжье: Межвуз. сб. ст. Самара: Самарский ГУ, 1993. С. 44–68.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 5–80.

Кузнецова Л.В. Географическая и геологическая характеристика Нижнего Поволжья. История изучения палеолитических памятников Нижнего Поволжья. Памятники среднего палеолита // Археология Нижнего Поволжья. В 4 т. Т. 1. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2006.

Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Основные проблемы изучения раннего палеолита Русской Равнины // Тезисы докладов XI Международного Конгресса ИНКВА. Т. III. М., 1982.

Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганский могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА, № 3, 1991.

Кузнецова Л.В., Сергин В.Я. Местонахождение Челюскинец II // Археологический альманах. Донецк, 1999. Вып. 8. С. 99–108.

Кузнецова Л.В., Пономаренко Е.В. О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 15-24.

Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // РА. 2004. № 1. С. 126–139.

Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С.Н. Замятина). — СПб.: Невская Типография, 2020.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Кузнецова Л.В., Салугина Н.П., Ластовский А.А. Троицкое 5 - новый памятник эпохи камня-бронзы в Самарском Поволжье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. №1. С. 201-212.

Praslov N.D., Kuznetsova L.V. Main problems in the study of the early Paleolithic of the Russian Plain // Abstracts, XI International INQVA Congress. V. III. M., 1983.

Liudmila V. Kuznetsova. The Middle Palaeolithic of the Lower Volga River (Volgograd region, Russia) // UISPP. The Journal of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol. 3 issue 2. September 2021. P.77-93.

SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF LYUDMILA KUZNETSOVA TO THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGY AND MUSEUM WORK IN SAMARA

© 2022 N.P. Salugina¹, D.A. Stashenkov²

¹ Samara Archaeologic Society,

² Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin

The article is dedicated to the jubilee of the outstanding archaeologist, leading specialist in the field of studying Paleolithic of the Volga region, Liudmila Vasilievna Kuznetsova. After graduating from the Kuibyshev (Samara) State University, she became a member of the university scientific research group No 7, which was engaged in security and rescue works in the construction zones of various facilities. In the 1985, after being a post-graduate in the Leningrad branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR (now the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences) she defended her Candidate of History thesis “Paleolithic of the Middle and Lower Volga Region”. Since 1992, she works at the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin, the director of which she has been for more than two decades. The article describes the scientific, administrative and pedagogical activities of Liudmila V. Kuznetsova.

Keywords: archaeology, management of museum, Stone Age, Paleolithic, Volga region.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-115-119

Natalia Salugina, Candidate of History, Member of Samara Archaeologic Society
E-mail: nsalug@gmail.com
Dmitry Stashenkov, Candidate of History, Scientific Secretary. E-mail: archeo@list.ru

УДК 902/904

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПОСУДА С НОГТЕВИДНЫМИ НАСЕЧКАМИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2022 А.В. Сомов

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

В статье представлены результаты анализа неолитической посуды лесостепного Поволжья, орнаментированной ногтевидными насечками. Данная группа керамики является менее представительной по сравнению с другими (накольчатый и гребенчатый) керамическими комплексами развитого и позднего неолита данного региона. Вместе с этим посуду с насечками следует рассматривать как самостоятельную типологическую группу. Источниковая база исследования состоит из 189 условно выделенных сосудов, которые были непосредственно проанализированы автором. При представлении морфологической характеристики посуды с рассматриваемых памятников были выделены четыре микрорегиона (бассейны рек Самара и Сок, Ульяновское и Казанское Поволжье) с целью определения локальных особенностей. В южной части лесостепной зоны данная орнаментальная традиция фиксируется в единичных случаях и имеет наиболее архаичный облик. В материалах сокского бассейна рассматриваемая группа керамики получает более широкое распространение. Комплексы Ульяновского Поволжья и Нижней Камы, несомненно, находят аналогии с материалами памятников бассейна реки Сок. Вместе с этим выделяются региональные особенности данных комплексов. В работе рассматриваются вопросы об истоках формирования посуды с ногтевидными насечками и процессах развития данных комплексов в лесостепном Поволжье. Время бытования исследованного комплекса судя по радиоуглеродным определениям может определяться очень широким хронологическим диапазоном – начало-конец VI тыс. до н.э.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Поволжье, средневожская культура, керамика, посуда с ногтевидными насечками.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-120-146

*Исследование выполнено при поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 19–78–10001)*

*«Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке
(мезолит-энеолит)»*

Введение. Неолитический период на территории лесостепного Поволжья в настоящее время представлен двумя основными культурами - елшанская¹ и средневожская². Первая характеризуется профилированными или прямыми неорнаментированными и слабоорнаментированными (прочерченные линии и тычково-накольчатый орнамент) сосудами с ямочно-жемчужным пояском. В период бытования средневожского на-

селения в данном регионе наибольшее распространение получает посуда, орнаментированная накольчатый³ или гребенчатый⁴ орнаментом. Представленные типологические группы в рамках средневожской культуры составляют довольно внушительную источниковую базу и выявлены на всех исследованных памятниках развитого и позднего неолита в лесостепной зоне Среднего Поволжья. В то же время в регионе выделяется невыразительная группа керамики с «ногтевидными» насечками. Целью данной работы является не только представление

*Сомов Анатолий Владимирович, аспирант кафедры
отечественной истории и археологии.
E-mail: somov.anatolya@gmail.com*

типологической особенности рассматриваемой группы, но и попытка определить истоки ее формирования и значение в процессах развития неолитического населения на территории лесостепного Поволжья.

Источниками работы послужили материалы стоянок рассматриваемого нами региона, содержащие керамику с насечками: Ивановка (8 сосудов)⁵; Старая Елшанка II (1 сосуд)⁶, Чекалино IV (1 сосуд)⁷, Красный Яр VII (2 сосуда)⁸, Большая Раковка II (2 сосуда)⁹, Ильинка (7 сосудов)¹⁰, Лебяжинка I (23 сосуда)¹¹, Лебяжинка IV (36 сосудов)¹², Елшанка XI (7 сосудов)¹³, Лесное Никольское III (18 сосудов)¹⁴, Луговое III (10 сосудов)¹⁵, IV Тетюшская (8 сосудов)¹⁶, Ага-Базарская (34 сосуда)¹⁷, II Щербетская (13 сосудов)¹⁸, X Нижне-Марьянская (14 сосудов)¹⁹, Матюшская I (2 сосуда)²⁰, Матюшская III (3 сосуда)²¹. Материалы данных памятников были непосредственно проанализированы автором в ходе работ в фондах Археологической лаборатории СГСПУ, Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова, Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина», музея археологии Республики Татарстан при Институте археологии им. А.Х. Халикова в 2016-2022 годах. Представленные количественные показатели сосудов являются результатом непосредственной работы с коллекциями автора. Ввиду этого данные могут отличаться от тех, которые указаны в соответствующих публикациях.

Обозначенные памятники допустимо разделить на четыре макрорегиона: в первый следует включить южную часть лесостепной зоны - бассейн реки Самара (Ивановская и II Старо-Елшанская стоянки); ко второму можно отнести северную часть Самарского Заволжья и представить памятниками бассейна реки Сок (Чекалино IV, Красный Яр VII, Большая Раковка II, Ильинка, Лебяжинка I, V и IV); третий объединя-

ет памятники левобережья и правобережья Ульяновского Поволжья – Елшанка XI, Лесное Никольское III и Луговое III; территория северной части лесостепной зоны Поволжья (устье Камы) является четвертым регионом, к которому относятся II Щербетская, Ага-Базарская, IV Тетюшская, X Нижне-Марьянская, Матюшская I и III стоянки.

Самарское Заволжье. Весьма невыразительная группа керамики с насечками выявлена в материалах стоянок бассейна реки Самара. На Ивановской стоянке фиксируются три прямых венчика с плоским (1 ед.) или округлым (2 ед.) срезом, из которых два имеют орнаментированный насечками срез. Один венчик украшен горизонтальным рядом ямочно-жемчужного пояса (ЯЖП) под срезом с внутренней стороны (рис. 1, 2). Фрагменты толщиной 0,6-0,9 см светло-коричневого или коричневого цвета имеют заглаженную поверхность. Насечки образуют в большинстве случаев простые орнаментальные композиции: горизонтальные ряды диагонально (рис. 1, 1, 2) или вертикально (3 ед.) ориентированных оттисков, а также их сочетание (1 ед.). Один сосуд орнаментирован горизонтальным зигзагом из длинных насечек, под которым проходят горизонтальные ряды диагонально ориентированных коротких насечек (рис. 1, 3). Также в материалах Ивановской стоянки встречена придонная часть округлодонного сосуда с короткими насечками, которые образуют горизонтальный ряд диагонально ориентированных оттисков (рис. 1, 4). На II Старо-Елшанской стоянке обнаружен один сосуд (венчик и стенка). Венчик (рис. 1, 5) прямой с плоским срезом и ЯЖП с внешней стороны, светло-коричневого цвета толщиной 0,9 см с заглаженными поверхностями. Орнаментирован горизонтальными рядами вертикально ориентированных насечек.

Наибольшее распространение в Самарском Поволжье данная орнаментальная традиция получает в материалах сокского бассейна. Сосуды с рассматриваемой системой орнаментации в единичных случаях встречены на стоянках Чекалино IV, Ильинка, Боль-



Рис. 1. Керамика с насечками:

1-3 – Ивановская; 5 – II Старо-Елшанская; 6 – Чекалино IV; 7 – Большая Раковка II

шая Раковка II и Красный Яр VII. Так, на стоянке Чекалино IV обнаружен сосуд (чаша), орнаментирован короткими насечками, которые образуют вертикальные линии и висячий треугольник, заполненный точечными наколами (рис. 1, 6). Толщина 0,6 см, внешняя

поверхность подлощена, внутренняя заглажена. На стоянке Большая Раковка II фиксируется два реконструируемых сосуда. Первый (рис. 1, 7) имеет баночную форму с плоским дном. Венчик диаметром 10 см прикрыт с округлым срезом, с внешней стороны укра-



Рис. 2. Сосуд с насечками стоянки Большая Раковка II

шенный двумя рядами ЯЖП. Сосуд орнаментирован сложной композицией: под срезом горизонтальные ряды коротких насечек, от которых отходят вертикальные ряды; ниже располагаются горизонтальные ряды с отходящими ко дну двойными диагональными рядами (елочка) тех же оттисков. Дно орнаментировано насечками, которые образуют ориентированные в центр елочки. Второй со-

суд (рис. 2) яйцевидной формы с приостренным дном толщиной 0,8-0,9 см. Венчик диаметром 23 см прикрыт с округлым срезом и ЯЖП с внешней стороны. От среза отходят вертикальные ряды насечек, ниже которых располагаются горизонтальные ряды. Ближе ко дну сосуда между горизонтальными рядами нанесен горизонтальный зигзаг, состоящий из тех же насечек.



Рис. 3. Керамика с насечками:
1-2 – Красный Яр VII; 3-7 – Ильинка

Невыразительная группа керамики фиксируется в материалах стоянки Красный Яр VII. Одна придонная часть (рис. 3, 1) лощеного сосуда баночной формы, толщиной 0,8 см, орнаментированная от тулова горизонтальными рядами насечек. Дно плоско-вогнутое, радиально орнаментированное теми же насечками. Венчик (2 фрагмента) прямой с округлым орнаментированным насечками срезом и ЯЖП с внутренней стороны (рис. 3, 3). Сосуд орнаментирован горизонтальными рядами коротких насечек. Одна верхняя часть сосуда (срез не реконструируется) с ЯЖП с внешней стороны, украшенная горизонтальными рядами диагонально ориентированных прямых насечек (рис. 3, 4). Четыре стенки от разных сосудов орнаментированы гори-

более представительная коллекция посуды с насечками найдена на стоянке Ильинка. Фрагменты в основном толщиной 0,4-0,7 см, реже 0,9-1,0 см. Цвет коричневый или светло-коричневый. Внешняя поверхность сосудов лощилась. Венчик (2 фрагмента) прямой с округлым орнаментированным насечками срезом и ЯЖП с внутренней стороны (рис. 3, 3). Сосуд орнаментирован горизонтальными рядами коротких насечек. Одна верхняя часть сосуда (срез не реконструируется) с ЯЖП с внешней стороны, украшенная горизонтальными рядами диагонально ориентированных прямых насечек (рис. 3, 4). Четыре стенки от разных сосудов орнаментированы гори-



Рис. 4. Керамика с насечками стоянки Лебяжинка IV

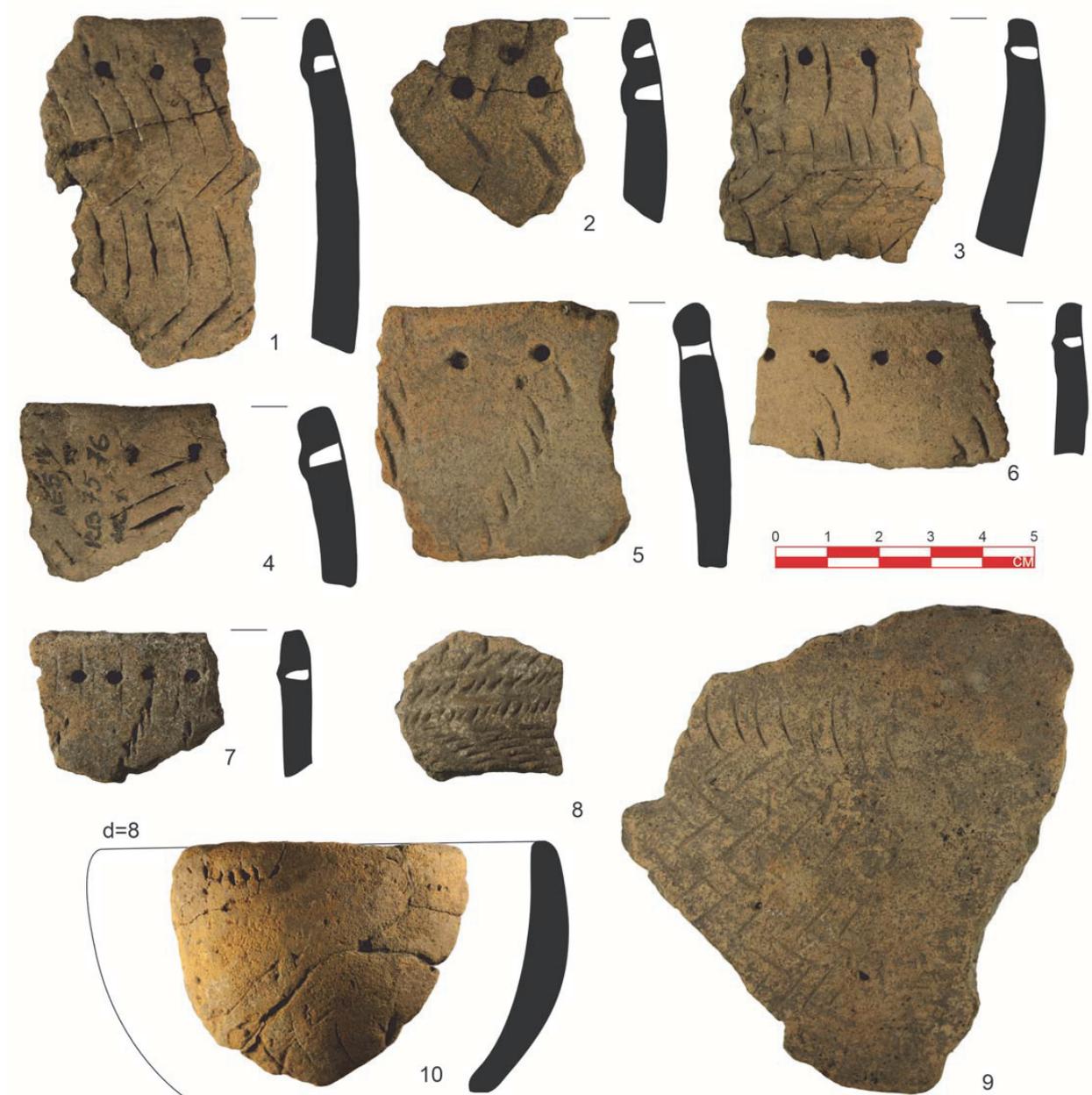


Рис. 5. Керамика с насечками стоянки Лебяжинка IV

зонтальными рядами насечек (рис. 3, 6), из которых 2 фрагмента также украшены треугольными наколами (рис. 3, 5). Кроме этого, в коллекции обнаружена одна придонная часть остродонного сосуда (рис. 3, 7), украшенного горизонтальными зигзагами (вертикально ориентированные насечки), разделенными горизонтальным зигзагом из прочерченных линий.

Наибольшее распространение рассматриваемая группа керамики получила в материалах стоянок Лебяжинка I и IV. Посуда коричневого и светло-коричневого цвета.

Толщина фрагментов в основном варьируются в пределах 0,6-0,9 см, значительно реже превышает 1,0 см (Лебяжинка IV около 10% и Лебяжинка IV не более 20%). Внешняя поверхность преимущественно заглаживалась, реже лощилась. Внутренняя поверхность сосудов в редких случаях имеет следы горизонтальных расчесов. Венчики (30 ед. – Лебяжинка IV, 7 ед. – Лебяжинка I) в основном имеют округлый или плоский срез, реже приостренный и скошенный внутрь. Не более чем на 1/3 сосудов срез орнаментирован наколами или насечками. Одной



Рис. 6. Сосуд с насечками стоянки Лебяжинка IV

из характерных черт на данных памятниках является наличие ЯЖП под срезом. В материалах стоянки Лебяжинка IV данные вдавления наносились преимущественно в один ряд с внешней стороны (20 ед.) или с внутренней стороны (8 ед.). В единичных случаях двойной ряд с внутренней или внешней (3 ед.). Сосуды со стоянки Лебяжинка I под срезом венчиков имеют ЯЖП с внутренней стороны. Лишь у одного сосуда он нанесен с внешней стороны. На памятнике Лебяжинка IV насечки образуют в основном простые мотивы из горизонтальных рядов из однонаправленных или разнонаправленных оттисков (рис. 4). Реже фиксируются

диагональные или вертикальные (рис. 5, 5-6) ряды. Встречаются и более сложные композиции: вертикальный зигзаг (рис. 5, 1-3), вертикальная елочка (рис. 5, 4), сочетания горизонтальных, вертикальных и диагональных рядов (рис. 5, 7-8), косая решетка (рис. 5, 9) и др. Кроме этого, в коллекции обнаружена чаша, орнаментированная ближе ко дну горизонтальными рядами вертикально ориентированных насечек (рис. 5, 10). Обращают на себя внимание два сосуда. Первый сосуд прямой с сужающимся к плоскому дну туловом, орнаментирован вертикальными рядами диагонально ориентированных слабоизогнутых насечек,



Рис. 7. Сосуды с насечками стоянок Лебяжинка IV (1) и Лебяжинка I (2)

под ними горизонтальные ряды вертикально ориентированных насечек, разделенные горизонтальным зигзагом (рис. 6). Композиция данного сосуда аналогична той, что представлена на II Большераковской стоян-

ке, а их форма совершенно разная. Второй сосуд орнаментирован горизонтальными зигзагами из диагональных рядов насечек, разделенных горизонтальным рядом вертикально ориентированных насечек (рис.

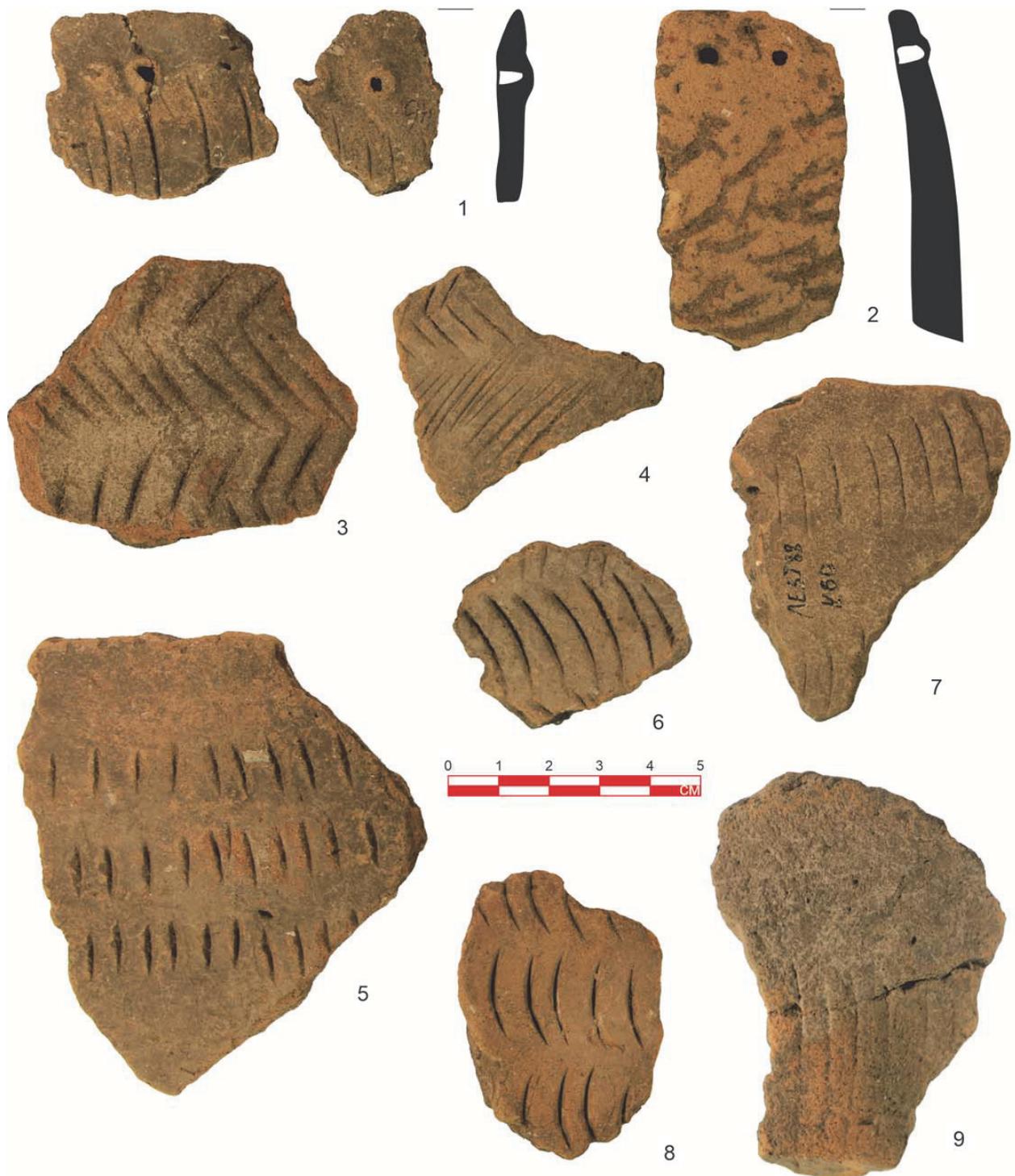


Рис. 8. Керамика с насечками стоянки Лебяжинка I

7, 1). Примечательно, что внутренняя часть сосуда орнаментирована вертикальными рядами насечек.

Сосуды со стоянки Лебяжинка I под срезом венчиков имеют ЯЖП с внутренней стороны. Лишь у одного сосуда ЯЖП нанесен с внешней стороны. Данный сосуд орнаментирован горизонтальными рядами насечек, на внутренней стороне нанесены

вертикальные ряды насечек (рис. 7, 2). Керамика данной группы преимущественно орнаментирована простыми мотивами – горизонтальные ряды (рис. 8). В то же время можно отметить значительное количество сосудов со сложными орнаментальными композициями. Сосуд, орнаментированный тремя горизонтальными рядами, под которыми проходят горизонтальные ряды



Рис. 9. Керамика с насечками стоянки Лебяжинка I

шагающей гребенки (рис. 9, 1). Шагающая гребенка, состоящая из ногтевидных насечек, фиксируется на двух стенках от разных сосудов. Сосуд, орнаментированный горизонтальными рядами горизонтально ори-

ентированных насечек, от которых отходят двойные диагональные ряды насечек (горизонтальный зигзаг). По краю придонной части и радиусу дна горизонтальный ряд диагонально ориентированных насечек (рис. 9,



Рис. 10. Керамика с насечками стоянки Лесное-Никольское III

2). Один сосуд в верхней части орнаментирован горизонтальными рядами вертикально ориентированных оттисков изогнутых насечек, под ними горизонтальные ряды диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков гребенчатого штампа (рис.

9, 3). Один сосуд орнаментирован горизонтальным рядом диагонально ориентированных насечек и округлыми наколами в разрезенной манере (рис. 9, 4). Обнаруженные в коллекции придонные части плоские (3 ед.) или плосковогнутые (1 ед.).



Рис. 11. Керамика с насечками стоянок Елшанка XI (1-8) и Луговое III (9-13)

В материалах стоянки Лебяжинка V исследователями выделяется незначительная группа керамики (7 венчиков и 17 стенок) с ногтевидными насечками²². Все венчики имеют ямочно-жемчужный пояс под срезом. Фрагменты толщиной 0,4-0,8 см с примесью песка. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами, наклонные ряды, зигзаг, елочка. На одном фрагменте наблюдается сочетание насечек с зубчатым штампом. Одна стенка с приме-

сью раковины орнаментирована шагающей гребенкой, выполненной насечками. Также в коллекции представлено одно плосковогнутое донце небольшого размера.

В южной части лесостепной зоны данная орнаментальная традиция не получила широкого распространения. Преобладают сосуды, орнаментированные короткими оттисками насечек, образующих горизонтальные ряды. В материалах сокского бассейна рассматриваемая группа керамики



Рис. 12. Керамика с насечками стоянок II Щербетская (1-13) и IV Тетюшская (14-21)

получает более широкое распространение (материалы стоянок Лебяжинка I и IV). Характерной чертой посуды является наличие ямочно-жемчужного пояска, причем если в материалах стоянки Лебяжинка IV он нано-

сился преимущественно с внешней стороны, то в коллекции памятника Лебяжинка I, за исключением одного сосуда, он нанесен с внутренней стороны. Поверхность в основном заглажена. Насечки имеют как короткие,



Рис. 13. Керамика с насечками X Нижне-Марьянской стоянки

так и длинные отпечатки. Орнаментальные композиции в основном представлены горизонтальными рядами разнонаправленных или однонаправленных отпечатков насечек. Реже фиксируются более сложные композиции (горизонтальный зигзаг, диагональные ряды, косая решетка, шагающая гребенка).

В единичных случаях орнамент наносился с внутренней стороны сосудов. Встречаются сосуды, на которых насечки сочетаются с кольчатой системой орнаментации или гребенчатым штампом. В то же время на остальных представленных памятниках сокского бассейна рассматриваемая группа встречена

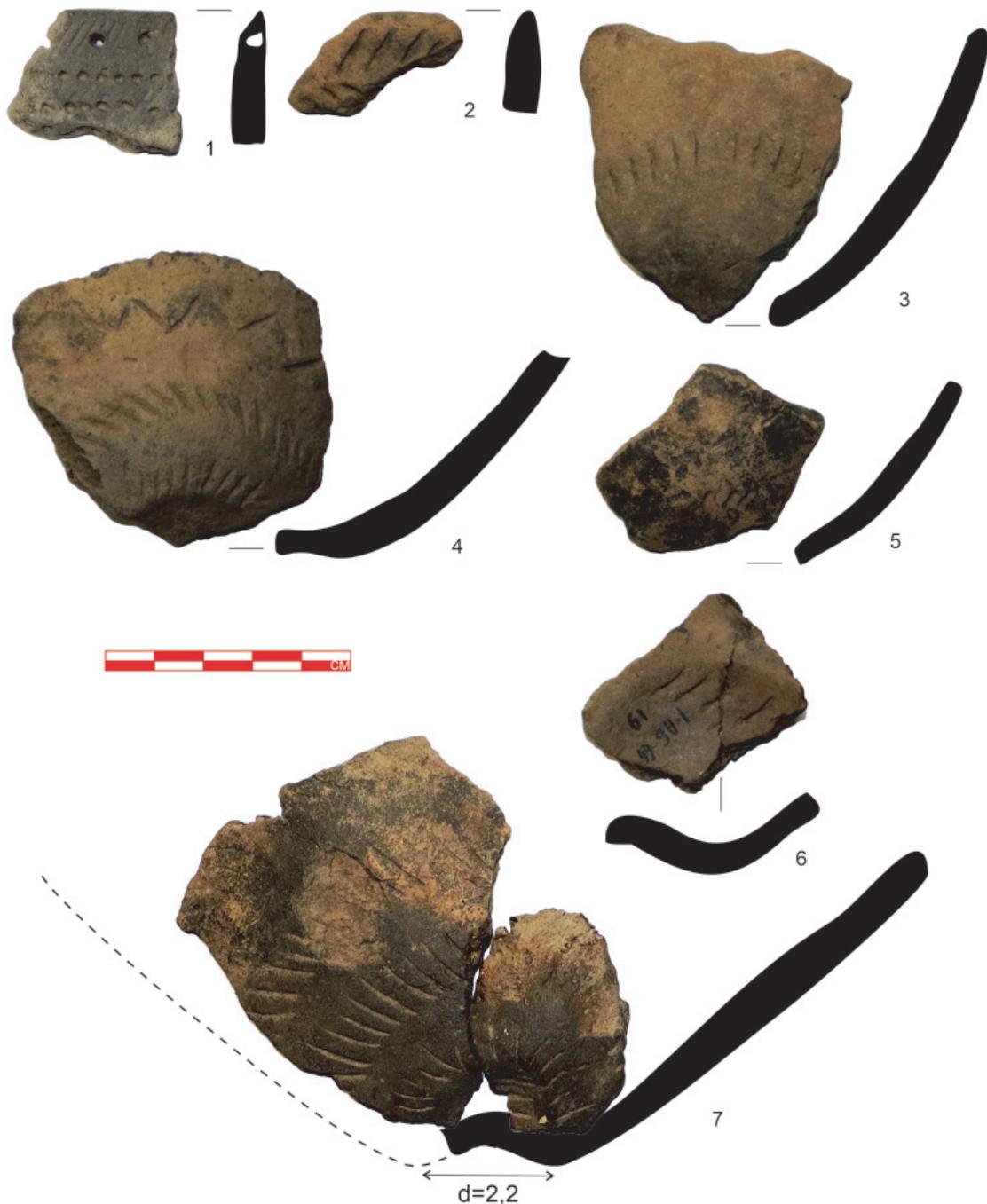


Рис. 14. Керамика с насечками Ага-Базарской стоянки

в меньшем количестве. Стоит отметить, что на этих памятниках керамика находит наибольшее сходство с посудой елшанской культуры (сосуды относительно тонкостенные, внешняя поверхность подлощена, прочерченные линии и пр.). Так, сосуд со стоянки Чекалино IV (рис. 1, 6) относится исследователями к елшанским древностям, в то же время он украшен насечками²³, что не является характерным для материалов данной культуры. Преобладают плоскодонные сосуды, реже встречаются остродонные формы.

Ульяновское Поволжье. Аналогичная посуда также встречается в Левобережье (Лесное-Никольское III) и Правобережье (Елшанка XI и Луговое III) Ульяновского Поволжья. Цвет черепков светло-коричневого цвета. Толщина варьируется от 0,5 до 1,1 см. Поверхность в основном заглаживалась, иногда лощилась. На памятнике Лесное-Никольское III можно выделить 17 сосудов. Венчики (рис. 10, 1-8) имеют прямую форму в основном с округлым или плоским срезом, редко фиксируется плоский скошен-



Рис. 15. Керамика с насечками Ага-Базарской стоянки

ный внутрь. В одном случае фиксируется уплотнение верхней части – наплыв (?). В основном преобладают простые линейные мотивы: горизонтальные ряды диагонально ориентированных насечек (рис. 10, 1, 5-6, 7, 9, 10-13). Однако велико количество сосудов с более сложными композициями:

двойные горизонтальные ряды разнонаправленных оттисков – елочка (рис. 10, 4, 18), горизонтальные зигзаги (рис. 10, 3, 14-16), косая решетка (рис. 10, 17), «шагающая гребенка» (рис. 10, 8).

На памятниках правобережья данная посуда выявлена в меньшем количестве.



Рис. 16. Керамика с насечками стоянок Нижней Камы:
1-8 – Ага-Базарская I; 9-10 – Матюшская I; 11-13 – Матюшская III

Так, на стоянке Елшанка XI фиксируется 16 фрагментов стенок от 8 сосудов. Доминируют линейные мотивы: горизонтальные (рис. 11, 5-8) или вертикальные (рис. 11, 3) ряды. Реже фиксируются ряды с пересекающимися оттисками – косая решетка (?) (рис. 11, 2,4). Один сосуд (4 стенки) орнаментирован более сложной композицией: сочетание горизонтальных рядов округлых наколов в

разрезанной манере с диагональными и горизонтальными рядами, состоящими из коротких насечек. (рис. 11, 1). На стоянке Луговое III встречено 10 фрагментов стенок, орнаментированных горизонтальными рядами диагонально или вертикально ориентированных насечек (рис. 11, 9-13).

Материалы Ульяновского Поволжья, несомненно, находят аналогии с посудой сок-

ского бассейна. Вместе с этим можно выделить и ряд региональных особенностей. Так, выявленные венчики не имеют ямочно-жемчужного пояса, наиболее характерно использование композиций «горизонтальная елочка», «горизонтальный зигзаг». Простые горизонтальные ряды, в отличие от материалов сокского бассейна, не имеют плотнопоставленной структуры, и зачастую в них наблюдаются пустые зоны.

Нижняя Кама. Посуда с насечками получает широкое распространение в материалах стоянок Нижней Камы – северная часть лесостепной зоны Среднего Поволжья. Поверхность черепков в основном заглаживалась, реже фиксируется лощение на внешней стороне. Фрагменты в основном толщиной 0,6-0,9 см, коричневого или светло-коричневого цвета.

На II Щербетьской в стоянке выявлено 15 фрагментов от 13 сосудов. Венчик (рис. 12, 1) прямой с округлым срезом и сверленным отверстием, орнаментированный от среза диагональными рядами насечек. Венчик (рис. 12, 2) прямой с плоским скошенным внутрь срезом, орнаментирован горизонтальными рядами диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков ногтевидных насечек. Часть стенок орнаментировалась горизонтальными рядами насечек (рис. 12, 8-13). Две стенки украшены горизонтальными и вертикальными рядами разнонаправленных оттисков (рис. 12, 6-7), однако установить орнаментальную композицию ввиду фрагментарности не представляется возможным. В трех случаях фиксируется горизонтальный зигзаг с горизонтальными рядами из насечек (рис. 12, 4-5) или треугольных наколов в разреженной манере (рис. 12, 3).

В материалах IV Тетюшской стоянки обнаружено 17 фрагментов с насечками от 8 сосудов. Один прямой венчик с округлым орнаментированным насечками срезом и ЯЖП, нанесенным с внутренней стороны (рис. 12, 14), орнаментирован под срезом горизонтальным рядом диагонально ориентированных ногтевидных насечек. Вен-

чик (рис. 12, 15) прямой с округлым срезом, орнаментирован ЯЖП с внешней стороны, ниже которого располагаются горизонтальные ряды оттисков. Сосуд (2 венчика, 9 стенок и придонная часть) плоскодонный баночной формы. Венчик прямой с округлым орнаментированным насечками срезом (рис. 12, 16). Данный сосуд орнаментирован зонами: шейка украшена диагонально ориентированными рядами вертикально ориентированных насечек; по тулову проходят диагонально ориентированные линии тех же оттисков; придонная часть орнаментирована вертикальными рядами. Дно орнаментировано радиально ориентированными насечками. В материалах IV Тетюшской стоянки фиксируются стенки, украшенные горизонтальными рядами диагонально (рис. 12, 19-20) или вертикально (рис. 12, 17) ориентированных насечек. Один фрагмент стенки (рис. 12, 18) орнаментирован вертикально ориентированными насечками, которые образуют горизонтальный волнообразный ряд. Сосуд (2 стенки) украшен треугольными наколами в разреженной манере, которые образуют горизонтальные ряды диагонально ориентированных разнонаправленных линий (елочка), от которых отходит вертикальный ряд, состоящий из горизонтально ориентированных насечек (рис. 12, 21).

Аналогичная посуда встречена на X Нижне-Марьянской стоянке. В керамической коллекции памятника обнаружено три венчика (рис. 13, 1-3) прикрытой формы с округлым или приостренным срезом, орнаментированные горизонтальными рядами диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков насечек (рис. 13, 2-3), в одном случае сочетающиеся с косой решеткой (рис. 13, 1). Насечки на стенках образуют простые мотивы: горизонтальные ряды вертикально (рис. 13, 11-13) или диагонально (рис. 13, 6, 8-10) ориентированных оттисков. Один фрагмент стенки сосуда орнаментирован горизонтальными волнообразными рядами вертикально ориентированных оттисков насечек (рис. 13,

7). В коллекции фиксируется сочетание наколов и насечек: двойной горизонтальный зигзаг насечек, под которым располагаются горизонтальные ряды треугольных наколов в разреженной манере (рис. 13, 4) и горизонтальные ряды насечек, разделенные горизонтальным волнообразным рядом треугольных отступающих наколов (рис. 13, 5). В коллекции X Нижне-Марьянской стоянки обнаружена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами вертикально ориентированных насечек (рис. 13, 14).

Рассматриваемая группа посуды получила более широкое распространение на стоянке Ага-Базарская. Так, на памятнике обнаружено 38 фрагментов от 34 сосудов. В коллекции обнаружено два венчика: первый прямой с приостренным срезом и ЯЖП с внешней стороны орнаментирован под срезом горизонтальным рядом диагонально ориентированных насечек, ниже которого проходят горизонтальные ряды округлых разряженных наколов (рис. 14, 1); второй прямой с округлым срезом орнаментирован горизонтальными рядами диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков (елочка?) ногтевидных насечек (рис. 14, 2). Сосуды имеют плоское (2 ед.) или плосковогнутое (3 ед.) дно, иногда небольших размеров. Орнаментированы в основном горизонтальными рядами насечек (рис. 14, 3, 5-7), реже фиксируется зигзаг (рис. 14, 4). Днища в большинстве случаев также украшены радиальными рядами насечек (рис. 14, 3, 4, 6-7). Обнаруженные в коллекции памятника стенки украшены простыми мотивами: горизонтальные ряды вертикально (рис. 15, 8-9), диагонально ориентированных однонаправленных (рис. 15, 4-7, 10-13) или разнонаправленных (рис. 15, 14-16; 16: 1-2) оттисков. Реже встречаются композиции: горизонтальная елочка (рис. 15, 3-8), горизонтальный зигзаг (рис. 15, 2), косая решетка (рис. 15, 3). Также одна стенка украшена треугольными отступающими наколами, образующими горизонтальный ряд диагонально ориентированных линий,

под которым горизонтальные ряды диагонально ориентированных разнонаправленных насечек (рис. 15, 1).

Менее представительная коллекция посуды с ногтевидными насечками обнаружена в материалах I и III Матюшской стоянок. Посуда в основном толщиной 0,5-0,7 см, имеет светло-коричневый цвет и заглаженные поверхности, реже фиксируется прием лощения (2 сосуда) внешней поверхности. В материалах I Матюшской стоянки обнаружено всего два фрагмента стенок, орнаментированных горизонтальным зигзагом (рис. 16, 10), а также его сочетанием с горизонтальными рядами (рис. 16, 9). На II Матюшской фрагменты стенок орнаментировались горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков (рис. 16, 12-13), а также их сочетанием с горизонтальным зигзагом (рис. 16, 11). В коллекции обнаружена одна придонная часть плоскодонного сосуда (рис. 16, 13).

Материалы северной зоны лесостепного Поволжья, как и ульяновские, имеют свою специфику, хотя и прослеживается аналогия с комплексами стоянок Самарского и Ульяновского Поволжья. Так, в данных коллекциях ямочно-жемчужный пояс под срезом не имеет широкого распространения, реже фиксируются сверленные отверстия. Преобладают простые мотивы (горизонтальные ряды), но, по сравнению с другими регионами, здесь более широкое распространение получает вертикальная ориентация оттисков насечек. В единичных случаях на данной территории фиксируются горизонтальные волнообразные ряды, которые в других регионах не встречаются. Кроме этого, отличительной особенностью могут являться плосковогнутые днища небольших размеров.

Технология изготовления. В последнее время при исследовании керамической посуды активно применяется технико-технологический анализ. Неолитические сосуды памятников Среднего Поволжья, в том числе интересующей нас группы, были изучены и введены в научный оборот И.Н. Васильевой²⁴. Благодаря данным исследователя

мы можем проследить процессы развития посуды с насечками. Так, на стоянке Ильинка (3 образца) отмечается близость рассматриваемой группы с елшанскими ранне-неолитическими традициями изготовления посуды. Это подтверждает характер естественных примесей в сырье - все сосуды изготовлены из илистых «тощих» глин, к которым добавлен органический раствор. На памятнике Лебяжинка IV (16 образцов), который можно отнести к наиболее развитому комплексу Самарского Поволжья, плоскодонную посуду с насечками изготавливали из илов (31%) и илистых глин (69%). К числу поздних памятников неолита из известных в настоящее время на территории Самарского Заволжья может быть отнесена стоянка Лебяжинка I. Более широкое распространение при гончарном производстве посуды с насечками получают илы (42% от комплекса). Посуда нижнекамского региона изготавливалась в основном из илистых глин (21/88%), но в качестве исходного пластичного сырья (ИПС) встречаются и глины (3/12%). Отличительной особенностью состава традиций составления ФМ этой керамики является отсутствие рецептов ФМ, не содержащих шамот.

Следует отметить, что показанное соотношение традиции составления ФМ в материалах Самарского Поволжья отражает общую закономерность в развитии неолитических традиций в регионе²⁵. Процесс изменения взглядов на источник сырья такой же, как и в других типологических группах (накольчатая и гребенчатая) развитого и позднего неолита в регионе. В то же время сохранившиеся традиции использования в качестве сырья илистых глин у населения Прикамья, скорее всего, могут являться маркером проникновения на данную территорию коллективов Самарского Поволжья. Однако решение данного вопроса возможно лишь после получения результатов технико-технологического анализа посуды Ульяновского Поволжья. Распространение же глин в качестве ИПС можно объяснить территориальной особенностью Прикамья.

Этот регион скорее всего является зоной взаимодействия и смешения двух разных групп неолитического населения - средне-волжского и камского, где данная традиция является основной при производстве керамики²⁶.

Хронология. В настоящее время для посуды, украшенной ногтевидными насечками, известно всего пять радиоуглеродных дат. Так, по материалам стоянки Ильинка на заре радиоуглеродного датирования получено две даты, относящихся ко второй четверти VI тыс. до н.э.: 6770±90 ВР (Ki-14147) и 6670±100 ВР (Ki-14113)²⁷. Эти определения хорошо согласуются с данными по неорнаментированной и украшенной прочерками посуде елшанского типа данного памятника.²⁸ Однако в настоящее время существуют радиоуглеродные даты, укладываемые в третью-четвертую четверти VI тыс. до н.э. Так, по материалам стоянки Лебяжинка IV получено две даты: 6354±110 ВР (SPb-2244) (рис. 7, 1) и 6267±120 ВР (SPb-2243) (рис. 6)²⁹. Аналогичное определение имеет сосуд со стоянки Большая Раковка II: 6187±110 ВР (SPb-2246) (рис. 2). Существует также мнение, что рассматриваемый нами тип посуды мог сформироваться значительно раньше³⁰. Подтверждением этой точки зрения может служить то, что схожая керамика была обнаружена в нижних слоях стоянки Орошаемое (раскоп 2)³¹, который датируется 6820-6800 ВР³². Здесь следует отметить, что данный орнамент не имеет широкого распространения в материалах степного региона и представлен на сегодняшний день единичными находками. Ввиду чего посуду с ногтевидными насечками на стоянке Орошаемое (раскоп 2) следует рассматривать как результат заимствования у неолитических коллективов лесостепной зоны, где данная орнаментальная традиция к этому времени скорее всего уже сформирована. Вместе с этим следует отметить ограниченность источниковой базы и отсутствие радиоуглеродных определений по материалам Ульяновского и Казанского Поволжья. Та-

ким образом, время бытования рассматриваемой нами орнаментальной традиции в лесостепном Поволжье может определяться очень широким хронологическим диапазоном – начало-конец VI тыс. до н.э.

Истоки происхождения и связь с сопредельными территориями. При поисках истоков и процессов формирования традиции украшения посуды ногтевидными насечками следует проиллюстрировать следующие гипотезы. Рассматриваемый нами тип посуды исследователями традиционно относится к средневожской культуре лесостепной зоны Среднего Поволжья, формирование которой связывается с влиянием или даже, по мнению ряда исследователей, прямой миграцией нижневожского населения орловской культуры степного Поволжья³⁵. Для данной культуры характерны плоскодонные сосуды из ила с добавлением в керамическое тесто раковины моллюсков, которые украшались сложными геометрическими композициями в технике отступающего накола. Данные коллективы проникают в южную зону лесостепи (бассейн р. Самара), где происходит их смешение с елшанскими племенами. В культурных слоях неолитических стоянок Самарского региона посуда с насечками присутствует как незначительная примесь, сопутствуя накольчатой орнаментальной традиции средневожской культуры. Столь малое количество посуды с насечками встречено не только в бассейне реки Самара, но и на «ранних» памятниках (Ильинка и Большая Раковка II) средневожской культуры. В то же время следует заметить, что в материалах Вилатовской стоянки, являющейся опорным памятником развитого и позднего неолита бассейна реки Самара, фрагментов с насечками не встречено вовсе. Ввиду этого можно предположить, что основным местом формирования и развития рассматриваемого нами типа керамики являются более северные территории Самарского Поволжья (бассейн реки Сок).

В связи с этим вызывает определенный интерес гипотеза В.В. Ставицкого³⁴. При

рассмотрении вопроса развития елшанских коллективов исследователь выдвигает теорию, что более вероятным источником елшанской плоскодонности являются материалы Ракушечного Яра, в слоях которого плоскодонная неорнаментированная и слабо орнаментированная посуда бытует достаточно долго. Кроме этого отмечается, что традиция более густого заполнения орнаментального поля, скорее всего, формируется в среде елшанских племен без заметного влияния степных культур. Так, появление посуды с насечками на Ильинской стоянке происходит в период бытования елшанской традиции, что подтверждают радиоуглеродные определения данного памятника. Кроме этого, елшанский сосуд с насечками со стоянки Чекалино IV может также маркировать начало складывания данной орнаментальной традиции в среде раннеолитических племен Среднего Поволжья. Не рассматривая вопрос происхождения и распространения накольчатой орнаментальной традиции, следует отметить, что в первой половине VI тыс. до н.э. на памятнике Ракушечный Яр (16-15 и 13 слой) получает распространение посуда с насечками³⁵. По результатам технико-технологического анализа установлено, что вся посуда данного памятника изготавливалась исключительно из илов³⁶. Однако результаты петрографического анализа показали, что керамика стоянки Ракушечный Яр изготавливалась из глины³⁷. Не основываясь на технологии производства посуды, ввиду диаметрально противоположных результатов анализа сосудов Ракушечного Яра, можно предположить, что одним из возможных истоков появления посуды с насечками в Самарском Поволжье (бассейн реки Сок) является территория Нижнего Подонья. Скорее всего одновременно с появлением и распространением посуды с насечками в Среднем Поволжье в южную часть лесостепной зоны происходит проникновение нижневожских коллективов и активное распространение накольчатой традиции. Это находит отражение в незна-

чительном количестве рассматриваемой посуды в бассейне реки Самара. Однако появление данной орнаментальной традиции на обширной территории Европейской части России могло протекать автохтонно ввиду простоты рассматриваемого элемента орнамента. На сегодняшний день, по нашему мнению, надежно установить первоисточник распространения посуды с насечками крайне затруднительно.

Посуда с ногтевидными насечками имеет широкое распространение не только на территории лесостепной зоны Среднего Поволжья, но и в сопредельных регионах. Так, в материалах Сурско-Мокшанского междуречья (Подлесное VII; Ковыляй I; Имерка III, IV, VII, VIII; Черненькое озеро III, Широмасово III и пр.) встречается аналогичная посуда³⁸. Исследователями было выделено немногочисленное количество прямостенных, круглодонных, с округлым срезом венчика сосудов толщиной 0,7-0,9 см. Под срезом проходит ряд ямочных вдавлений. Узоры представляют горизонтальные и диагональные ряды. Выделяется два вида насечек: слабоизогнутые, размером 0,8-1,6 см, которые наносились в технике отступания, и мелкие, менее изогнутые, размером 0,5-0,6 см, которые чаще нанесены под прямым углом к поверхности сосудов. По результатам технико-технологического анализа, проведенного И.Н. Васильевой, данная посуда изготавливалась из илстых глин (70%) и глин (30%), содержащих преимущественно шамот и органический раствор³⁹.

В комплексах Камско-Вятского междуречья и Прикамья присутствует аналогичный тип керамики. Так, на стоянке Кочуровское I выделяется довольно выразительная группа посуды с насечками (151 экз.)⁴⁰. Керамика с заглаженными поверхностями темно-коричневого цвета, толщиной 0,7-0,8 см. В керамическом тесте фиксируется примесь песка, шамота и дресвы. Венчики прямые или прикрытые, иногда на внутренней стороне встречается наплыв. Орнаментальные композиции

преимущественно простые (горизонтальные ряды однонаправленных или разнонаправленных оттисков), реже горизонтальный зигзаг и сочетание горизонтальных и диагональных рядов. Днища округлые или плоские. Аналогичная посуда в Камско-Вятском междуречье обнаружена на стоянках Чумойтло I, Кыйлуд II и III.

В Прикамье наиболее широко аналогичная посуда представлена в материалах стоянки Сауз I - более 100 сосудов⁴¹. Фрагменты с заглаженными поверхностями толщиной 0,6-1,2 см содержат примесь шамота и песка. Венчики прямые или прикрытые, с плоским или округлым срезом. Нередко на внутренней стороне венчиков имеется наплыв (до 30%). Насечки образуют в основном горизонтальные ряды, реже зигзаг, елочку, косую решетку. Согласно мнению И.В. Калининой, отпечатки на посуде данной стоянки могли наноситься створками раковины.

Неолитическое население Среднего Подонья имело тесные связи со средневожскими коллективами⁴². Однако посуда с ногтевидными насечками выявлена на данной территории в незначительном количестве. Появление рассматриваемой керамики связывается исследователями с проникновением представителей нижнедонской культуры и рассматривается в ее рамках⁴³.

Обсуждение результатов. Формирование в Самарском Поволжье происходит в среде елшанской культуры. Это отражают материалы стоянок Ильинка и Чекалино IV, где раннеолитические традиции довольно сильны: сосуды тонкостенные с острым дном, поверхность подлощена, насечки сочетаются с прочерками или наколами, в качестве ИПС илстые глины. Далее происходит развитие традиции (материалы стоянки Большая Раковка II) с сохранением небольшого количества сосудов. Сосуды из илистой глины, реже из илов с острым или плоским дном, поверхность ложились или заглаживалась, фрагменты становятся чуть толще. Наряду со сложными компози-

циями распространяются простые. Происходит территориальное распространение в более южную зону лесостепи (бассейн реки Самара). Дальнейшее развитие данной орнаментальной традиции в регионе происходит вместе с накольчатой, а позднее и с гребенчатой посудой в рамках средневожской культуры. Этот процесс происходил преимущественно в сокском бассейне, что отражают материалы стоянок Лебяжинка I и IV. Здесь доминируют простые мотивы с сохранением сложных композиций. Поверхность заглаживалась, реже ложились, преобладает плоскодонная форма дна с сохранением остродонной формы. Более широкое распространение получают илы как материал для производства керамики. Видимо, в рамках средневожской культуры данная орнаментальная традиция распространяется в северную часть лесостепной зоны вплоть до Прикамья, где получает более широкое распространение и своеобразную локальную специфику (сосуды из илистой глины, реже из глины; чаще используются горизонтальный зигзаг, косая решетка, горизонтальная елочка и др.).

Следует отметить, что в лесостепном Поволжье параллельно развитию посуды с насечками происходит формирование традиции украшения керамики зубчатым штампом. Данные комплексы обнаруживают друг с другом определенные сходства в изготовлении посуды: форма сосудов (плоскодонная и остродонная), схожие орнаментальные композиции, в качестве ИПС преобладает илестая глина⁴⁴. Ввиду явных аналогий этих традиций керамика, орнаментированная зубчатым штампом, вероятно, возникает автохтонно на основе посуды с насечками рассматриваемого региона. В то же время ее появление на рассматриваемой территории может иметь западные истоки, уходящие корнями вплоть до Поднепровья и Буго-днестровского междуречья⁴⁵. Использование для орнаментации изогнутого зубчатого штампа является характерной особенностью культур лесостепной зоны Европейской части

России. Так, схожая посуда фиксируется у неолитического населения Сурско-Мокшанского междуречья⁴⁶, а также, как отмечал ряд исследователей, Среднего и Верхнего Подонья⁴⁷. Однако для решения рассматриваемого выше вопроса требуется расширение источниковой базы, а также дальнейшие исследования, направленные на установление абсолютного возраста керамических групп.

Вывод. Таким образом, можно проследить развитие посуды с насечками в лесостепном Поволжье. Так, формирование посуды с насечками происходило в среде елшанского населения в начале VI тыс. до н.э. на территории Самарского Поволжья (бассейн реки Сок). Далее продолжается ее дальнейшее развитие в рамках средневожской культуры и происходит проникновение в южную зону лесостепи. Начиная со второй половины VI тыс. до н.э. посуда с насечками получает более широкое распространение в комплексах южной зоны лесостепи (Лебяжинка IV) и появляется на территории Ульяновского и Казанского Поволжья, где оформляется ее определенная специфика. Рассматриваемая посуда доживает в Самарском Поволжье (стоянки Лебяжинка I и IV) вплоть до конца VI тыс. до н.э. Данный тип керамики в эпоху неолита получает довольно широкое территориальное распространение и выходит далеко за пределы исследуемого нами региона. Данная концепция может использоваться в качестве рабочей гипотезы при изучении посуды с ногтевидными насечками в лесостепном Поволжье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1. Самара, 1999. С.15-43; *Андреев К.М., Выборнов А.А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара, 2017. 272 с.

² *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988. 112 с.; *Выборнов А.А.* Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 177-215; *Выборнов*

- А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.
- ³ Андреев К.М. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневожской культуры бассейна реки Сок // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С. 3-6; Сомов А.В. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С. 71-73.
- ⁴ Андреев К.М., Сомов А.В. Гребенчатая традиция орнамента керамики средневожской неолитической культуры лесостепного Поволжья (общая характеристика) // Самарский научный вестник. 2022. Т.11, №1. С. 156-164.
- ⁵ Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 106-122.
- ⁶ Васильев И.Б., Пенин Г.Г. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С. 3-22.
- ⁷ Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 8-27.
- ⁸ Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. С. 83-84.
- ⁹ Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 94-119.
- ¹⁰ Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 92-105.
- ¹¹ Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1994. С. 136-164.
- ¹² Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара, 2007. С. 107-155.
- ¹³ Вискалин А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневожской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. Самара, 2004. С. 144-154.
- ¹⁴ Вискалин А.В. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Вып. 2. Самара, 1997. С. 27-41.
- ¹⁵ Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980. С. 10-16; Буров Г.М. Неолитические стоянки Ульяновского Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 97-99.
- ¹⁶ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 37-120.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Выборнов А.А., Королев А.И., Мамонов А.Е. Комплекс каменного века поселения Лебяжинка V // Исторические исследования. Вып. 4. Самара, 2002. С. 163-176.
- ²³ Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит... С. 39-41.
- ²⁴ Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 426-439; Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. С. 23-38; Васильева И.Н. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара, 2012. С. 61-68; Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2012. С. 23-42; Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016. С. 5-20.
- ²⁵ Васильева И.Н. Гончарные традиции населения средневожской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С.18-19.
- ²⁶ Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. Вып. 3 (17). Казань, 2016. С.114.
- ²⁷ Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 60.
- ²⁸ Там же. С. 58.
- ²⁹ Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые радиоуглеродные даты комплексов неолитических культур Поволжья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016. С. 11-14.

- тической керамики поселения Лебяжинка IV // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20, № 3, 2018. С. 203-204.
- ³⁰ *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* К радиоуглеродной хронологии ... С. 60.
- ³¹ *Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С.* Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 237.
- ³² *Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Кулькова М.А., Юдин А.И.* Хронология стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб., Самара, 2020. С. 22.
- ³³ *Юдин А.И.* Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Ч.1. М., 2003. С. 33; *Юдин А.И.* О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001. С. 62-63; *Моргунова Н.Л.* Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997. С.11; *Выборнов А.А.* Средневолжская культура. С. 182.
- ³⁴ *Ставицкий В.В.* К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 118-119.
- ³⁵ *Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995. С. 96-124; *Белановская Т.Д., Тимофеев В.И.* Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолитэнеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 14-21; *Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н.* Радиоуглеродная хронология неолита Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н.э. Смоленск, 2016. С. 213-243.
- ³⁶ *Васильева И.Н.* Некоторые итоги технико-технологического анализа керамики поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 141.
- ³⁷ *Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А.* Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. 2013. СПб., 2013. С. 45-46.
- ³⁸ *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988. 80 с.; *Ставицкий В.В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999. 196 с.
- ³⁹ *Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Неолитическое гончарство Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 44.
- ⁴⁰ *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1993. С. 87-91.
- ⁴¹ *Бадер О.Н., Калинина И.В.* Саузовская I стоянка // Труды КАЭЭ ПГПУ. Пермь, 2003. Вып. 3. С. 11-30; *Калинина И.В.* Орнаментация керамики Волго-Камского неолита // СА. 1974. № 4. С. 170-179; *Калинина И.В.* Керамика с «насечками» поселения Сауз I // Проблемы энеолита степной и лесной полосы восточной Европы. Оренбург, 1980. 13-14.
- ⁴² *Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. 178 с.; *Синюк А.Т.* О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите – бронзовом веке (к оценке характера взаимодействий древних обществ) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С.196-198.
- ⁴³ *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С.108-110.
- ⁴⁴ *Васильева И.Н.* Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С. 18.
- ⁴⁵ *Вискалин А.В.* Ранние группы накольчатой и гребенчатой керамики Волго-Камья: Проблемы выделения и происхождения // Тверской археологический сборник. 2002. Вып. 5. С. 291.
- ⁴⁶ *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья; *Ставицкий В.В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья.
- ⁴⁷ *Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита; *Гапочка С.Н.* Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2001; *Смолянинов Р.В.* Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов, 2020. 400 с.; *Сурков А.В.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014. С. 134-145.

NEOLITHIC CERAMICS WITH NAIL-SHAPED NOTCHES FROM THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

© 2022 A.V. Somov

Samara State University of Social Sciences and Education

The article presents the results of the analysis of Neolithic pottery from the forest-steppe Volga region, ornamented with nail-shaped notches. This group of ceramics is less representative in comparison with other (ringed and combed) ceramic complexes of the Middle and Late Neolithic of this region. At the same time, dishes with notches should be considered as an independent typological group. The source base of the study consists of 189 conditionally identified vessels, which were analyzed by the author at first-hand. When presenting the morphological characteristics of ware from the studied sites, the author singled out four microregions (the basins of the Samara and Sok rivers, Ulyanovsk and Kazan Volga regions) in order to identify local features. In the southern part of the forest-steppe zone, this ornamental tradition has been recorded in isolated cases and has the most archaic appearance. In the materials from the Sok basin, the studied group of ceramics is becoming more widespread. The complexes of the Ulyanovsk Volga region and the Lower Kama, undoubtedly, have analogies with the materials from the sites of the basin of the river Sok. At the same time, regional features of these complexes can be distinguished. The author discusses the origins of the ware with nail-shaped notches and the development of these complexes in the forest-steppe Volga region. According to the results of radiocarbon analysis, the time of existence of the studied complex can be attributed to a very wide chronological range from the beginning to the end of the VI millennium BC.

Keywords: Neolithic, forest-steppe Volga region, Middle Volga (Srednevolzhskaya) culture, ceramics, pottery with nail-shaped notches.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-120-146

УДК 94/47

**САМАРСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ 1905-1917 гг.**

© 2022 И.Д. Казаков, А.И. Репинецкий

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 28.11.2022

Статья посвящена контрреволюционной борьбе Самарского губернского жандармского корпуса в период 1905-1917 гг. В работе намечаются основные этапы борьбы с революционерами, а также анализируются причины неудач СГЖУ на ранних этапах Первой русской революции; освещаются мероприятия и проблемы СГЖУ в контрреволюционной борьбе во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: Самарское губернское жандармское управление, Первая русская революция 1905-1907 гг., эсеры, РСДРП, Первая мировая война.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-147-152

В начале XX в. Россия вступала в эпоху тяжелых потрясений и необратимых перемен. Революционный вихрь событий 1905—1907 гг. затронул и Самарскую губернию. Жители Самарского края активно принимали участие в маевках, забастовках и митингах, откликаясь на призывы революционных организаций и партий. Все это не могло пройти мимо сил политического надзора, которые столкнулись с Первой русской революцией на своем посту.

История политического надзора в Самарской губернии начинается в сентябре 1857 году, когда был основан постоянный орган жандармского управления. Позже его возглавил генерал-майор Смальников. Этот орган носил название жандармской команды. К 1867 году команда была преобразована в Самарское губернское жандармское управление (СГЖУ), начальником ГЖУ был назначен М.В. Сердюков. Для усиления кадрово-

го состава в Новоузенский и Николаевские уезды были назначены офицеры Пекарский и Фон-Беринг¹. Еще через некоторое время в Балаково были направлены столичные офицеры для организации наблюдательного пункта. Вместе с ними туда прибыл штабс-капитан Клюев из Одессы. Все это стало фундаментом Самарского ГЖУ.

Перед событиями Первой русской революции СГЖУ причислялось к 3 ведомственному разряду, по которому полагалось иметь минимальное количество государственных служащих. Хорошо известно точное число должностей, сюда входили: должность начальника ГЖУ, 5 его помощников, у каждого помощника находилось в подчинении от 5 до 10 унтер-офицеров, секретарь и писарь. Помощники начальника ГЖУ, как правило, назначались в Самарский, Бугурусланский, Бугульминский, Бузулукский, Николаевский, Новоузенские уезды. Располагаться они могли как в самом уездном городе, так и в Самаре. В некоторых крупных селах (Богдановка, Борское) создали наблюдательные пункты, которые подчинялись непосредственно уездным помощникам начальника СГЖУ. Еще один пункт создали

Казаков Илья Дмитриевич, магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: kazakov.ilya@psga.ru
Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии. E-mail: a.repinetsky@yandex.ru

в Тоцких лагерях. Было положено иметь по 2 унтер-офицера на каждом пункте². Сразу после появления СГЖУ, жандармам было выделено здание в г. Самаре на пересечении ул. Саратовская (ныне Фрунзе) и ул. Алексеевская (ныне Красноармейская). Через 8 лет появилось и подразделение железнодорожных жандармов.

Следует отметить, что за первый период своего существования СГЖУ не отличалось громкими делами и расследованиями. Департамент полиции имел реестр неблагонадежных губерний, в этом списке Самара не числилась. Но ситуация начала меняться в конце XIX века, когда Самара стала местом политических ссылок. Во главе управления стояли заслуженные ветераны своего дела А.П. Дьяконов, Г.С. Добрянский, И.И. Каратеев. Однако губернатор И.Л. Блок критиковал начальников жандармов. В частности, он отмечал, что И.И. Каратеев не исполняет свои обязанности и ввиду своей старости и некомпетентности не может занимать этот пост, а также совершенно не осведомлен как обстоят дела в Самарской губернии³. Подобный межведомственный конфликт является весьма интересным поводом раскрыть характер межведомственного сотрудничества СГЖУ и других органов власти Самарской губернии.

Как отмечает В. В. Романов в своем исследовании, сотрудники СГЖУ были интегрированы в региональный госаппарат двояко. С одной стороны, они вели работу непосредственно в административно-политических органах власти (например, взаимодействовали с губернатором и вице-губернатором, курировали губернское по фабричным делам присутствие), с другой, - СГЖУ участвовало в работе судебных палат и прокурорском надзоре. Ученый приходит к выводу, что одной из причин случаев парализации всего госаппарата Самарской губернии во время революционных событий 1905—1907 гг. стала ситуация, когда правые контрольные органы продолжали вести привычный служебный надзор за административно-политическими учреждениями,

а те в свою очередь были заняты подавлением революции. Таким образом получалось, что на административно-политическую часть губернского госаппарата оказывалось двойное давление⁴.

На качестве жандармской работы сказывались и некоторые другие факторы. В Самаре была хорошо развитая водная сеть транспорта, не упитывавшаяся при слежке. Также отсутствовал регистрационный учет всех вновь прибывших в губернию. Со временем эти проблемы дали о себе знать. Конечно, отчеты в столицу уходили, как и раньше. Самара продолжала числиться благонадежной губернией. Однако это уже не соответствовало действительности. Финансирования агентуры практически не было. СГЖУ имели 5 филеров и 2 секретных работников.

Можно сделать вывод, что СГЖУ поначалу вело борьбу с революционными деятелями формально. Прибывавшие в Самару революционеры, кто был уже «на карандаше» у столичных жандармов, регистрировались в управлении, но слежка за ними не устанавливалась, и они были предоставлены сами себе. Именно так СГЖУ и пропустило момент, когда стала действовать группа по содействию подпольной газете «Искра». Помимо этого с начала XX века появился и Самарский комитет РСДРП, который развернул в городе активную деятельность: велась пропаганда среди жителей губернии, выпускались антиправительственные листовки, под руководством комитета была осуществлена первая забастовка пекарей⁵.

Игнорировать дальше революционеров СГЖУ уже не могло. Летом 1905 года жандармы провели крупную операцию по захвату ВБ (Восточное бюро) ЦК РСДРП. Этому предшествовала годовая работа по наблюдению за типографией. Все управление было задействовано в этом деле. Параллельно с начала XX века в губернии прочно осели и эсеры (Самара, Царевщина, Буян). Их деятельность была очень плодотворной. К 1905 году они имели влияние на все сельское население губернии. Жандар-

мам долгое время не удавалось установить даже личности агитаторов. В этих условиях управление предприняло отчаянный шаг и пошло на арест 34 членов эсерской партии. Однако 4 из них оказались совершенно непричастными людьми, а еще 10 мало осведомлёнными. Лидеры Самарского подполья так и не были раскрыты (Г. Акрамовский, С. Акрамовский, М. Смугин). Большого успеха управление достигло в борьбе с либералами. За последними сразу устанавливалась полицейская слежка по их прибытию в город. Около 50 членов самарского земства состояли на тайном контроле в СГЖУ⁶.

С.А. Гоманова отмечает пассивность СГЖУ в начале первой русской революции. Исследователь приводит в пример распоряжения губернатора Блока, где он подчеркивал бездействие местного жандармского корпуса. По его словам, допросы проводились не вовремя, нужные сведения не доходили до губернатора и т. д.⁷

Причины столь низкой активности самарских жандармов, следует видеть не только в начальстве. Необходимо повторно сказать о низком финансировании, небольшом кадровом составе. И.И. Каратаев не раз обращался в местный департамент полиции с просьбой усилить кадровый корпус ГЖУ: командировать 1 помощника и 8 новых офицеров. Но всегда получал отказ со ссылкой на отсутствие людей. При этом за три прошедших года число дознаний в ГЖУ увеличилось с 15 до 80.

Сконцентрировав все силы, И.И. Каратаев продолжал руководить управлением. В 1906 году была совершена операция по аресту некоторых членов партии эсеров. Ответ революционеров последовал незамедлительно. Г.Н. Фролов убил Самарского губернатора И.Л. Блока. Состоялась облава, и некоторые участники покушения были задержаны. Однако война с революционерами набирала новые обороты. Летом того же года в здание СГЖУ была брошена бомба. После этих событий И.И. Каратаев был уволен со своего поста. Его заменил молодой и энергичный начальник Саратовской

«охранки» М.П. Бобров. Сразу был увеличен штат СГЖУ и присвоен II разряд. Это увеличило финансирование управления. Новое руководство СГЖУ установила связи с другими провинциальными управлениями.

Под командованием нового начальника повысилась раскрываемость дел. Во все партии и организации были внедрены агенты. Устанавливалась и активно велась слежка. На каждую подозрительную личность было заведено личное дело. Однако дело об убийстве губернатора Блока оставалось самым важным. Сам исполнитель Фролов был схвачен на месте, но обстоятельства дела надо было расследовать в кратчайшие сроки.

Многие революционеры разъехались из Самары после удачного покушения. Самарским жандармам удалось найти членов террористического отряда Фролова (А. Яковлев, А. Круглова, В. Серова, М. Слепухин). В результате розыскной работы жандармы вышли на террористическую группу РСДРП в Самаре. Ее руководителем был В.Н. Саловский. Членов этой группы арестовали осенью 1906 года⁸.

В конце Первой русской революции деятельность Самарского управления была полностью направлена на ослабление и ликвидацию революционных партий. Этот период отмечен арестами крупных региональных деятелей - эсеров и социалистов. Был задержан П. Кузьмин, организатор кружка в г. Бузулуке⁹. Совместно с полицейскими были совершены рейды в села губернии Кинель-Черкассы, Царевщину. Удалось установить контроль над профсоюзами губернии. О численности последних СГЖУ регулярно докладывали в местную полицию.

В конце Первой русской революции деятельность Самарского управления была полностью направлена на ослабление и ликвидацию революционных партий. Этот период отмечен арестами крупных региональных деятелей - эсеров и социалистов. Был задержан П. Кузьмин, организатор кружка в г. Бузулуке¹. Совместно с полицейскими были совершены рейды в села губернии Кинель-Черкассы, Царевщину. Удалось

установить контроль над профсоюзами губернии. О численности последних СГЖУ регулярно докладывали в местную полицию.

Комплексные меры нового жандармского руководства привели к тому, что многие организации были дезориентированы. «Роза», одна из самарских эсерок, писала в письме к Петербургской организации, что в Самаре почти уже не осталось революционеров. Ответом на эти действия, стала подготовка нескольких покушений на высокопоставленных чиновников. Первым в списке террористов числился начальник Самарского ГЖУ, не имевший личной охраны. Это привело к трагичным последствиям. В середине декабря 1907 года на улице Дворянской (Куйбышева) к жандармскому полковнику подошел неизвестный человек и выстрелил в затылок из пистолета – браунинг, после чего скрылся. Убийца не оставил улики, кроме отпечатка сапога. Также жандармам удалось найти некоторые материалы по подготовке покушения уже во время обысков. В течение 20 декабря 1907 года, по всему городу проходили облавы. Оперативникам удалось установить личность убийцы. Это был П. Д. Романов, член партии эсеров. Уже в начале февраля 1908 года Романова обнаружили Московские жандармы в одной из больниц Рузского уезда. Он немедленно был доставлен в Самару, и к осени того же года следствие завершилось. Его вел следователь по особым делам П.А. Соколов. Романов был приговорён к 4 годам каторги и отправлен отбывать наказание¹⁰. С.А. Гоманова пишет о том, что след Романова теряется на каторжных работах и возможно, он закончил свою жизнь там же¹¹.

По данному делу арестовали сразу нескольких членов партии эсеров. Обстоятельства раскрытия дела видятся весьма интересными. Жандармы основывались на предметах одежды Романова. Было установлено, что за некоторое время до совершения убийства, Романов угощал выпивкой своих друзей. У него практически отсутствовали деньги, и ему пришлось заложить некоторые личные вещи (штиблеты и галоши). Сапог, с

которого был взят слепок, принадлежал Н. Немову, который одолжил их своему другу. Эсера Новиковского задержали по описанию папахи. Выяснилось, что Романов также одолжил ее. Таким образом сотрудники ГЖУ вышли и на Масленикова (на его квартире Романов готовил покушение).

В 1909 году СГЖУ совершило крупный рейд на самарскую ячейку большевиков. Им удалось нанести серьезный ущерб партии и вывести ее из строя до 1912 года.

Эти успехи полиции на некоторое время сделали обстановку в Самарской губернии спокойной. Все местные лидеры революционеров покинули Самару, а за остальными членами велась постоянная слежка. В нашем распоряжении имеется журнал Борского пункта жандармов. В нем говорится о количестве происшествий за период с 1903 по 1909 год. Если в 1905 году происшествий было зафиксировано 45, то в 1909 всего 3. Это показывает снижение революционной активности в регионе¹².

После этого успеха была проведена крупная реорганизация политической полиции губернии. Центр Поволжского охранного отделения переносили в Саратов. При Самарском ГЖУ оставался лишь пункт “царской охранки”, руководство которого находилось в Саратове.

В 1911 году, за три года до начала Первой мировой войны, в Самару приехал особый представитель столичного департамента Еремин. В его служебной записке говорилось о том, что в городе отсутствуют революционные организации, есть лишь отдельные личности, которые не в состоянии вести активной деятельности.

К проверке состав СГЖУ был полностью укомплектован. Его возглавлял полковник А. Критский. Он имел 2 помощников, 1 зав. слезкой, 9 офицеров и более 40 других чинов. В распоряжении управления находилось 2 конспиративные квартиры. Однако успешная до 1911 года деятельность привела к ослаблению рабочей «хватки» личного состава. За этот год сотрудниками было проведено менее десятка дознаний.

Представитель столичных жандармов Еремин отмечал, что сотрудники Самарского управления плохо осведомлены о современных методах работы. Действительно, в Самарском управлении плохо представляли уставы и программы политических партий империи. Полковнику А. Критскому предписывалось немедленно ликвидировать пробелы в знаниях у личного состава. В результате служебной проверки были уволены некоторые сотрудники СГЖУ.

Последующие значимые события в губернии произошли с началом Первой мировой войны. Все охранные отделения были ликвидированы, СГЖУ вновь перешло под руководство Департамента полиции и столичного штаба жандармского корпуса. Кадровый состав самарской жандармерии изменился. Лучшие кадры были мобилизованы на места боевых действий. Приходилось обходиться менее осведомленными людьми. Для них была выпущена специальная инструкция, которая была разработана в Департаменте полиции. К 1915 году оперативная работа начала выправляться.

Одной из новых и основных задач, которая легла на плечи СГЖУ, стала борьба против промышленного шпионажа. Сотрудники самарского управления предприняли ряд мер по защите важных оборонных предприятий на территории губернии. Среди них Трубочатый (Трубочный) завод (около 4 тыс. рабочих), Сергиевский завод взрывчатых веществ (около 3 тыс. рабочих). Защитные мероприятия проходили под маской борьбы против забастовок¹³.

Еще одной задачей было поддержание порядка в губернском центре во время продуктового кризиса. Он начался с 1916 года. К этому времени уже были восстановлены социалистические партийные организации. К началу Февральской революции 1917 года, СГЖУ полностью потеряло контроль над общей ситуацией. В начале марта 1917 года из Самарской тюрьмы были выпущены все заключенные, а вместо них за решеткой оказались члены бывшего СГЖУ. Дальнейшая судьба его личного состава неизвестна.

Все дела были уничтожены в период Гражданской войны¹⁴.

Таким образом, имеющийся материал позволил автору выделить два этапа в работе Самарского губернского жандармского управления. Первый этап отмечен активностью против революционных деятелей губернии. Некоторые громкие покушения и Первая русская революция сразу показали проблемы работы СГЖУ. Пришедший в это сложное время в руководство М.П. Бобров, смог установить контроль над ситуацией в городе и губернии. Однако после его смерти управление не смогло хоть сколько-нибудь удовлетворять представлениям о жандармской службе. СГЖУ были присущи типичные для того времени проблемы провинциальных управлений: ощущалась нехватка подготовленных кадров, наличие нескольких руководящих ведомств, бюрократизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. 468. Оп.1. Д. 100. Л. 3.
- ² ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д. 98. Л. 1–4; Д. 99. Л. 1–3; Д. 100. Л. 1–5.
- ³ ЦГАСО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 868. Л. 8 об.
- ⁴ Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. Наук. Казань, 1992. 24 с.
- ⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 255. Л. 18–25.
- ⁶ ЦГАСО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 28. Л. 5–11.
- ⁷ Гоманова С. А. Полицейские учреждения Самарской Губернии в 1891–1917 гг.: Автореф. Дис... доктр. ист. наук. Самара, 2012. 26 с.
- ⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598 М. Л. 1–18.
- ⁹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 759 М. Л. 45.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д. 1101 Л. 48.
- ¹¹ Гоманова С. А. Полицейские учреждения Самарской Губернии в 1891–1917 гг.: Автореф. Дис... доктр. ист. наук. Самара, 2012. 26 с.
- ¹² ЦГАСО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 231. Л 1 – 3.
- ¹³ Перегудова З.И. Политический сыск в России 1880–1917. М., 2013.
- ¹⁴ Рыжов Д. С. Борьба полиции с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.) / под общ. ред. А.В. Горожанина, А. Я. Малыгина. – Самара, 2001. С. 28.

**SAMARA PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT
IN THE COUNTER-REVOLUTIONARY STRUGGLE IN 1905-1917**

© 2022 I.D. Kazakov, A.I. Repinetsky

Samara State University of Social Sciences and Education

The article is devoted to the counter-revolutionary struggle of the Samara provincial gendarmerie corps in the period of 1905-1917. The authors identify the main stages of the counter-revolutionary struggle, analyze the reasons for the failures of the Samara gendarmerie at the early stages of the First Russian Revolution, and examine the activities and problems of the Samara gendarmerie in the counter-revolutionary struggle during the World War I.

Keywords: Samara provincial gendarmerie department, First Russian Revolution of 1905-1907, Socialist Revolutionaries, RSDLP, World War I.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-147-152

Ilya Kazakov, Graduate Student, Faculty of History

E-mail: kazakov.ilya@psga.ru

Alexander Repinetsky, Doctor of History, Professor,

Department of Russian History and Archaeology

E-mail: a.repinetsky@yandex.ru

УДК 930.85

**РЕЦЕНЗИЯ НА: ФРУМКИН К.Г. ЛЮБОВАНИЕ УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ:
ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ЛИТЕРАТУРЕ,
ИСКУССТВЕ И ПУБЛИЧНОЙ РИТОРИКЕ. М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2022. 352 С.**

Монография К.Г. Фрумкина «Любование ученым сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике»¹ опубликована издательством «Нестор-История» при Санкт-Петербургском Институте истории РАН, специализирующимся на выпуске литературы исторической и культуроведческой направленности. Она уже привлекла интерес читателей и рецензентов как пример исследования, где предложен «каркас совершенно новой теории», но при этом «градус интриги автор поддерживает почти детективный», а текст книги написан «живо, азартно, без академического волапюка»².

Диапазон научных интересов кандидата культурологии К.Г. Фрумкина, лауреата Литературной премии имени Александра Беляева (2009), координатора Ассоциации футурологов, сопредседателя клуба любителей философии ОФИР и члена Ассоциации исследователей фантастики (АИФА), впечатляюще широк: он охватывает футурологию³ и проблемы исторической памяти⁴; историю драматургии⁵ и историю научно-фантастической литературы⁶; историю научно-философских идей и анализ актуальных идеологических дискурсов⁷. В этом многообразии отчетливо выделяется стержневая тема работ К.Г. Фрумкина – образ будущего в человеческой культуре, представления людей о желаемой и возможной эволюции социальных отношений, эволюции технологий и отношений человека с природой, наконец, эволюции морали и ценностей. Футурология, научная фантастика, разнообразные социальные и биосоциальные утопии интересны К.Г. Фрумкину прежде всего как опыты поиска человеком своего места

в меняющемся мире. Исследование, посвященное «ученому сословию», органично вписывается в эту картину: на протяжении всего Нового и новейшего времени наука играла весьма существенную роль в формировании образа будущего.

По своей проблематике монография К.Г. Фрумкина соответствует тому актуальному направлению в современной истории науки, которое можно охарактеризовать как «рефлексивный поворот», воплощение потребности ученого сообщества в самоанализе и самопознании. Вслед за Р. Мёртоном, Р. Коллинзом и другими ведущими социологами и антропологами науки современные ученые ведут дискуссии о том, как устроено научное сообщество, с помощью каких социальных институтов продуцируются и транслируются научные знания, каковы мотивация и ценностно-нормативные регуляторы научной деятельности⁸. Все эти проблемы рассматриваются в работе К.Г. Фрумкина.

При этом монография «Любование ученым сословием» необычна своей исследовательской оптикой: ее автор исследует научный мир не «напрямую», а сквозь призму художественных образов; К.Г. Фрумкина интересует то, как мир науки был отражен в литературе, искусстве и пропаганде советской эпохи. Как полагает автор, исследуя образы ученых и научной среды в общественном сознании, мы можем понять, какие запросы предъявляло науке общество и государство на том или ином этапе – и насколько эффективно, с точки зрения современников, наука отвечала на эти запросы.

В центре внимания К.Г. Фрумкина – не столько наука, сколько «наукоориентиро-

ванная культура»; этот термин введен автором по аналогии с литературоведческими понятиями, характеризующими жанровую специфику советской литературы: «деревенская проза», «производственный роман», «лейтенантская проза». Под наукоориентированной культурой К.Г. Фрумкин понимает «произведения литературы и искусства, посвященные науке... как особой социальной деятельности»⁹, повествующие о работе ученых и тематически заостренные на социально-антропологических аспектах их профессиональной деятельности.

Здесь автор открывает поистине необъятное поле для анализа: под определение наукоориентированной прозы подпадают такие значимые для отечественной культуры произведения, как «Открытая книга» В.А. Каверина, «Русский лес» Л.М. Леонова, «В круге первом» А.И. Солженицына, «Иду на грозу» Д.А. Гранина, «Не хлебом единым» и «Белые одежды» В.Д. Дудинцева; не остаются вне зоны внимания автора и фантастические произведения об ученых – к примеру, «Собачье сердце» М.А. Булгакова или «Понедельник начинается в субботу» братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких. Отдельная глава исследования посвящена «научной поэзии» – от метафизического осмысления научных открытий в поэзии Николая Заболоцкого, Арсения Тарковского, Леонида Мартынова до сатирических песен Владимира Высоцкого и Тимура Шаова о «товарищах ученых»¹⁰. Предметом авторского анализа становятся также живописные полотна и кинофильмы, посвященные научному труду и повседневной жизни ученого сообщества – от патетического «Депутата Балтики» (1936) до сатирической «Блондинки за углом» (1983); репродукции картин и кадры из фильмов, воспроизведенные в приложении к тексту, выразительно дополняют авторское повествование. Один только перечень анализируемых произведений литературы и искусства, тщательно структурированный по жанрам – «проза», «научная фантастика», «драматургия», «поэзия», «мемуары и документальная проза»,

«кино», «портреты» и «жанровые картины», – занимает в монографии восемь страниц, и это, безусловно, свидетельствует не только об исследовательской добросовестности автора, но и о том, что наукоориентированные произведения действительно составляли мощный пласт советской культуры.

Чем же, по мнению К.Г. Фрумкина, объясняется такое внимание к миру ученых в советской культуре?

Сам феномен «наукоориентированной культуры», как доказывает автор, является характерной чертой XX века: великие научные открытия и технические изобретения вызвали рост общественного интереса к работе ученых и сформировали убеждение, что наука способна изменить облик мира, стать подлинным «двигателем прогресса», причем не только технического и экономического, но и социального. Вера в преобразующую мощь науки задавала высокую планку общественных ожиданий – подчас явно завышенных и нереалистичных: «покорение природы», изменение земного ландшафта и климата, колонизация Вселенной, победа над стихийными бедствиями, голодом, болезнями – и в конце концов над самой смертью.

Эти ожидания «научных чудес» коррелировали с советским коммунистическим проектом; вера в науку и вера в светлое коммунистическое будущее естественным образом дополняли друг друга. Однако, как показывает К.Г. Фрумкин, советское государство и официальная идеология долго выстраивали собственную модель взаимоотношений с научным миром – и этот процесс, далеко не линейный и не безоблачный, отражался в художественной культуре эпохи, воздействовал на дискурс и на образный ряд наукоориентированных произведений.

В монографии К.Г. Фрумкина выделено три крупных раздела. Первый из них посвящен основным вехам социальной истории российской науки в XX веке и их отражению в публичной культуре; второй и третий разделы – «Антропология науки» и «Экономика и социология науки» – содержат анализ

важнейших особенностей образа ученого и научного сообщества в отечественной художественной культуре.

В первом разделе монографии текст организован как классический нарратив: читатель вместе с автором движется по хронологической оси, прослеживая, как от десятилетия к десятилетию в публичной риторике и культуре изменялось отношение к науке. К.Г. Фрумкин находит свое емкое, запоминающееся определение для каждого периода в истории отечественной науки и ее художественных рецепций. Исходной точкой исследования становится проблема «оторванности науки от жизни», остро поставленная в дореволюционной культуре – у А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Андреева. Центральной фигурой наукоориентированных произведений в тот период была фигура авторитетного ученого, «великого профессора», научный труд изображался как занятие гениальных одиночек, укрывшихся от насущных проблем современности в «башне из слоновой кости», – и это восприятие научного труда, при всех социально-политических пертурбациях, надолго сохранилось и в советской культуре. Период послереволюционной разрухи, дезорганизации научных учреждений, существования ученых на грани физического выживания (1917-1924) охарактеризован в монографии как «царство смерти»; произведения о жизни ученых, созданные в то время, были проникнуты ощущением «бытового и экзистенциального катастрофизма»¹¹. Однако это была не «смерть» научного сообщества и наукоориентированной культуры, а начало кардинально нового этапа их истории.

Ключевым понятием при описании эпохи «раннего сталинизма» (1925-1940) у Фрумкина становится метафора «барской любви» советского государства к науке: с началом индустриализации наука интегрируется в систему плановой экономики, превращается в престижную и хорошо финансируемую отрасль, переживает небывалый институциональный и кадровый рост, но, поставив науку себе на службу,

государство требует взамен не только политической лояльности, но и немедленных, осязаемых практических результатов. Кульминация политики «кнута и пряника» в отношениях государства к науке наступила в период «позднего сталинизма» (1941-1953): феномен «лысенковщины» и гонений на генетику, как трактует его Фрумкин, был порожден прежде всего завышенными, нереалистическими ожиданиями «научных чудес», верой в возможность неограниченного управляемого воздействия на живую материю, стремлением любой ценой «догнать и превзойти» достижения зарубежной науки – и беспощадно покарать всех тех, кто скептически относится к подобным «чудесам». Накаленная общественная атмосфера той эпохи, когда от ученого постоянно требовали делать верный политический выбор, отразилась и в художественных произведениях, где формируются два антагонистических образа: «великого ученого», ставящего свой талант на службу народу (как И.П. Павлов, И.В. Мичурин, К.А. Тимирязев), и «ученого-вредителя» (как вариант – теоретика-консерватора, «оторванного от жизни», которому противостоит энергичный новатор-практик).

«Золотым временем» советской науки, как пишет К.Г. Фрумкин (и трудно с ним в этом не согласиться), стали «большие шестидесятые» (1954-1970) – период научно-технического прогресса, время стремительного разрастания многочисленных отраслевых научно-исследовательских институтов, когда научные учреждения становятся привычной частью городского ландшафта, а «у любого советского человека появилось куда больше шансов столкнуться с ученым в жизни»¹². Именно в этот период, по мнению К.Г. Фрумкина, в советской наукоориентированной культуре происходит важнейший внутренний перелом: изменяются представления о характере научного труда. В центре наукоориентированной культуры 1960-1970-х гг. – уже не творчество гениальных ученых-затворников, а жизнь научного коллекти-

ва, вузовской кафедры, лаборатории или научно-исследовательского института (условного «НИИЧаВо») как малого социума. Сущность этого социокультурного перелома наглядно показана автором монографии с помощью иллюстративного ряда: если в отечественном изобразительном искусстве первой половины XX века тема науки представлена в основном портретами выдающихся ученых (Д.И. Менделеева, И.П. Павлова и других), то в искусстве второй половины столетия на смену портретам приходят типовые жанровые полотна с изображением групп людей в белых халатах, склонившихся над приборами в лаборатории или оживленно дискутирующих на фоне исписанной формулами доски. При этом общество по-прежнему ждет от науки великих достижений и преобразования мира – показателем этого становится расцвет научной фантастики в 1960-е гг.

Важной темой исследования становится история кризиса отечественной наукоориентированной культуры. Начало этого кризиса автор относит к «концу прекрасной эпохи» (1971-1985), когда темпы научно-технической революции замедляются, научное сообщество вступает в пору старения и профессионального выгорания, общество постепенно разочаровывается и перестает ожидать новых научных «чудес», а художественное изображение взаимоотношений в научной среде становится все более критичным. Наконец, новейший период в истории наукоориентированной культуры (1986-2000) автор характеризует как «жизнь после смерти» или «время воспоминаний и мифов»: в литературе и кинематографе наука становится прежде всего мемориальной темой, опыт советской эпохи остается предметом напряженной рефлексии, но актуальная научная жизнь и современное научное сообщество больше не являются сколь-либо востребованной темой художественных произведений.

Возможно, причины охлаждения общества и культуры к науке следует искать не только во внешних социальных факторах,

но и во внутренних проблемах самого научного сообщества? Чтобы ответить на этот вопрос, во втором и третьем разделах своей монографии автор обращается к «свидетельским показаниям» – к ключевым темам и лейтмотивам наукоориентированных произведений поздней советской эпохи, которые дают возможность сделать важные выводы об антропологии, экономике и социологии советского научного мира. Для диахронического анализа автор выбирает произведения литературы и кинематографа 1950-1980-х гг., поскольку, по его словам, в этот период «литература и искусство становятся гораздо честнее, на них влияет в большей степени не социальная идеология, а общественное мнение интеллигенции, мнения самой научной среды»¹⁵.

На основе анализа художественных произведений К.Г. Фрумкин делает вывод, что советскому искусству был свойствен романтический культ ученого-творца, а к ученому предъявлялись самые высокие морально-этические требования: чтобы выполнить свою великую социально-преобразующую миссию, он должен быть бескорыстным служителем науки, «вечным юношей», пламенным энтузиастом, готовым на самопожертвование ради научных открытий (как в известном советском фильме «Девять дней одного года»). По сути дела, доказывает Фрумкин, образ ученого в советской культуре носил не столько эмпирический, сколько нормативный характер, приближаясь к эталону человека будущего, «сознательного строителя коммунизма» (не случайно в «мирах Полудня» братьев Стругацких все жители коммунистического общества – ученые-исследователи, каждый в своей сфере).

При этом, как показывает Фрумкин, в культуре позднего советского периода романтическое восприятие научного труда уживалось со вполне реалистическим, трезвым и критичным взглядом на социальные конфликты и противоречия, свойственные научной среде. В литературе и фильмах об ученых, созданных в послевоенный период, нашли отражение такие проблемы научно-

го сообщества, как иерархизм, «старение» научной среды и замедление карьерного роста молодых ученых, противоборство «настоящих ученых» с плагиаторами и карьеристами, гендерное неравенство. Фрумкин подробно исследует такой парадокс советской научной иерархии, отраженный в наукоориентированных романах, как назначение видных ученых на руководящие должности, которое приводило к их постепенному превращению в «бывших ученых», загруженных административными обязанностями и лишь имитирующих исследовательскую активность, в частности, путем «принудительного соавторства» со своими подчиненными.

От анализа феноменов советской культуры автор монографии переходит к рекомендациям, актуальным и для современной науки: решением проблемы, с точки зрения Фрумкина, могло бы стать внедрение в научную среду квалифицированных менеджеров и освобождение ученых от административного труда¹⁴. Однако, по нашему мнению, «квалифицированный менеджмент» в научной среде тоже не является панацеей – как показывает недавний опыт реформирования научных и высших образовательных учреждений, менеджменту зачастую свойственна погоня за чисто формальными, количественными показателями эффективности научного труда.

Исследование К.Г. Фрумкина, как любой основательный научный труд, позволяет поставить целый комплекс новых вопросов. На карте советской наукоориентированной культуры, тщательно начерченной автором, все же остаются свои «белые пятна». Так, не нашла отражения в монографии проблема взаимоотношений учителя и ученика в научном мире, хотя эта тема, безусловно, важна для самосознания научного сообщества и богато представлена в художественной литературе; по нашим наблюдениям, трактовки взаимоотношений Учителя и ученика в советском секулярном искусстве отчетливо восходят к евангельскому тексту с его галереей персонажей (верный ученик, амби-

циозный ученик, сомневающийся ученик, ученик-предатель и т.д.) – что дает пищу для важных культурологических размышлений.

Таким образом, автор монографии «Любование ученым сословием» объединяет в одном исследовательском поле культурологическую и науковедческую проблематику; авторская концепция важна для понимания специфики советской художественной культуры и внутренней логики развития отечественной науки. Эту монографию с большим интересом прочтет и представитель научного сообщества, и «любопытный читатель», хорошо знающий советскую культуру. Но, пожалуй, ценнее всего в ней то, что поставленные автором вопросы обращены не только к недавнему прошлому – наблюдения и выводы К.Г. Фрумкина стимулируют научную рефлексию, побуждают размышлять о функциях науки в современном обществе, о проблемах организации научного труда и взаимоотношений в научной среде и, наконец, об экзистенциальном смысле научной работы как одной из форм человеческого бытия в мире.

*Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры российской истории
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
О.Б. Леонтьева*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрумкин К.Г. Любовь ученым сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

² Владимирский В. Баллада о сверхобычном человеке: Константин Фрумкин изучил трансформацию образа ученого в советской литературе и искусстве // Санкт-Петербургские ведомости. 2022. 21 сентября. № 176 (7259).

³ Фрумкин К.Г. Что будет после капитализма? Попытки ответа на старый вопрос // Новый мир. 2013. № 2. С. 148-169; Фрумкин К.Г. После капитализма: Будущее западной цивилизации. М.: Алгоритм, 2014.

⁴ Фрумкин К.Г. Дискурс для Холокоста: полити-

- ческое зло и историческая память // Историческая экспертиза. 2019. № 2(19). С. 9-25.
- ⁵ Фрумкин К.Г. Сквозные мотивы русской драматургии: От Грибоедова до Эрдмана. М.; СПб.: Нестор-История, 2018; Фрумкин К.Г. Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов. 2-е изд., стер. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
- ⁶ Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: УРСС, 2004; Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17-28; Фрумкин К.Г. Советская фантастика как ипостась коммунистической утопии // Историческая экспертиза. 2020. № 2 (23). С. 239-256.
- ⁷ Фрумкин К.Г. Пассионарность: приключения одной идеи. М.: ЛКИ, 2008; Фрумкин К.Г. Бес-
- смертие: странная тема русской культуры // Новый мир. 2012. № 4. С. 129-152; Фрумкин К.Г. Природные катаклизмы в идеологическом и политическом измерении // Свободная мысль. 2021. № 1. С. 147-162.
- ⁸ См.: Мёртон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. М.: АСТ, 2006; Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- ⁹ Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием. С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 151-162.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Там же. С. 105.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 258-263.

**REVIEW ON: FRUMKIN, K.G. ADMIRING THE SCIENTIFIC ESTATE:
REFLECTION OF THE SOCIAL HISTORY OF SOVIET SCIENCE
IN LITERATURE, ARTS AND PUBLIC RHETORIC.
MOSCOW; S.-PETERSBURG: NESTOR-ISTORIJA, 2022. 352 P.**

*Doctor of History, Associate Professor,
Professor at the Department of Russian History,
Institute of Humanities and Social Sciences,
Samara National Research University
named after academician Sergey Korolev
O.B. Leontieva*

Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Главный редактор: Ю.П. Аншаков

Том 4, номер (16), 29.12.2022

Индекс: 36622. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя и редакции – 443001, Самарская область,
г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 640-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 14.12.2022 г.

Офсетная печать

Подписано к печати 29.12.2022 г.

Усл. печ. л. 18,368

Тираж 200 экз.

Формат бумаги А4

Зак. 40

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО» 443070, Самарская область,
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел. 8 (846) 267-36-82

Индекс: 80659
Распространяется бесплатно